

ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ ФЕДОРОВИЧА ЛЬВОВА.

Записки славнаго композитора Алексѣя Федоровича Львова, обезсмертившаго имя свое народнымъ гимномъ и великими трудами по нашему богослужебному пѣнію, писаны не для печати, а для дѣтей своихъ, сына и дочери. Они проникнуты любовью къ нимъ, цѣлыми страницами состоятъ изъ отеческихъ поученій, и самое изложеніе событій сопровождается въ нихъ наставительными выводами и совѣтами. Поэтому Записки эти печатаются только въ извлеченіи. Онъ началъ ихъ писать 5 Февраля 1847. Сперва идутъ они связнымъ повѣствованіемъ, а въ концѣ переходятъ въ дневникъ. Издаются они съ подлинника, принадлежащаго сыну сочинителя, Федору Алексѣевичу Львову.

А. Ф. Львовъ представляетъ собою явленіе рѣдкое: его служба происходила въ непосредственной близости къ Государю и сопряжена была съ безпрестанными заботами и строгою отвѣтственностью; въ тоже время душа его была предана музыкальному искусству. Покойный Государь Николай Павловичъ понималъ это, и художникъ отвѣчалъ ему за то безграничною преданностію. П. Б.

Родившись въ 1798 г., я провелъ первую молодость мою весьма счастливо, будучи безмѣрно любимъ моими родителями и любя ихъ, сколько молодое сердце мое понимало это чувство. Къ сему много способствовало и то, что родитель мой, любя страстно музыку, видѣлъ во мнѣ рѣшительный талантъ къ сему искусству. Я безпрестанно былъ съ нимъ и отъ семи лѣтъ возраста, худо или хорошо, разыгрывалъ съ нимъ и дядей моимъ Андреемъ Самсоновичемъ Козляниновымъ, всѣ ноты старинныхъ сочинителей, которыя батюшка выписывалъ изъ всѣхъ странъ Европы (замѣчательнѣйшія изъ сихъ нотъ и теперь находятся въ музыкальной библіотекѣ и которыя я прошу васъ беречь и быть увѣренными, что въ нихъ великія достоинства). Это безпрестанное упражненіе въ музыкѣ старой школы, труднаго расчета, положило основаніе прочному развитію во мнѣ Богомъ дарованнаго таланта. Музыка спасла меня отъ многоаго; музыка отворила мнѣ многія двери, даже въ домѣ царскомъ; музыкѣ обязанъ я снисхожденіемъ многихъ. Счастливая и беззаботная молодость пролетѣла скоро. На десятомъ году

моего возраста матушка скончалась; но Богъ не оставилъ насъ: далъ намъ мать другую, составляющую и понынѣ связь и счастье всей семьи.

Въ 1814 г. я поступилъ на службу въ Институтъ Путей Сообщенія, когда корпусъ сей былъ подъ начальствомъ генерала Бетанкура; въ 1818 г. вышелъ первымъ воспитанникомъ изъ сего заведенія (что вы можете видѣть и теперь въ Институтѣ, гдѣ имя мое написано на доскѣ золотыми буквами) и былъ командированъ по высочайшему повелѣнiю для производства работъ на военные поселенія Новгородской губернии подъ начальство графа Аракчеева. Легко вообразить, что сдѣлалось у насъ въ домѣ. Родные мои были въ крайней заботѣ: изнеженный чувствами, неопытный, не понимавшій еще настоящей подчиненности, я долженъ былъ ѣхать и служить у такого начальника, котораго всѣ трепетали. Я же, живучи до того въ родительскомъ домѣ, не имѣлъ другаго начальника, какъ Бетанкура, который былъ намъ болѣе товарищемъ и другомъ; я и въ мысляхъ не могъ имѣть того труда, той отвѣтственности, той безмѣрной строгости, которыя мнѣ предстояли. Кто не слыхалъ про графа Аракчеева? Но не многіе были свидѣтелями того, что видѣлъ я. Съ весны я употребленъ былъ для приготовительныхъ работъ къ построенію штаба графа Аракчеева полка. Трудъ отъ насъ требовался неимоверный: производители работъ должны были находиться при нихъ отъ трехъ часовъ утра до двѣнадцати, и отъ часа до девяти вечера безотлучно; взысканія начальства превосходили всякую мѣру. Для этихъ работъ употреблены были нижніе чины гренадерскихъ полковъ, и старые солдаты, сдѣлавшіе многіе походы, съ лопатами въ рукахъ, работали до изнуренія. И истинно невозможно было видѣть равнодушно покорность Русскаго солдата къ волѣ старшаго. Въ скоромъ времени усердіе и покорность притупились, и мѣры жестокости были единымъ средствомъ къ выполненію требованій начальства. Во время работъ молчаніе общее, на лицахъ страданіе, горе! Такъ протекали дни, мѣсяцы, безъ всякаго отдохновенія, кромѣ воскресныхъ дней, въ которые обыкновенно наказывались провинившіеся во время недѣли. Я помню, что, ѣхавъ однажды въ Воскресенье верхомъ верстъ 15, я не проѣхалъ одной деревни, гдѣ бы не слыхалъ побоевъ и криковъ. Мы сами лишены были самаго необходимаго для жизни и спокойствія; отъ начальниковъ ни малѣйшаго вниманія, никогда ласковаго слова, все это отъ подражанія верхнему начальнику и желанія угодить ему. Въ Ноябрь работы прекращались, и мы возвращались въ Петербургъ для приготовленія къ будущему лѣту плановъ и смѣтъ. Здоровье, молодость, радость при возвращеніи домой, все заставляло забывать прошедшее;

однако, рассказывая другу-родителю моему все, что я испытывалъ, неоднократно говорилъ я, что если служба такова вездѣ, то нельзя не позавидовать простому мужику, который въ потѣ лица пріобрѣтаетъ средства къ существованію, но душой покоенъ... Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ я болѣе имѣлъ случая видѣть графа Аракчеева, который, не смотря на его жестокій нравъ, наконецъ полюбилъ меня, видя, что я съ кротостію исполнялъ свою обязанность и трудился съ полнымъ усердіемъ. Ни одинъ изъ моихъ товарищей не былъ столько отличенъ имъ, ни одинъ не получилъ столько наградъ, и я, не смотря на всѣ труды и безмѣрные требованія начальства, находилъ еще средство поддерживать свой талантъ, зная, какое тѣмъ дѣлаю утѣшеніе дорогимъ, милымъ моимъ родителямъ. Обѣщавъ имъ ежедневно, хоть немного, играть на скрипкѣ, я не рѣдко, изнуренный отъ усталости, засыпалъ со скрипкою въ рукахъ, или игралъ едва различая ноты, бывшія передъ глазами, избирая всегда для игры такое время и такое мѣсто, чтобы никто слышать меня не могъ.

Сблизясь съ графомъ, я имѣлъ возможность всмотрѣться въ необыкновенныя черты нрава этого человѣка. Одаренный необыкновеннымъ умомъ, но безъ всякаго образованія, онъ имѣлъ душу твердую, но самолюбивъ былъ до крайности; сожалѣнія къ ближнему никакого...

Прослужа при графѣ Аракчеевѣ 8 лѣтъ, т.-е. по 1825 г., въ теченіе этого времени я былъ употребленъ для построенія искусственныхъ работъ, мостовъ, стропиль, экзерциргаузовъ и проч. А какъ въ производствѣ сихъ работъ ни Клейнмихель, ни самъ графъ ничего не понимали, то я имѣлъ всегда возможность отклонить отъ себя разныя мелочныя взысканія, представляя непонятныя для нихъ причины моихъ дѣйствій. Слишкомъ было бы долго описывать разные анекдоты, случившіеся во время служенія моего на военныхъ поселеніяхъ; но я хочу описать обстоятельство со мною случившееся, которое доказываетъ, что ежели графъ былъ строгъ, то умѣлъ понимать и чувства нѣжныя. Въ 1823 г. матушка писала Государю Александру Павловичу, прося его дать мѣсто батюшкѣ. Письмо это Государь передалъ графу Аракчееву, какъ въ то время все ему передавалось. Нѣсколько времени потомъ, въ С.-Петербургѣ, получаю я приглашеніе обѣдать у графа съ приказаніемъ придти $\frac{1}{4}$ часа ранѣе. Лишь вошелъ я къ нему въ кабинетъ, онъ подаетъ мнѣ бумагу; я развертываю и вижу копію съ указа, имъ свѣреннаго, объ опредѣленіи батюшки въ Государственный Совѣтъ. Трудно объяснить мое чувство въ эту минуту. Графъ, замѣтя это на моемъ лицѣ, сказалъ: «Очень я радъ, что могъ сдѣлать и батюшкѣ твоему, и тебѣ такое удовольствіе; теперь пойдемъ обѣдать, а тамъ ты отвѣзешь это батюшкѣ, которому скажи отъ

меня, что я очень радъ съ нимъ послужить». За обѣдомъ графъ приказывалъ нѣсколько разъ скорѣе подавать кушать, посадилъ меня возлѣ себя и, не давъ послѣднимъ окончить послѣднее кушанье, всталъ, обнялъ меня и сказалъ: «Ну, съ Богомъ, поѣзжай! Я знаю, какъ тебѣ домой хочется; не забудь моего порученія»...

Въ другой разъ случилось мнѣ, по званію старшаго адъютанта, быть у Клейнмихеля; онъ былъ нездоровъ и, когда я сталъ читать ему приказъ, онъ прервалъ меня и говоритъ: «ты все врешь». При всей моей молодости и терпѣливомъ нравѣ, слова эти показались мнѣ такъ тяжелы, что я сложилъ книгу приказовъ и пошелъ вонъ. Сколько генералъ меня ни звалъ, я продолжалъ идти, какъ бы не слышу, и совсѣмъ ушелъ. Пріѣхавъ домой, я сказался больнымъ, какъ на другой день получаю собственноручное письмо графа.

Я тотчасъ явился на службу, и тѣмъ все кончилось. Въ отвѣтственности и непріятностяхъ непрестанныхъ, исполняя двѣ должности (старшаго адъютанта въ штабѣ и строителя искусственныхъ работъ), я видѣлъ, что мнѣ надо рѣшиться оставить службу, ибо чувствовалъ себя болѣе не въ силахъ продолжать столь усиленнаго труда съ отвѣтственностію, угрожающею несчастіемъ мнѣ и слѣдовательно роднымъ моимъ. Но какъ это сдѣлать? Съ военныхъ поселеній добромъ никого не отпускали; надо было рѣшиться и всю надежду положить на Бога. Въ 1825 г. лѣтомъ, оканчивая построеніе огромнаго искусственнаго моста чрезъ Лажитовскій ручей въ округѣ короля Прусскаго полка, я рѣшился написать графу письмо, которымъ просилъ его позволить мнѣ подать въ отставку. Графъ самъ пріѣхалъ на мои работы и разнымъ образомъ сталъ уговаривать меня остаться, ласками и угрозами, а какъ я за лучшее почелъ менѣе говорить, а больше дѣлать, то графъ уѣхалъ, не получивъ отъ меня рѣшительнаго отвѣта, и я увѣренъ, что эти обстоятельства мои весьма дурно бы кончились, если бы обстоятельства другія, весьма важныя, не затмили меня и моей службы, такъ что отставка моя пошла по начальству Путей Сообщенія, гдѣ я числился, и я вышелъ безъ отрепьевъ...

Въ тотъ самый день, какъ графъ Аракчеевъ объяснялся со мною на счетъ моей отставки, поѣхалъ онъ обратно въ округъ имени своего полка, пошелъ осматривать штабъ, какъ получается извѣстіе, что Настасью Ѳедорову зарѣзали. Докторъ Далеръ приказалъ тотчасъ заложить коляску и самъ, вошедъ къ графу, сказалъ ему, что Настасья Ѳедоровна очень занемогла. Графъ, замѣтя, что должно быть нѣчто необыкновенное, такъ потерялся, что едва могъ найти дверь для выхода и, увидавъ свою коляску, поспѣшно сѣлъ въ нее и приказалъ ѣхать. Кучеръ мчалъ лошадей, сколько было силы, и наконецъ до-

скакиваетъ до оврага, гдѣ строился мостъ подъ присмотромъ капитана Кафки (этотъ Кафка жилъ въ Грузинѣ и былъ употребленъ при собственныхъ работахъ графа). Увидавъ его, графъ остановилъ коляску и закричалъ: «Что, Кафка, говори!»—«Что дѣлать, ваше сіятельство, несчастіе! Зарѣзали!» На эти слова графъ не отвѣчалъ ни слова, тихо вышелъ изъ коляски и, обращаясь къ Далеру, который сидѣлъ съ нимъ, сказалъ: «Ну, теперь мнѣ ничего не надо; поѣзжайте, куда хотите, оставьте меня; я пойду пѣшкомъ» (это было въ 6 верстахъ отъ Грузина). Графъ шелъ, не говоря ни слова, и всѣ слѣдовали за нимъ, не смѣя нарушить его молчанія. Пришедъ въ Грузино, графъ тотчасъ пошелъ въ комнату, гдѣ было тѣло Настасьи, кинулся обнимать ее, и, послѣ нѣсколькихъ минутъ рыданія, снялъ съ ея шеи окровавленный платокъ, надѣлъ на себя и, вышедъ на крыльцо, разорвалъ свой сюртукъ и закричалъ окружавшимъ его людямъ: «Злодѣи, зачѣмъ меня не зарѣзали; мнѣ бы легче было!» Первое время положеніе графа было ужасно: онъ все молчалъ, почти не ѣлъ, спалъ сидя и не иначе, какъ подъ тихій разговоръ его окружающихъ; страхъ преслѣдовалъ его ежеминутно. Настасья была зарѣзана молодымъ поваромъ за то, что она общалась высъчь сестру его, которая, будучи у нея въ услуженіи, переносила нестерпимыя звѣрства. Подробности изслѣдованія сего дѣла и послѣдовавшія наказанія мнѣ не довольно вѣрно извѣстны, чтобы ихъ описывать, ибо я былъ уже въ Петербургѣ и ни съ кѣмъ не видался, подавъ рапортъ о болѣзни. Знаю только, что звѣрскіе поступки и жесточайшія наказанія со ссылкой въ Сибирь довершили намѣреніе Государя Николая Павловича удалить графа и, наконецъ, въѣздъ въ столицы ему былъ воспрещенъ. Во время случившагося злодѣянія Государь Александръ Павловичъ находился въ Таганрогѣ; всѣмъ извѣстно довѣріе, какимъ пользовался графъ Аракчеевъ, и въ доказательство того внесу здѣсь два письма, которыя Государь писалъ ему, получивъ извѣстіе о семъ происшествіи.

„22 Сентября 1825 г. Таганрогъ. Любезный другъ! Нѣсколько часовъ „какъ я получилъ твое письмо и печальное извѣстіе объ ужасномъ проис- „шествіи, поразившемъ тебя. Сердце мое чувствуетъ, что твое должно ощу- „щать; но, другъ мой, отчаяніе есть грѣхъ передъ Богомъ. Предайся слѣпо „Его святой волѣ! Вотъ единая отрада, одно успокоеніе, которое въ подобномъ „несчастіи я могу тебѣ указать. Другихъ не существуетъ по моему убѣжде- „нію. Истинно раздѣляю я твою печаль. Я живо воображаю себѣ все, что въ „тебѣ, мой любезный другъ, должно было произойти. Твое огорченіе, твоя „печаль крайне меня поразили; даже мое собственное здоровье сильно оно „почувствовало. Но еще разъ повторю, съ чувствомъ живѣйшей любви къ

„тебѣ: отчаяніе есть грѣхъ и сильный грѣхъ. Покорность совершенная воля
„Всевышняго есть нашъ общій долгъ, и чѣмъ грусть сильнѣе, тѣмъ болѣе
„должны мы преклонять главы наши съ умиленіемъ и повинovenіемъ Его свя-
„той воли. Покорись ей, и Богъ Самъ тебя поддержитъ, тебя подкрѣпитъ. Ты
„мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь куда ѣхать?
„Пріѣзжай ко мнѣ; у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искреннѣе любилъ.
„Мѣсто здѣсь уединенное; будешь жить, какъ ты самъ расположишь; бесѣда
„съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько ее смягчитъ. Но закли-
„наю тебя всѣмъ, что есть святаго: вспомни отечество, сколь служба твои
„ему полезна, могу сказать, необходима; а съ отечествомъ и я неразлученъ.
„Ты мнѣ необходимъ. Я далекъ отъ того, чтобы желать отъ тебя продолженія
„твоихъ трудовъ въ первое время твоей грусти. Дай себѣ все пужное время
„на нѣкоторое успокоеніе душевныхъ и тѣлесныхъ твоихъ силъ. Вспомни,
„сколь много тобою произведено и сколь требуетъ все оное довершенія. Я
„Бога усердно прошу, чтобы Онъ подкрѣпилъ твои силы и здоровье, и все-
„лилъ бы въ тебя необходимую твердость съ повинovenіемъ Его святой воли.
„Пришли мнѣ подробное описаніе ужаснаго сего происшествія, показанія пре-
„ступниковъ и твое по всему оному предположеніе. Объяви губернатору мою
„волю, чтобы старался дойти всѣми мѣрами, не было ли какихъ тайныхъ на-
„правленій или подущеній. Любезный другъ! Жаль мнѣ, выше всякаго изре-
„ченія, твоего чувствительнаго сердца. Я представляю себѣ, что оно должно
„чувствовать и скорблю съ нимъ искренно. Прощай, любезный Алексѣй Анд-
„реевичъ! Не покидай друга и вѣрнаго тебѣ друга. Александръ“.

„3-го Октября 1825 г. Таганрогъ. Твое здоровье, любезный другъ, ду-
„шевное и тѣлесное, послѣ такого несчастія, крайне меня беспокоитъ. Я на-
„рочно вызвалъ сюда Петра Андреевича Клейнмихеля, человека тебѣ предан-
„наго, дабы съ нимъ посовѣтоваться на счетъ твоего положенія и, по до-
„вольномъ разсужденіи, положили мы, чтобы ему отложить до другаго
„времени осмотръ войскъ находящихся подъ начальствомъ графа Витта,
„дабы могъ онъ возвратиться немедленно къ тебѣ. А я буду имѣть
„возможность получать подробныя свѣдѣнія, какъ о твоемъ здоровьи, такъ
„и о подробностяхъ сего несчастнаго приключенія. Признаюсь тебѣ, мнѣ
„крайне прискорбно, что Далеръ ни одной строчки о тебѣ не пишетъ, когда
„прежде онъ всякій разъ исправно извѣщалъ о твоемъ здоровьи. Неужели тебѣ
„не придетъ на мысль то крайнее безпокойство, въ которомъ я долженъ на-
„ходиться о тебѣ, въ такую важную минуту твоей жизни? Грѣшно тебѣ за-
„быть друга, любящаго тебя столь искренно и такъ давно, и еще грѣшнѣе
„сомнѣваться въ его участіи о твоей печали! Убѣдительно тебя прошу, лю-
„безный другъ: если самъ не въ силахъ, то прикажи меня подробно извѣ-
„щать на свой счетъ; я въ сильномъ безпокойствіи. На вѣкъ искренно тебя
„любящій Александръ“.

Сихъ двухъ писемъ достаточно, чтобы судить, какою довѣренностію пользовался графъ Аракчеевъ и какъ былъ любимъ Государемъ. Не менѣе того, Аракчеевъ въ Таганрогъ не поѣхалъ и вслѣдъ за симъ былъ пораженъ извѣстіемъ о смерти Государя...

Испросивъ себѣ увольненіе въ отпускъ за границу, графъ Аракчеевъ, передъ отъѣздомъ, отдалъ по военному поселенію слѣдующій приказъ.

С.-Петербургъ, Мая 1-го дня 1826 г. № 153.

„Господа генералы и офицеры войскъ поселенныхъ“!

„Къ удовольствію моему, многіе изъ васъ, почтенные мои сотоварищи, находятся въ сихъ войскахъ съ самаго открытія военныхъ поселеній, и я не могу имѣть справедливѣйшихъ цѣнителей трудовъ моихъ по сей части, какъ васъ, достойные мои сотрудники, и особенно васъ гг., генералы и командиры полковъ 1-й гренадерской дивизіи, принимавшихъ дѣятельное участіе въ образованіи округовъ, отъ первоначальнаго плана до настоящаго ихъ положенія. Сіе новое, никогда нигдѣ на принятыхъ основаніяхъ небывалое, великое государственное предпріятіе, справедливо обратившее на себя вниманіе цѣлой Европы, обязано своимъ началомъ и существованіемъ величайшему изъ царей, въ Божѣ почившему Государю Императору Александру Благословенному. Въ его всеобъемлющемъ умѣ родилась счастливая мысль о военныхъ поселеніяхъ; его мудрыми соображеніями получила свою зрѣлость, и ему только одному въ началѣ извѣстны были тѣ основанія, на коихъ надлежало сію великую мысль произвести въ дѣйство“ *).

„Мнѣ первому, и единому мнѣ, она была открыта; удостоенный довѣренностію Его Величества, я одинъ имѣлъ счастье принимать приказанія его и руководствоваться его наставленіями. Приводя въ исполненіе священную волю Его Величества, я самъ былъ новъ въ семъ важномъ дѣлѣ и долженъ былъ дѣйствовать людьми совершенно новыми. Я долженъ былъ въ одно время учить и учиться, объяснять, растолковывать каждому благоую, но еще никому тогда неизвѣстную цѣль военныхъ поселеній и защищать устройство оныхъ противъ несправедливыхъ разглашеній, устрашавшихъ не только нижнихъ чиновъ, но, можетъ быть, нѣкоторыхъ и изъ самихъ васъ. Сего уже довольно, чтобъ истощить силы человѣка, въ моихъ преклонныхъ лѣтахъ, съ слабымъ моимъ здоровьемъ. Но вы были свидѣтели, какихъ трудовъ мнѣ стоилъ одинъ выборъ для военныхъ поселеній мѣстъ, кои бы по своему

*) Нынѣ извѣстно, что первоначально графъ Аракчеевъ, въ бесѣдахъ своихъ съ Государемъ, долго противился учрежденію военныхъ поселеній. Говорятъ, сохранилось его частное письмо къ Государю, гдѣ онъ пишетъ, что все ненавистное въ этомъ дѣлѣ придется ему принять на себя и что онъ на то готовъ изъ личной приверженности. П. Б.

положенію соединяли въ себѣ всѣ удобства для жительства предназначаемаго числа людей и достаточно обезпечивали будущее ихъ положеніе. Вы часто видѣли меня, съ сею цѣлью ѣдущаго въ телѣгѣ и верхомъ, видѣли пробирающагося пѣшкомъ по мѣстамъ до того непроходимымъ, и въ грязи и въ лѣсахъ назначающаго сіи самыя мѣста, столь хорошо съ Божіею помощію обработанныя нынѣ поля и застроенныя мѣста, которыя составляютъ предметъ хвалы пріѣзжающихъ видѣть настоящее положеніе военныхъ поселеній“.

„Постоянство такихъ трудовъ могло поддерживаться единымъ только моимъ усердіемъ и безпредѣльною приверженностію моею къ блаженной памяти Государю, отцу и благодѣтелю моему, на служеніе которому посвятилъ я 30 лучшихъ лѣтъ моей жизни. Его милостивый взоръ награждалъ меня за все, его отеческое вниманіе облегчало бремя трудовъ и заботъ моихъ и укрѣпляло слабыя мои силы. Но судьбамъ Всевышняго угодно было возвать отъ насъ къ Себѣ сего Отца-Монарха. Внезапная, горестная для всего свѣта кончина Его Величества поразила мой духъ и сердце и до того разстроила мое здоровье, что я ни днемъ, ни ночью не имѣю спокойствія. По совѣту врачей мнѣ осталось одно средство: испытать Карлсбадскія воды. Съ душевнымъ прискорбіемъ я долженъ былъ просить всемилостивѣйшаго нашего Государя Николая Павловича объ увольненіи меня за границу для пользованія минеральными водами. Его Величество, всемилостивѣйше снисходя на просьбу мою, изволилъ пожаловать мнѣ увольненіе высочайшимъ рескриптомъ, 30-го Апрѣля на имя мое послѣдовавшимъ и при семъ въ копіи прилагаемомъ, повелѣвая управленіе отдѣльнымъ Корпусомъ Военныхъ Поселеній, на время отсутствія моего, оставить по общимъ правиламъ въ вѣдѣніи начальника штаба Военныхъ Поселеній“.

„Всемилоствѣйшій Государь Императоръ, при увольненіи меня, высочайше изволилъ прислать мнѣ на собственные мои расходы 50 т. рублей. Принимая сію царскую награду милостивымъ его ко мнѣ благоволеніемъ, я долгомъ моимъ считаю о сей высочайшей милости объявить по Корпусу Военныхъ Поселеній. Прилагаемая же при семъ копія всеподданнѣйшаго письма моего къ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Фёдоровнѣ покажетъ моимъ сослуживцамъ сдѣланное изъ оной употребленіе *)“.

„Оставляя такимъ образомъ васъ, почтенные мои сотоварищи, я виѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ принести вамъ истинную и совершенную мою благодарность за тѣ опыты вашего усердія къ службѣ, которые оказывали вы во все время бытія подъ моимъ начальствомъ. Ваша вѣрность обязанностямъ вашего званія имѣетъ уже лестную награду. Она ознаменована

*) Графъ Аракчеевъ пожертвовалъ эти деньги въ капиталъ Военно-сиротскаго Дома, для воспитанія пяти дѣвицъ, отцы которыхъ служатъ въ военныхъ поселеніяхъ, или же Новгородскихъ дворянокъ.

особеннымъ Божескимъ благоволеніемъ ко всѣмъ войскамъ поселеннымъ: ибо ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ не причастенъ извѣстному гнусному заговору, объявленному отъ правительства во всенародное извѣстіе. Сіе дѣлаетъ честь Корпусу Военныхъ Поселеній и конечно будетъ отличительною чертою въ исторіи государства Россійскаго“.

„Теперь къ вамъ обращаюсь, добрые солдаты войскъ поселенныхъ! Я благодарю васъ за ту довѣренность, которую вы ко мнѣ имѣли съ самаго начала вашего поселенія. Вы мнѣ повѣрили, что поселеніе будетъ источникомъ вашего благополучія, и видите на дѣлѣ событіе сей истины. Служа Царю, вы наслаждаетесь всѣми удовольствіями жизни семейной; вы неразлучны съ вашими женами и дѣтьми, съ своими родными, пріятелями и друзьями; вы не обязаны уже разлучаться съ ними и переходить на квартиры изъ одной страны въ другую. Благодарю васъ также за усердіе ваше при всѣхъ бывшихъ смотрахъ въ Бозѣ почившаго Государя. Особенно благодарю васъ, солдаты 1-й поселенной гренадерской дивизіи и всего Новгородскаго отряда. Удостоиваясь ежегодно счастья быть представленными сему Отцу-Монарху, вы доставляли своимъ устройствомъ истинное ему удовольствіе, и время высочайшаго Его Величества смотра было всегда временемъ вашего торжества, временемъ особеннаго къ вамъ благоволенія, что всякому извѣстно изъ печатныхъ моихъ приказовъ. Награды, кои отъ него вы ежегодно получали и которыя составляютъ значительную печатную книгу, будутъ вѣчнымъ памятникомъ его къ вамъ милостей“.

„Наконецъ, прошу васъ, добрые солдаты, молитесь Бога объ успокоеніи души великаго основателя вашихъ поселеній и общаго нашего благодѣтеля и отца Государя Александра, который, по благочестивой, праведной здѣсь жизни, предстоитъ навѣрное тамъ на небесахъ у престола славы Божіей, молить Его всемогущество, да сохранитъ васъ отъ всякихъ дурныхъ дѣлъ и да будемъ мы, въ нашемъ служеніи великому его преемнику Государю Императору Николаю Павловичу, одушевлены тѣмъ же усердіемъ и вѣрностію, которыя всегда отличали Русскаго воина. Прошу гг. полковыхъ, баталіонныхъ командировъ и командировъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ, сей приказъ прочитать въ каждой ротѣ и въ каждомъ эскадронѣ и раздать въ оныя печатные его экземпляры. Генералъ графъ Аракчеевъ“.

„Государь изволилъ читать 30 Апрѣля 1826 г. въ Аничковскомъ дворцѣ“.

По возвращеніи въ Россію графъ Аракчеевъ жилъ безвыѣздно въ Грузинѣ. Сколько прежде всякій поступокъ, всякое слово его занимало всѣхъ, столько тутъ никто не помышлялъ о его существованіи. Могущество его исчезло совершенно, и въ доказательство того приведу случившійся со мною примѣръ. Въ 1833 г. получилъ я отъ графа два письма, которыми онъ проситъ моего ходатайства на про-

изводство въ офицеры унтеръ-офицера Кіевской жандармской команды Андреева. Я доложилъ объ этомъ графу Бенкендорфу, и онъ сказалъ мнѣ: «Когда графъ Аракчеевъ былъ во всей силѣ и могъ дѣлать, что хотѣлъ, моя нога у него не бывала, потому что никогда до него настоящаго дѣла не имѣлъ; но теперь я готовъ все сдѣлать, что отъ меня зависитъ для удовлетворенія его желанія». Онъ приказалъ написать тотчасъ докладъ, въ которомъ, подтвердивъ о добрыхъ качествахъ Андреева, онъ испрашивалъ ему производство въ офицеры, присовокупивъ, что о томъ ходатайствуетъ графъ Аракчеевъ. Каково было наше удивленіе, когда докладъ отъ Государя возвратился съ надписью: «рано». Резолюцію эту я сообщилъ графу и воображалъ, что должно было ощущать его самолюбіе! Въ отвѣтъ я получилъ отъ графа письмо собственноручное, замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ и доказывающее, до какой степени онъ былъ бережливъ во всемъ.

Нельзя не обратить вниманія на ужасный конецъ этого могущественнаго чловѣка. Даже докторъ Далеръ и архитекторъ Мінутъ, прожившіе съ нимъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, его оставили и изъ Грузина выѣхали; и графъ Аракчеевъ остался одинъ, совершенно одинъ, потерявъ все и всѣхъ. Онъ съ горемъ и подавленнымъ самолюбіемъ доживалъ въ Грузинѣ послѣдніе дни жизни и умеръ въ 1834 г.

Прошеніе мое объ отставкѣ пошло, какъ я сказалъ по начальству Путей Сообщенія. Я пріѣхалъ въ Петербургъ, сказался больнымъ и никуда не выѣзжалъ. Въ это время начали говорить о какомъ-то заговорѣ, о нежеланіи присягать Государю Николаю Павловичу. Не принадлежа ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, ни я, ни братья, мы понятія не имѣли объ ужасныхъ замыслахъ сихъ обществъ, имѣвшихъ въ предметѣ ниспровергнуть власть царскую. Междуцарствіе, отреченіе великаго князя Константина Павловича, медленность великодушная на вступленіе на престолъ Николая Павловича подали еще болѣе возможности злоумышленникамъ ввести къ заблужденіе солдатъ и завлечь множество офицеровъ гвардейскаго корпуса. 14 Декабря 1825 года, въ день назначенный для присяги всѣхъ полковъ, батюшка благословилъ брата Илью, служившаго тогда ротнымъ командиромъ въ Измайловскомъ полку, и сказалъ: «Богъ съ тобой, иди и исполняй свой долгъ, какъ честному чловѣку надлежитъ».—При этомъ надо сказать, что до 14 числа товарищи брата Ильи Ѳедоровича не однократно присылали за нимъ по вечерамъ; нѣкоторые и сами приходили, все съ намѣреніемъ завлечь его въ ихъ общество; но особеннымъ милосердіемъ Божиимъ и попеченіями добрыхъ родителей, которые предвидѣли ужасныя послѣдствія, Илья Ѳедоровичъ всегда находилъ средство оставаться дома и въ ихъ совѣщательныя собранія

не ходить. Прибывъ къ полку, братъ Илья Ѳедоровичъ былъ передъ своею ротой, ожидая дальнѣйшихъ приказаній, какъ, за нѣсколько минутъ до присяги, нѣкоторые офицеры другихъ ротъ вышли изъ фронта и съ обнаженными саблями кричали солдатамъ, чтобы они не присягали, что они обмануты и должны защищать законнаго государя, т.-е. Константина Павловича. Офицеровъ этихъ взяли подъ арестъ, а полкъ пошелъ на Сенатскую площадь, гдѣ собрались мятежники. Вечеромъ, видя заботу батюшки на счетъ Ильи Ѳедоровича, я рѣшился, въ партикулярной бекешѣ и круглой шляпѣ, пойти отыскать Измайловскій полкъ и узнать, здоровъ ли онъ. Сдѣлалъ же я это единственно для того, что, рапортовавшись больнымъ, я боялся, чтобы меня не узнали, а между тѣмъ не сообразилъ, какой я подвергался опасности: имѣя подъ бекешей форменный сюртукъ безъ эполетъ, небритый и въ цвѣтномъ галстукѣ, я могъ быть взятъ съ мятежниками, которые по большей части были въ подобныхъ костюмахъ. На ночь полки окружили бивуаками Зимній дворецъ, и братъ Илья Ѳедоровичъ отпросился къ сестрѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Скалонъ, жившей тогда въ домѣ Главнаго Штаба. Тутъ встрѣтилъ онъ Корниловича (офицера Генеральнаго Штаба), который просилъ Илью Ѳедоровича передать поручику Измайловскаго полка Кожевникову, дальнему нашему родственнику, нѣсколько тысячъ рублей; но и тутъ Богъ предохранилъ его: онъ денегъ не взялъ, а въ послѣдствіи, какъ Корниловичъ, такъ и Кожевниковъ, оказались причастными къ ужасному заговору, были взяты въ крѣпость и, наконецъ, погибли.

Мы были довольно спокойны, огорчаясь только, вмѣстѣ съ другими, что безпрестанно привозили въ крѣпость изъ разныхъ странъ Россіи множество молодыхъ людей лучшихъ дворянскихъ фамилій, причастныхъ къ сему заговору. Однажды вечеромъ, въ экстраординарное собраніе Государственнаго Совѣта, батюшка, служившій въ ономъ, по окончаніи засѣданія, слышитъ, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ, какъ членъ слѣдственной комиссіи, которая была учреждена надъ злоумышленниками, спрашиваетъ: «послали за Львовымъ?» Въ первую минуту батюшка подумалъ, что ему послышалось; но, къ несчастію, это была правда. Въ отсутствіе батюшки генералъ Симанскій (бывшій командиромъ Измайловскаго полка) пріѣзжаетъ къ намъ и объявляетъ, что Илью Ѳедоровича приказано, арестовавъ, представить въ слѣдственную комиссію, а бумаги его запечатать. Невозможно выразить, что сдѣлалось съ другомъ нашимъ маменькой и всѣми нами. Горе неизяснимое! Лишь братъ уѣхалъ, батюшка возвращается изъ Совѣта и спрашиваетъ, дома ли Илья. Какъ маменька ни искала представить разныя причины его отсутствія, но батюшка

догадался и рассказал намъ, что онъ слышалъ въ Совѣтѣ. Сколько мы ни были увѣрены въ непринадлежности Ильи Ѳедоровича къ тайнымъ обществамъ и въ томъ, что онъ ни къ какому злему замыслу причастенъ быть не можетъ, но знали также, что въ этихъ случаяхъ одна неосторожность, одно слово, одно присутствіе при разговорѣ могутъ погубить человѣка безвозвратно. Всю ночь провели мы въ слезахъ. Два дня, не смотря на всѣ наши старанія, мы ничего не могли узнать объ Ильѣ. На третій получаемъ отъ него записку: «Слава Богу! Я въ полку, и вы можете меня видѣть». Я бросился къ милому другу и истинно объятъ былъ страхомъ, увидя, какое дѣйствіе произвело на добраго и честнаго этого человѣка двухдневное его пребываніе въ комиссіи. Его честность не могла перенести стыда быть между злоумышленниками: онъ похудѣлъ, какъ послѣ сильной горячки! Тутъ узнаю я, что милостивый Императоръ, зная лично Илью и не полагая возможнымъ, чтобы онъ былъ причастенъ заговору, сказалъ: «Что ему дѣлать въ крѣпости? Отпустите его въ полкъ подъ надзоръ полковаго адъютанта и съ дозволеніемъ роднымъ его видѣть». Будучи безъ службы, я въ 7 часовъ утра отправился къ Ильѣ; въ 12 часовъ приходили батюшка и матушка, и всѣ вмѣстѣ старались его успокоивать и поддерживать упадающій духъ его. Ровно черезъ мѣсяцъ Илью потребовали въ комиссію, гдѣ ему объявили, что онъ найденъ невиннымъ, въ чемъ и дали ему аттестатъ; онъ былъ оговоренъ злоумышленниками, которые старались увеличивать число преступниковъ, полагая, что чрезъ то будетъ облегчена участь ихъ самихъ. По возвращеніи домой добрый Илья не вѣрилъ своему счастью, не вѣрилъ что онъ дома, съ нами, ходилъ по всѣмъ комнатамъ, цѣловалъ насъ, людей; однимъ словомъ, весь домъ былъ въ счастіи неизъяснимомъ!

У насъ снова водворилась тишина, и мы было принялись за музыку, какъ чрезъ нѣсколько дней вечеромъ пріѣзжаетъ къ намъ офицеръ Измайловскаго полка Гудимъ и въ страшномъ испугѣ объясняетъ Ильѣ и мнѣ, что его берутъ въ комиссію и что онъ не знаетъ, за что. Мы стали увѣрять Гудима, что комиссію ищетъ болѣе оправдывать, чѣмъ обвинять. Илья рассказывалъ Гудиму, какъ дѣйствуетъ милостиво комиссія, спрашивалъ Гудима, не принадлежитъ-ли онъ какому тайному обществу, или не былъ-ли на ихъ совѣщаніяхъ, и когда Гудимъ рѣшительно сказалъ, что ничего не знаетъ и ни къ чему не причастенъ, то Илья ободрялъ его и увѣрялъ, что комиссія его немедленно отпуститъ. На другой день вечеромъ полковой адъютантъ Батуриный пріѣзжаетъ и объявляетъ, что комиссія требуетъ Илью, но не арестованнаго. Илья тотчасъ поѣхалъ. Черезъ часъ пріѣзжаютъ за Васильемъ и также увозятъ. До другаго дня мы ничего узнать не могли. Какъ я ни искалъ братьевъ, могъ только увидѣть Василія у

окошка въ третьемъ этажѣ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, гдѣ онъ состоялъ на службѣ, но говорить съ нимъ возможности не имѣлъ. Въ ночь съ другаго дня на третій, часу въ четвертомъ, братья возвратились; мы подбѣгаемъ, спрашиваемъ, и что же? Тотъ-же Гудимъ, который пріѣзжалъ и такъ говорилъ съ нами, былъ взятъ, потому что, случась въ одномъ изъ совѣщаній, у офицеровъ морскаго гвардейскаго экипажа, онъ сказалъ имъ, что будто наканунѣ 14 числа былъ у насъ и что при немъ пріѣхалъ адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ и будто сказалъ: «Завтра наступаетъ рѣшительный день, я въ Совѣтъ буду отстаивать права Константина Павловича, а вы молодые люди обязаны защищать его до послѣдней капли крови». Въ комиссіи Гудимъ сказалъ, что самъ этого не слышалъ, а что слова эти были ему переданы которымъ-то изъ братьевъ Львовыхъ. Послѣ очныхъ ставокъ Гудима съ братьями поочереды, оказалось, что онъ все это выдумалъ, чтобы придать себѣ болѣе важности въ обществѣ, въ которомъ былъ членомъ. Братьевъ отпустили съ строгимъ запрещеніемъ говорить о семъ обстоятельстве съ кѣмъ-бы то ни было.

Казалось, что горе миновало, и мы благодарили Бога, что братья спасены были Его милосердіемъ! Но жестокое это испытаніе должно было еще возвратиться, хотя въ другомъ видѣ. Недѣли три или мѣсяцъ послѣ этого, сестра Дарья Ѳедоровна присылаетъ сказать намъ, что мужа ея, Алексѣя Васильевича Семенова, берутъ подъ арестъ и что полицеймейстеръ у нихъ и печатаетъ его бумаги. Мы съ маменькой *) побѣжали и дѣйствительно застали тутъ полицеймейстера полковника Дершау, который въ мѣшокъ собиралъ все, что въ ящикахъ находилъ. Жестокая эта минута никогда не изгладится изъ моей памяти; это было на шестомъ мѣсяцѣ Дашинаго замужества; она не плакала и сама подавала бумаги Дершау. Семеновъ потерялся совершенно, безпрестанно хотѣлъ мнѣ говорить наединѣ и ничего сказать не могъ; наконецъ, онъ простился съ Дашей, съ нами и уѣхалъ съ полицеймейстеромъ. Мы остались одни, двери въ домѣ и ящики въ шкапахъ, комодахъ отворены; въ столовой люди, собравшись въ углу, рыдали; Даша была почти безъ памяти. Мы потащили ее къ намъ въ домъ; она едва могла идти. Увидѣвъ папеньку, она горько заплакала; слезы ее облегчили. Я обѣщалъ ей узнать, гдѣ Алексѣй Васильевичъ, и, послѣ двухъ дней спросовъ и исканій, увидѣлъ я съ бульвара въ окно, что онъ посаженъ подъ самый строгій караулъ на главной гаубтвахтѣ во дворцѣ; жандармы его окружали, кормили рубленой говядиной, не давая ни вилокъ, ни ножа. Алексѣй Васильевичъ тоже меня увидѣлъ стоящаго на бульварѣ; глядя другъ на друга, мы оба плакали, не

*) Такъ называлъ А. Ѳ. Львовъ свою мамиху. П. Б.

предвидя возможности сообщить что-либо другъ другу: мы не смѣли сдѣлать малѣйшаго движенія руками или головой въ боязни, что замѣтятъ и липать насъ послѣдняго наслажденія. Зная всѣ сношенія Алексѣя Васильевича съ злоумышленниками и дружескую его связь со многими изъ нихъ, чего могли мы ожидать? На какой жребій должна была готовиться бѣдная Дарья Ѳеодоровна, едва оставившая домъ родительскій? Однако я уже обрадовалъ ее, сказавъ, что издалека видѣлъ ея мужа. Дней чрезъ нѣсколько я и съ ней ходилъ по бульвару, и мы видали Алексѣя Васильевича. По знакомству моему съ офицерами, стоявшими въ караулѣ, я находилъ средство приносить самъ бѣлье ему, а въ бѣльѣ записочку отъ Дарьи Ѳеодоровны; отъ него же получалъ черное бѣлье и съ отвѣтомъ. Потомъ, выбравъ офицера, мнѣ короткаго знакомаго, я упросилъ его позволить провести Дарью Ѳеодоровну. Какой добрый и честный человѣкъ былъ капитанъ, который, изъ состраданія къ несчастнымъ, рѣшился на такой поступокъ, за что могъ-бы строго отвѣчать. Не назову его, потому что далъ ему въ томъ честное слово. Дарья Ѳеодоровна была у мужа, и радость ея превосходила мѣру. Чрезъ нѣсколько времени Алексѣй Васильевичъ предупреждаетъ меня, что на другой день будетъ на очной ставкѣ съ княземъ Оболенскимъ и Пуццинымъ (оба изъ числа главнѣйшихъ преступниковъ и крайніе его пріятели) и что тутъ должна участь его рѣшиться. Никому не говоря объ этомъ, я пришелъ на другой день и узналъ, что Оболенскій въ глазахъ Алексѣя Васильевича подтверждалъ всѣ показанія, какія на него дѣлалъ и вторично подписалъ ихъ. Пуццинъ, лишь вошелъ, спросилъ у Семенова, здорова ли его жена, и тотчасъ объявилъ, что все имъ сказанное на его счетъ было вымышленно и отреченіе свое подписалъ. Благородный поступокъ несчастнаго Пуццина спасъ Алексѣя Васильевича; князю Оболенскому не повѣрили и Семенова возвратили на гаубтвахту. Дней чрезъ нѣсколько, вечеромъ, мы были съ Дарьей Ѳеодоровной у ея друга, какъ прибѣгаетъ плацъ-маіоръ съ объявленіемъ, что онъ свободенъ...

Этимъ кончились заботы наши по этому ужасному происшествію, въ которомъ Богу угодно было сберечь всѣхъ, но всѣмъ показать, что мы могли быть спасены единственно Его милосердіемъ..... Все утихло, и дворъ отправился въ Москву на коронацію. Батюшка, какъ директоръ придворной пѣвческой капеллы, поѣхалъ также и взялъ съ собою матушку, сестеръ и меня, еще свободного отъ службы. Тутъ познакомился я съ генераломъ Бенкендорфомъ, который еще графомъ не былъ, но сдѣланъ былъ шефомъ Корпуса Жандармовъ. Онъ предложилъ мнѣ быть его адъютантомъ, я согласился и, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, опредѣленъ былъ въ Корпусъ Жандармовъ капи-

таномъ съ назначеніемъ старшимъ адъютантомъ. Въ отставку пробылъ я 9 мѣсяцевъ, опредѣлился же вновь въ 1826 году Ноября 18.

Съ этого времени перемѣнились совершенно моя служба и родъ моихъ занятій; часть инженерную, которая столько меня занимала, столько требовала трудовъ, надо было отложить въ сторону и навсегда, хотя пріобрѣтенныя мною познанія въ послѣдствіи неоднократно были для меня полезны, если не по обязанностямъ служебнымъ, то въ дѣлахъ частныхъ. Тутъ увидѣлъ я, сколько мнѣ принесла пользы служба у графа Аракчеева. Мнѣ все казалось легко, все пріятно. Надо было писать штаты Корпуса Жандармовъ на новыхъ основаніяхъ, новыхъ условіяхъ; возникла огромная переписка со всѣми властями; и какъ Бенкендорфъ былъ также сдѣланъ управляющимъ III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, которое было тогда частью отдѣльною въ вѣдѣніи д. с. с. Фонъ-Фока, то сколько нужно было соображеній, чтобы части сіи, дѣйствуя за одно, содержались отдѣльно и одна другой не противорѣчили. Всѣ бумаги долженъ былъ писать почти я одинъ, потому что товарищи мои были люди неопытные и весьма по части письменной необразованные. Но скорѣ почувствовалъ я то, что писалъ вамъ выше о достоинствахъ хотя строгаго, но толковаго начальника. Я замѣтилъ, что Бенкендорфъ былъ совершенно чуждъ производству дѣлъ. Онъ не постигалъ, что каждая бумага требуетъ времени для соображенія, времени, чтобы сочинить ее, времени, чтобы переписать и провѣрить. Приказывалъ онъ всегда въ подслова, потому что подробно и обстоятельно приказать не могъ и не умѣлъ. Не менѣе того онъ почувствовалъ во мнѣ надобность, меня къ себѣ приблизилъ болѣе прочихъ, и чрезъ годъ, т. е. въ 1827 г., перевелъ меня въ гвардейскій жандармскій полуэскадронъ тѣмъ же чиномъ капитана.

Въ 1828 году объявлена была война съ Турками, и я отправился съ главною квартирою въ походъ за Дунай въ Булгарію. 8, 9 и 16 Іюля былъ я въ сраженіяхъ при крѣпости Шумлъ; 16 посланъ былъ въ отрядъ генерала Симанскаго для открытія непріятельскихъ партій. Въ это время случилось обстоятельство, которое вамъ для примѣра описать хочу. Одинъ изъ товарищей моихъ, адъютантъ Бенкендорфа С. находился также въ походѣ. Онъ былъ дежурнымъ; генералъ ночью посылаетъ его узнать о причинѣ перестрѣлки въ передовыхъ войскахъ. С. поѣхалъ, но будучи близорукъ, а можетъ боясь удостовѣриться о причинѣ своими глазами, онъ повѣрилъ ѣхавшему за нимъ козаку и, не доѣхавъ самъ до передовыхъ войскъ, воротился и донесъ генералу, что Турки сдѣлали внезапное нападеніе, что онъ самъ слышалъ ихъ крики Алла, но что наши войска, бывъ въ ружьѣ, отразили

ихъ и съ крикомъ ура прогнали гораздо далѣе за передовую линію. Между тѣмъ генералъ, не дождавшись возвращенія С—а, посылаетъ меня съ тѣмъ же порученіемъ. Какъ мы съ нимъ разѣхались, я не знаю; но только я, проѣхавъ до мѣста, нашелъ общее смѣненіе и отъ самихъ начальниковъ узналъ, что вся тревога произошла отъ ошибки. Съ симъ извѣстіемъ пріѣхалъ я тотчасъ послѣ С—ва. Государь приказалъ было его за фальшивое донесеніе арестовать, и это было бы ничего, еслибы С—въ симъ поступкомъ не показалъ своей неосновательности и трусости. Общее объ немъ заключеніе было таково, что онъ, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, принужденъ былъ подать въ отставку и съ тѣхъ поръ болѣе не служилъ.....

.....По невозможности взять Шумлу, Государь и вся свита отправились подъ Варну. Изъ Варны два раза слѣдовалъ я моремъ въ Одессу съ Бенкендорфомъ. При возвращеніи изъ Одессы въ первый разъ мнѣ приказано было съ полковникомъ Вуичемъ слѣдовать на пароходѣ. Ночью застала насъ буря; парусный фрегатъ, на которомъ ѣхалъ Государь, пропадалъ изъ виду; пароходъ нашъ, будучи въ самомъ дурномъ положеніи, почти не могъ сопротивляться волненію, и руль едва можно было скрѣпить веревками; однимъ словомъ, мы съ Вуичемъ видѣли минуточку гибели. Командиръ нашего парохода посредствомъ трубки увидѣлъ, что фрегатъ воротился въ Одессу; тогда и мы повернули съ большимъ рискомъ и попутнымъ вѣтромъ полетѣли стрѣлой обратно. По прибытіи въ Одессу мы увидѣли, что руль парохода совершенно былъ испорченъ и котелъ лопнулъ, и что еслибы мы долѣе пробыли въ морѣ, то непременно бы погибли...

Въ теченіе кампаніи я еще болѣе увидѣлъ, какъ тягостно служить у начальника несвѣдущаго и неумѣющаго дать дѣламъ того порядочнаго направленія, которое столько приноситъ пользы и столько облегчаетъ трудъ подчиненныхъ. Бенкендорфъ во всемъ хваталъ одни вершки, съ подчиненными былъ, какъ безтолковый кучеръ, который, взявъ всѣ возжи въ одну руку, погоняетъ лошадей безъ разбору, и ретивую, и лѣнивую, да и не замѣчаетъ, что отъ его ѣзды одна лошадь жирѣетъ, а другая изнемогаетъ. Такъ было со мной. Онъ меня употреблялъ, потому что я былъ способнѣе другихъ, и за секретаря, и за собственнаго адъютанта, и очень былъ радъ, что я трудился и молчалъ. По окончаніи кампаніи я непременно вышелъ бы изъ службы, еслибы отличныя качества благородной души Бенкендорфа меня къ нему не привязывали болѣе и болѣе. Онъ былъ храбръ, уменъ, въ обращеніи простъ и прямъ; сдѣлать зло съ умысломъ было для него невозможность, съ подчиненными хорошъ, но вспыльчивъ, въ дѣлахъ совершенно несвѣдущъ, болѣе скажу, къ производству дѣлъ совер-

шенно неспособенъ, разсѣянъ и легокъ на все; безъ причины награждать по ходатайству другаго никогда не останавливался, также дать отличный аттестатъ всякому, у него служившему. Награждать же самъ большой неохотникъ, и потому хорошую карьеру у него сдѣлали тѣ, которымъ случай благопріятствовалъ. Собственной настойчивости никакой. Государь любилъ его какъ друга.

За эту кампанію я получилъ бантъ на Владимирскій крестъ и Анну на шею. Признаюсь, послѣ перенесенныхъ мною опасностей и трудовъ награды эти получилъ я съ большимъ удовольствіемъ. Но болѣе всего приобрѣлъ я ту выгоду, что генераль узналъ меня гораздо ближе, и самъ Государь, который приказалъ, чтобы впредъ во всѣхъ путешествіяхъ Его Величества я находился въ свитѣ для производства дѣлъ, до вояжей относящихся. Съ этого времени я сопутствовалъ Государю во всѣхъ его путешествіяхъ по Россіи и за границей. Описывать всѣ подробности этихъ путешествій было бы слишкомъ пространно и часто недовольно интересно; а потому я и буду рассказывать вамъ, милые друзья мои, лишь тѣ обстоятельства, которыя покажутся мнѣ для васъ занимательными.

Въ 1829 г. 24 Апрѣля Государь, Императрица и Наслѣдникъ, предпринявъ путешествіе въ Варшаву для коронованія, предъ отъѣздомъ были въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ отслужили краткое молебствіе, прикладывались ко святымъ иконамъ и затѣмъ, сопровождаемые молитвами и благословеніями людей всякаго сословія, наполнившихъ соборъ, отправились въ путь. Торжественный въѣздъ въ Варшаву былъ 5 Мая, при звонѣ колоколовъ и громѣ пушекъ; въ предмѣстьи Прагъ приготовленъ былъ домъ. Гвардейскія войска начинали шествіе, за ними слѣдовали придворные и государственные чиновники. Государь, Наслѣдникъ и великіе князья Михаилъ и Константинъ ѣхали верхомъ предъ Государыней Императрицей, слѣдовавшею въ каретѣ, запряженной 8 лошадьми въ драгоцѣнной сбруѣ. Примасъ, окруженный духовенствомъ, ожидалъ Ихъ Величества на паперти церкви Францискановъ. Ихъ Величества, принявъ привѣтствіе духовенства, продолжали шествіе ко дворцу, гдѣ были встрѣчены Сенатомъ и главными начальствами царства; потомъ отправились въ Греко-Россійскую церковь для молебствія. 7 Мая генералы, штабъ и оберъ-офицеры, духовенство, дипломатическое сословіе, нунціи и депутаты представлялись Ихъ Величествамъ. 8 Мая представлялись дамы. Народъ при всякомъ случаѣ, когда видѣлъ Ихъ Величества, изъяслялъ живѣйшую радость. Герольды разѣзжали по главнымъ улицамъ и провозглашали народу прокламаціи о коронованіи Ихъ Величествъ. Коронованіе совершилось 12 Мая. Отъ дворца до собора устроенъ былъ по-

мость покрытый алымъ сукномъ, по сторонамъ коего стояли ряды войска. Въ 10 часовъ утра, министры, сенаторы, нунції и депутаты воеводствъ, военные, придворные и гражданскіе чины собрались во дворцѣ. Примасъ Царства Польскаго, предшествуемый крестоносцемъ на бѣлой лошади и сопровождаемый епископами, сенаторами, отправился въ соборъ Св. Іоанна, уже наполненный народомъ. Въ 11 часовъ регаліи перенесены были въ кафедральную церковь въ слѣдующемъ порядкѣ: орденъ Бѣлаго Орла, палатиномъ Грабовскимъ; государственная печать министромъ статсъ-секретаремъ гр. Грабовскимъ, государственный паниръ генераломъ отъ инфантеріи Красинскимъ, царскій мечъ генераломъ отъ артиллеріи Гаукомъ, царская порфира кастеланами Сѣраковскимъ, Глицинскимъ, держава палатиномъ Черницкимъ, скипетръ палатиномъ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ, корона президентомъ сената графомъ Замойскимъ. Регаліи, встрѣченныя у дверей церкви примасомъ, многочисленнымъ духовенствомъ и десятью епископами въ полномъ облаченіи, возложены были на приготовленный для сего столъ, покрытый бархатомъ. Примасъ отслужилъ обѣдню Св. Духа, въ продолженіе которой играли 300 человекъ музыкантовъ, послѣ чего регаліи были перенесены во дворецъ и положены въ тронной залѣ, куда прибыли Государь въ орденъ Бѣлаго Орла и Императрица съ короною на главѣ и порфирю. Торжественный обрядъ совершился, когда Его Величество надѣлъ на свою голову корону и возложилъ цѣпь ордена Бѣлаго Орла на Императрицу и когда примасъ, вручивъ Государю скипетръ и державу, трижды возгласилъ: «Vivat rex in aeternum!» За симъ Государь произнесъ молитву голосомъ твердымъ, выразительнымъ и, наконецъ, прочиталъ молитву примасъ. Въ часъ пополудни Ихъ Величества, въ коронахъ и порфирахъ, Государь со скипетромъ и державою въ рукахъ, въ сопровожденіи ихъ высочествъ, отправились съ тою же процессіею въ церковь Св. Іоанна при громѣ пушекъ. Тутъ примасъ возгласилъ: «Тебя Бога хвалимъ», и потомъ Ихъ Величества возвратились во дворецъ. Въ соборъ и обратно Ихъ Величества шли подъ великолѣпнымъ балдахиномъ. Народъ вездѣ изъяснялъ особенную радость, и каждый хотѣлъ имѣть кусокъ сукна, которымъ былъ покрытъ помостъ, устроенный для шествія Ихъ Велиществъ. Въ этотъ торжественный день былъ при дворѣ обѣдъ, за которымъ пили за здоровье всего царскаго дома, вѣрноподанныхъ и за благоденствіе царства при пушечныхъ выстрѣлахъ и звукѣ трубъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ, и Ихъ Величества ѣздили въ открытой каретѣ по главнѣйшимъ улицамъ и всюду были сопровождаемы радостными восклицаніями народа. 14 числа было общее поздравленіе, а 16 народный праздникъ, на который собра-

лось до 80 т. человѣкъ; послѣ общаго угощенія начались увеселенія, карусели и гимнастическія игры, вездѣ разставлены были куншанья и напитки. Послѣ этого были еще разныя увеселенія, балы и обѣды. 21 Мая Ихъ Величества и ихъ высочества отправились въ Берлинъ, гдѣ присутствовали при бракосочетаніи принцессы Августы Саксенъ-Веймарской (младшей дочери ея высочества Маріи Павловны) со вторымъ сыномъ Прусскаго короля Вильгельмомъ. Въ Петербургъ возвратились 16 Іюля.

Въ 1830 г. ѣздилъ я также въ Варшаву. Государь былъ тамъ для открытія четвертаго сейма Царства Польскаго. 16 Мая сенаторы, нунции и депутаты, выслушавъ молебствіе въ соборной церкви, собрались въ залъ Сената, въ которую Государь и Императрица прибыли въ сопровожденіи министровъ, членовъ Совѣта, свиты своей, со всѣми придворными чинами, и Государь открылъ засѣданіе сейма. Послѣ всего этого кто могъ бы вообразить, что тѣже знатные Поляки, которые подъ личиною преданности съ такимъ усердіемъ участвовали въ этихъ пышныхъ церемоніяхъ, они-же возбуждаютъ народъ къ бунту и сами примутъ управленіе царствомъ и командованіе войсками?

.....Въ 1833 году я сопутствовалъ Государю въ Австрію и Пруссію. По возвращеніи въ Россію графъ Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что Государь, сожалея, что мы не имѣемъ своего народнаго гимна и скупая слышать музыку Англійскую, столько дѣтъ употребляемую, поручаетъ мнѣ попробовать написать гимнъ Русскій. Задача эта показалась мнѣ весьма трудною, когда я вспоминалъ о величественномъ гимнѣ Англійскомъ: *God save the King*, объ оригинальномъ гимнѣ Французовъ и умильномъ гимнѣ Австрійскомъ. Нѣсколько времени мысль эта бродила у меня въ головѣ. Я чувствовалъ надобность написать гимнъ величественный, сильный, чувствительный, для всякаго понятный, имѣющій отпечатокъ національности, годный для церкви, годный для войска, годный для народа отъ ученаго до невѣжи. Всѣ эти условія меня пугали, и я ничего написать не могъ. Въ одинъ вечеръ, возвратясь домой поздно, я сѣлъ къ столу, и въ нѣсколько минутъ гимнъ былъ написанъ.

Написавъ эту мелодію я пошелъ къ Жуковскому, который сочинилъ слова, но какъ не музыкантъ, не приворовилъ словъ къ минору окончанія перваго колѣна. Однако, положивъ гармонію простую, но твердую, я просилъ графа Бенкендорфа гимнъ послушать. Онъ сказалъ Государю, который вмѣстѣ съ Императрицей и Великимъ Княземъ Михаиломъ пріѣхали слушать гимнъ въ пѣвческій корпусъ, гдѣ я приготовилъ весь хоръ и два оркестра военной музыки. Государь, послушавъ нѣсколько разъ, сказалъ мнѣ: *c'est superbe*, и 25 Декабря,

въ день изгнанія враговъ изъ Россіи, приказалъ мой гимнъ играть во всѣхъ залахъ Зимняго дворца. Ни интриги, ни зависть не могли опрокинуть это сочиненіе: мигомъ музыка гимна разнеслась по всѣмъ полкамъ, по всей Россіи и, наконецъ, по всей Европѣ.

Такъ состоялось это важное для меня событіе, какъ музыканта. Въ послѣдствіи Государь прислалъ мнѣ табакерку съ брилліантами, изъ которыхъ лучшій камень, по совѣту доброй вашей бабушки, помѣщенъ въ образъ Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ.

Въ этомъ же году былъ я у графа Бенкендорфа въ его помѣстьи близъ Ревеля, Фалль. Гуляя со мною въ саду, онъ сталъ просить меня построить мостъ чрезъ рѣку, проходящую въ его саду, шириною 100 футъ. Мѣстоположеніе и быстрота рѣки требовали моста на цѣпяхъ; но графъ никакъ не хотѣлъ, чтобы на берегахъ были поставлены какія-либо возвышенія, необходимыя для цѣпей, говоря, что они скроютъ лучшіе виды изъ дома. Я ничего не обѣщалъ, потому что условіе это исключало собою самое необходимое при цѣпныхъ мостахъ. Но задавъ себѣ задачу, я имѣю привычку безпрестанно об ней думать, доколѣ чѣмъ-нибудь не разрѣшу, или вовсе не откину. Я искалъ изобрѣсть способъ помѣстить цѣпи подъ мостомъ, и чтобы испытать первое мое соображеніе, я взялъ прутикъ, согнутый отъ природы столько, сколько я предполагалъ бы дать возвышенія мосту, концы этого прутика связалъ ниткой довольно слабо, а по протяженіи нитки, поставилъ вертикально въ равныхъ разстояніяхъ четыре стоечки, которыхъ верхи подпирали прутикъ, и когда я сталъ давить прутикъ сверху, то замѣтилъ, что концы его расходились и потому натягивали нитку, которая чрезъ то подымала стойки, и слѣдовательно самый мостъ, и мнѣ казалось, что доколѣ нитка и прутикъ останутся цѣлы, до того, не смотря на давленіе сверху, машинка моя будетъ въ равновѣсіи. Мысль эта болѣе и болѣе во мнѣ утверждалась, такъ что я рѣшился сдѣлать опытъ здѣсь въ Петербургѣ, построивъ мостъ въ натуральную величину на платформѣ. Тутъ я старался вспоминать чему учился, когда былъ инженеромъ и всё, что пріобрѣлъ опытомъ при построеніи въ военныхъ поселеніяхъ огромныхъ мостовъ и строилъ экзерциргаузовъ. Съ этимъ мнѣ легко было опредѣлить всѣ мѣры и подробности при составленіи плановъ. Мостъ я построилъ на чугунномъ заводѣ, чтобы имѣть средство дѣлать пробы силы желѣза, и съ радостью увидѣлъ, что удачно привелъ въ исполненіе родившуюся во мнѣ совершенно новую мысль цѣпныхъ мостовъ. Модель моя была совершенно удовлетворительна, такъ что я за лучшее счелъ ее собрать и отправить въ Фалль, куда и самъ поѣхалъ. Въ нѣскольکو дней мостъ былъ поставленъ на мѣстѣ, и когда, снявъ подмостки,

я увидѣлъ его на крутыхъ берегахъ, какъ ленточку переброшенную съ одного берега на другой, я былъ въ восторгѣ и какой-то неизъяснимой боязни. Графиня Бенкендорфъ и ея дочери, которыя были тогда въ Фаллѣ, не рѣшались идти по мосту, доколѣ не увидѣли, что толпы мужиковъ переходили чрезъ него безъ всякой опасности. На срединѣ моста я прибилъ мѣдную доску съ надписью: «отъ преданнаго и благодарнаго Львова, 30 Августа 1833 г. (т. е. день именинъ графа Александра Христофоровича)». Въ какомъ былъ восторгѣ добрый мой начальникъ, когда онъ увидѣлъ мостъ! Онъ не зналъ, какъ благодарить меня, всѣмъ рассказывалъ, что я сдѣлалъ чудо, всѣхъ изъ Ревеля созывалъ смотрѣть мостъ; и я, видя его искреннее удовольствіе, душевно радовался *). Въ 1845 г. я построилъ такой же мостъ, но гораздо меньшаго размѣра, на дачѣ Е. В. Маріи Николаевны, Сергѣевской, что за Петергофомъ.....

.....Въ 1834 г. я сопутствовалъ Государю по Россіи. 22 Апрѣля, т. е. къ празднику Свѣтлаго Христова Воскресенья, я былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ (въ чинѣ ротмистра). Тутъ я догадался, зачѣмъ милостивый Императоръ перевелъ меня за годъ предъ тѣмъ въ кавалергарды. Назначеніе это было совершеннымъ сюрпризомъ для графа Бенкендорфа, а на меня сдѣлало самое странное вліяніе: я не только не обрадовался, а напротивъ сожалѣлъ, что столь значительное отличіе сдѣлано мнѣ, чувствуя въ полной мѣрѣ, что придворная жизнь и служба будутъ для меня всегда тягостію, что всѣ мои склонности противны тѣмъ, которыя имѣть должно для службы при дворѣ. Однако дѣлать было нечего, надо было начать придворную службу притворствомъ и показывать, что я совершенно счастливъ и доволенъ. Дорогіе мои друзья, батюшка и матушка, также не приняли этого съ особенною радостью, предвидя, какъ мнѣ тяжело будетъ, особенно при началѣ.

На представленіи Государю и Императрицѣ они мнѣ столько наговорили пріятнаго, что я съ душевнымъ огорченіемъ моимъ помирился и опрокинулся, такъ сказать, въ число придворной челяди, и, принявъ благотѣльный совѣтъ несравненнаго друга моего батюшки, я въ тоже время опредѣлилъ, какъ мнѣ должно будетъ вести себя, что при дворѣ дѣлать и отъ чего отклоняться и пр. Вотъ что мысленно себѣ предназначилъ я и въ точности исполнилъ: 1) Продолжать служить съ тѣмъ же усердіемъ, какъ прежде, давая дѣламъ служебнымъ всегда

*) Мостъ этотъ до сихъ поръ въ совершенной исправности. Николай Павловичъ выразился про него: „Это Львовъ перекинулъ свой смычекъ“. П. Б.

перевѣсь надъ всѣми прочими, т. е. пользоваться удовольствіями не прежде окончанія дѣлъ службы. 2) Никогда не дѣлать разныхъ шутокъ въ присутствіи Государя и Императрицы, хотя бы это ихъ и повеселило въ первую минуту; даже не танцовать, не смотря на то, что въ то время, для угожденія Императрицѣ, танцовали и всѣ министры. 3) Никогда не позволять себѣ малѣйшей забывчивости и при всѣхъ шуткахъ кого-либо изъ царскаго дома всегда помнить, что тутъ ни дружбы, ни товарищества быть не можетъ. 4) Никогда не набиваться на участвованіе въ какихъ бы то ни было придворныхъ удовольствіяхъ или назначеніяхъ. 5) Всякому давать дорогу, за столомъ садиться къ послѣднимъ приборамъ. 6) Никогда не забѣгать въ ту или другую комнату дворца для встрѣчи съ Государемъ или Императрицей. 7) Съ знатными придворными быть всегда учтивымъ, не замѣчая, какъ они эту учтивость примутъ. 8) Съ камердинерами и гоффурыерами не шутить и въ особенности не подавать имъ руки, какъ многіе въ глазахъ моихъ дѣлывали и потомъ оглядывались, не видалъ ли кто, и 9) никакого дѣла не подвергать несправедливому вліянію для угожденія кому-либо изъ приближенныхъ Царя, а дѣйствовать, какъ прикаazuje совѣсть, хотя бы это было съ собственною потерей.

Съ этими правилами, которыя изучилъ я по мѣрѣ продолженія придворной моей службы, я всегда держался въ одномъ положеніи, не былъ въ числѣ перемѣнчивыхъ любимцевъ, ни въ числѣ послѣднихъ, и въ послѣдствіи, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, имѣлъ я ясныя и неоспоримыя доказательства въ положительномъ и постоянномъ ко мнѣ благоволеніи Государя, Императрицы и всего ихъ семейства.

По зимамъ, неоднократно бывали у Императрицы концерты, въ которыхъ я участвовалъ всегда съ большимъ успѣхомъ. Въ одинъ изъ этихъ концертовъ, Государь подзываетъ меня и говоритъ: «Что если бы ты попробовалъ составить изъ насъ домашній оркестръ и сочинилъ для насъ музыку? Мы могли бы кое-что сыграть, Императрица играетъ на фортепіано, я на трубѣ, Матвѣй Вьельгорскій на віолончели, Апраксинъ на басу, ты на скрипкѣ, Михаилъ Вьельгорскій, Волконскій Григорій, Бартенева, Бороздина могутъ пѣть, и дѣти могли бы участвовать на чемъ-нибудь. Право, можно бы что-нибудь составить; попробуй». На другой же день я написалъ маленькую пьеску для этихъ голосовъ и инструментовъ и, собравъ у себя музыкантовъ, попробовалъ. Показалось не дурно, и я, предупредивъ графа Бенкендорфа, явился во дворецъ съ моимъ оркестромъ въ 7 часовъ вечера. Меня приняли, и вся фамилія сбѣжалась слушать, и лишь сыграли сочиненную пьеску, Государь пошелъ за трубой, Императрица сѣла за фортепіано, стали пробовать каждый свою партію, и тотчасъ назна-

чили день для перваго домашняго концерта. Это было 10-го Марта 1834 года, и съ тѣхъ поръ занятіе это такъ понравилось, что всякій мѣсяцъ, раза два или три, концерты эти возобновлялись, я долженъ былъ сочинять и перекладывать новыя пьесы, которыя получили общее названіе «штучки»..... Всегда за полчаса до начала концерта, къ которому никогда никто приглашаемъ не былъ, кромѣ участвующихъ, я обязанъ былъ быть у Государя и въ его кабинетъ проходить съ нимъ его партію. Онъ нотъ не зналъ, но, имѣя отличный слухъ и embouchure, всегда игралъ безъ ошибки и весьма хорошо. Императрица въ простомъ платьѣ, Государь въ сюртукѣ безъ эполетъ, часто для шутки садились на полъ, пѣли изъ-подъ фортепіано. Любезность всей семьи царской была такова, что можно было забыть, что находишься въ ихъ кругу. Занятія эти продолжались по зимамъ до 1837 года, когда ужасный пожаръ поглотилъ весь Зимній дворецъ. При этомъ пожарѣ пропали тетрадки съ нотами, пюпитры, однимъ словомъ; все, что я для этихъ концертовъ составилъ, и съ тѣхъ поръ они болѣе не возобновлялись.

Одинъ разъ я былъ приглашенъ на вечеръ къ Императрицѣ, и меня провели въ ея купальню. Это маленькая комната, прекрасно убранная, низкій диванъ, комелекъ, мраморная ванна, пушистый коверъ, нѣсколько низкихъ табуретокъ, одно окно и двѣ двери, изъ которыхъ одна ведетъ на круглую лѣстницу и прямо въ кабинетъ Государя. Вошедъ я увидалъ на диванѣ Императрицу, у ногъ сидѣли три ея дочери и Наслѣдникъ; графъ Вельегорскій и фл.-адъютантъ Толстой стояли у комелька. Слабый свѣтъ покрытой лампы освѣщалъ комнату. Послѣ нѣсколькихъ минутъ Императрица предложила всѣмъ пѣть гимнъ «Боже Царя храни» въ полголоса, и сама начала первая. Въ самое это время Государь спускался по лѣстницѣ. Услышавъ пѣніе, онъ остановился, слезы покатались изъ глазъ его; наконецъ, онъ вошелъ, кинулся цѣловать жену, дѣтей, и легко можно вообразить, какъ мы всѣ были тронуты до глубины сердца, видя истинное счастье семейное въ домѣ царскомъ; а я, конечно, болѣе другихъ, былъ счастливъ, что сочинилъ музыку, которая при подобныхъ минутахъ была пѣта. Конечно, друзья мои милые, душевному артисту, какъ вашъ отецъ, можно почитать счастьемъ удачное сочиненіе гимна, который если не достоинствомъ, то по назначенію своему, переживетъ бездну другихъ музыкальныхъ сочиненій несравненно обширнѣе, котораго достоинство и цѣнность увеличивается по мѣрѣ умноженія числа лѣтъ его существованія, и, наконецъ, который послѣ 10 лѣтъ сдѣлался народнымъ въ Россіи и принятъ съ особеннымъ одобреніемъ во всей Европѣ; потому-то я счелъ нужнымъ сохранить для васъ нѣ-

сколько экземпляровъ книжекъ съ портретами автора и сочинителя, сохранию и самыя мѣдныя доски для возобновленія гравированія, и надѣюсь, что въ фамильномъ гербѣ вашемъ повелѣнно будетъ помѣстить девизъ: «Боже Царя храни».

Въ этомъ году получилъ я Шведскій орденъ меча за посланные наслѣдному принцу костюмы горскаго полу-эскадрона. Забылъ я вамъ сказать, что, когда состоялся приказъ объ опредѣленіи меня адъютантомъ къ графу Бенкендорфу, онъ предложилъ мнѣ быть старшимъ адъютантомъ Штаба Корпуса Жандармовъ, говоря, что люди умѣющіе писать ему нужны. Я на это отвѣчалъ ему, что готовъ исполнять всякое его приказаніе, но прошу, для пользы самой службы, чтобы онъ не употреблялъ меня по секретной части, что я совершенно къ тому не способенъ. Благородный мой начальникъ понялъ меня, взялъ за руку и сказалъ: «будь спокоенъ, ты будешь имѣть часть отдѣльную», и съ тѣхъ поръ мнѣ поручены были всѣ дѣла главной императорской квартиры и собственнаго Его Величества конвоя. Съ тѣмъ вмѣстѣ я обязанъ былъ слѣдовать во всѣхъ путешествіяхъ Государя и исполнять должность секретаря собственной канцеляріи графа. Государь, чтобы сблизить горцевъ съ Русскими, приказалъ составить конвой изъ народовъ Кавказскаго и Закавказскаго края. Первые прибыли горцы въ числѣ 56 человѣкъ въ 1829 году. Потомъ въ разное время поступили въ составъ конвоя Лезгины, мусульмане и линейные казаки. (Общее число людей конвоя составилось изъ 138 человѣкъ, и именно: горцевъ 56, Лезгинъ 27, мусульманъ 30 и казаковъ 25. Всѣ эти народы съ самаго начала поступили въ мое вѣдѣніе, и хотя эта часть и дѣла главной квартиры сначала входили въ составъ Штаба Корпуса Жандармовъ, не менѣе того я управлялъ ихъ дѣлами, и эта обязанность особенно пріятна тѣмъ, что невѣжество этихъ полудикихъ народовъ отстраняетъ отъ меня почти всякую отвѣтственность по части фронтальной и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ мнѣ случай быть часто на глазахъ Государя. Чтобы оставить вамъ память многолѣтнихъ моихъ занятій съ этими народами, я заказалъ живописцу Ладюрнеру картину, въ которой вы будете видѣть ихъ костюмы и меня съ ними.

Въ 1835 году Государь Императоръ и король Пруссскій предположили каждый собрать свои войска въ Калишѣ, гдѣ произвести общій большой маневръ.

Бывъ въ свитѣ Государя, я опишу это замѣчательное и небывалое происшествіе, которое было сдѣлано съ цѣлью сблизить войска этихъ двухъ націй. Ожиданія эти не сбылись, и блестящій этотъ сборъ войскъ стоилъ множество денегъ, произвелъ множество шума и никакой пользы. Русскіе съ Нѣмцами въ тѣсной дружбѣ быть не могутъ

никогда; ихъ образъ мыслей, ихъ характеръ, ихъ обычаи, ихъ вкусы совершенно различны; они для исполненія воли старшихъ сыграютъ комедію, но тутъ же украдкой другъ надъ другомъ посмѣются. Это можно замѣтить не токмо въ людяхъ взрослыхъ, но и въ малолѣтнихъ. Такъ было и въ Калишѣ и, можетъ быть, этотъ сборъ уничтожилъ заочную дружбу, какая была до того между Русскимъ и Прусскимъ солдатомъ. Какъ бы то ни было, опишу самое дѣло. Въ Августѣ мѣсяцѣ, Государь, Императрица, Наслѣдникъ и Великій Князь Михаилъ прибыли въ Калишъ, гдѣ были уже Россійскія войска. Въ скоромъ времени потомъ прибыли эрцгерцоги Францъ и Іоаннъ и, наконецъ, прибылъ самъ король Прусскій. Въ тотъ же день, 30-го Августа, предъ вечернею зарею, собраны были 1500 музыкантовъ всѣхъ полковъ и сыграли маршъ, сочиненный королемъ до восшествія его на престолъ, и потомъ нашъ гимнъ: «Боже Царя храни». 31 Августа была встрѣча Прусскихъ войскъ и вступленіе ихъ въ Калишъ. Въ 11 часовъ утра Государь, Императрица и король, верхами проѣхали по линіи Прусскихъ войскъ. Потомъ Государь подъѣхалъ къ флангу Русской пѣхоты, встрѣтилъ короля, который, въ главѣ своихъ войскъ, велъ ихъ на присоединеніе къ Русскимъ. Во время прохожденія Прусскихъ войскъ между Русскою пѣхотою и артиллеріею, пѣхота отдавала честь и кричала «ура», а артиллерія стрѣляла во все время шествія. Потомъ Прусскія войска были остановлены, и король, Государь и Императрица, проѣхавъ по линіи кавалеріи, возвратились къ устроенному на срединѣ лагеря бельведеру. Здѣсь Прусскій отрядъ прошелъ мимо Государя и Императрицы церемоніальнымъ маршемъ. Король ѣхалъ на флангѣ перваго взвода. Послѣ этого Прусская пѣхота выстроилась впереди своего лагеря, а кавалерія къ ней лицомъ; тогда наши войска прошли мимо короля церемоніальнымъ маршемъ, и между Прусскою пѣхотою и кавалеріею, которая отдавала нашимъ войскамъ честь и кричала «ура»! Государь лично велъ свои войска, а Императрица проѣхала мимо своего родителя на правомъ флангѣ кавалергардскаго Ея Величества полка.

Потомъ Государь подозвалъ къ себѣ нашихъ и Прусскихъ солдатъ, чтобы ознакомить однихъ съ другими; въ два часа былъ въ лагерѣ обѣдъ на 250 человекъ, а вечеромъ спектакль. 2-го Сентября былъ большой парадъ всѣмъ войскамъ. Они построены были въ четыре линіи: въ первыхъ двухъ 60 баталіоновъ пѣхоты, въ третьей линіи 68 эскадроновъ кавалеріи, а въ четвертой 136 орудій артиллеріи. Государь самъ командовалъ всѣми войсками; наслѣдный принцъ Прусскій командовалъ Калишскимъ резервнымъ корпусомъ; Великій Князь Михаилъ пѣхотою, а принцъ Вильгельмъ Прусскій кавалеріею;

принцъ Карлъ Прусскій 2-ю пѣхотною бригадою, а принцъ Альбертъ Прусскій 1-ю кавалерійскою бригадою этого корпуса. 4-го Сентября былъ маневръ резервнаго Калишскаго корпуса, состоящаго подъ начальствомъ наслѣднаго принца Прусскаго изъ Прусскихъ и Россійскихъ войскъ, 5-го другой маневръ подъ командованіемъ Государя. Онъ начался въ шести верстахъ отъ города и кончился атакою на оной. 60 баталіоновъ пѣхоты и 70 эскадроновъ кавалеріи окружали городъ съ сѣверной стороны, а 136 орудій обстрѣливали оный въ самое то время, когда пѣхота, составленная изъ Прусскихъ и Русскихъ войскъ, прошла сквозь линію артиллеріи съ барабаннымъ боемъ и музыкою, и потомъ атаковала предмѣстіе города на штыки. Тутъ Государь остановилъ ее, и всѣ войска, по командѣ Его Величества, отдали честь королю при крикахъ «ура!» Въ этотъ же день, по случаю полковаго праздника Кавалергардскаго полка, былъ въ саду церковный парадъ взводу этого полка, находившемуся въ Калишѣ, и обѣдъ, къ которому были приглашены какъ офицеры, такъ и всѣ нижніе чины Прусскаго полка «гардъ-дю-коръ». Послѣ молебна и окропленія людей святою водою, кавалергарды наши сѣли за столъ между Прусскими лейбъ-кирасирами и угощали ихъ. Ихъ Величества и Высочества ходили около столовъ и милостиво разговаривали съ офицерами и нижними чинами. Во время обѣда Государь, взявъ бокалъ шампанскаго, выпилъ за здоровье Прусскаго полка и короля; король за здоровье кавалергардскаго полка и Государя. Потомъ офицеры пили за здоровье короля, Императора и Императрицы, при чемъ трубачи играли тушь, а люди кричали «ура!» 6-го Сентября былъ поутру отдыхъ для войскъ, а вечеромъ военный праздникъ въ лагерѣ; въ 7 часовъ король, Государь, Императрица и весь дворъ прибыли въ бельведеръ. При входѣ ихъ на балконъ, 2000 музыкантовъ заиграли тотъ же маршъ, сочиненный королемъ, а потомъ пѣсенники пропѣли куплеты, сочиненные музыкантомъ Егерскаго полка Малышевымъ, причемъ 18 орудій выстрѣлами въ тактъ сопровождали музыку; а послѣ сего былъ фейерверкъ.

Гораздо до выступленія войскъ въ Калишъ, фельдмаршалъ князь Паскевичъ Варшавскій призвалъ меня и сказалъ, что Государю угодно, чтобы я сочинилъ музыку для военного хора на слова, нарочно написанныя по случаю сѣзда Государя, Императрицы и короля, и чтобы хоръ этотъ былъ составленъ изъ мотивовъ солдатскихъ пѣсенъ. Желая лучшимъ образомъ исполнить данное мнѣ порученіе, я потребовалъ себѣ полковыхъ пѣсенниковъ и, заставивъ ихъ пѣть разныя пѣсни, вслушивался, которая изъ нихъ можетъ быть годною къ даннымъ мнѣ стихамъ. Весьма удачно стихи подошли къ двумъ коренымъ пѣснямъ, изъ которыхъ первая, по преданіямъ, сочинена Пе-

тромъ Великимъ на собственныя его слова: «Какъ на матушкѣ, на Невѣ-рѣкѣ, молодой матросъ корабли снастилъ». Обрадованный этою удачею, я началъ работать и написалъ военный хоръ. Для большого эффекта я употребилъ въ концѣ хора выстрѣлы изъ орудій, которыя, по моему командованію, стрѣляли въ тактъ. Окончивъ хоръ, я самъ чувствовалъ, что пѣса была удачна. Государь прослушалъ ее, на воздухѣ исполненную всѣми музыкантами гвардейскаго корпуса, по окончаніи подозвалъ меня и сказалъ: «нѣтъ, не то». Генералъ Бистромъ, командовавшій тогда гвардейскимъ корпусомъ, подошелъ къ Государю и сказалъ: «не угодно ли Вашему Величеству прослушать пѣсню, которую сочинилъ на тотъ же случай одинъ изъ егерскихъ музыкантовъ, Малышевъ»? Государь согласился, пришли трое полковыхъ пѣвчихъ и спѣли куплеты, ничтожныя словами и еще гораздо ничтожнѣе музыкою. Государь, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «вотъ это хорошо, и эта музыка, положенная на большой оркестръ, будетъ именно то, чего я желаю». Вы можете представить, какъ больно было мнѣ это предпочтеніе; не менѣе того я вздохнулъ и далъ себѣ слово исполнить лучшимъ образомъ желаніе Государя, и вы увидите, какъ я былъ за то вдвойнѣ вознагражденъ. Куплеты Малышева я положилъ на весь военный хоръ и также употребилъ пушки, потомъ молчалъ, доколѣ Государь не пріѣхалъ въ Калишъ; тутъ я дѣлалъ репетиціи и доложилъ Государю, что куплеты готовы. «Какіе куплеты?» спросилъ Государь.— «Тѣ, что Вы изволили приказать положить на музыку вмѣсто моего хора». Государь подошелъ ко мнѣ и нѣсколько разъ цѣловалъ меня, потомъ пожелалъ слышать и еще благодарилъ. Это была первая мнѣ награда. Нѣсколько лѣтъ потомъ, вздумалъ я поднести мой хоръ знаменитому Мендельсону-Бартольди; этотъ былъ въ восхищеніи и тотчасъ отдалъ его напечатать въ Лейпцигѣ. Это одобреніе дало мнѣ мысль предложить исполненіе моего хора въ инвалидномъ концертѣ. Со страхомъ ожидалъ я вечера и передъ моею пьесой изъ театра уѣхалъ: такъ боялся я, чтобы Государь не разсердился, что я, какъ бы ему на перекоръ, хотѣлъ выставлять пьесу, которую онъ нашелъ негодною. Родные мои, возвратясь изъ театра, рассказали, что мой хоръ сдѣлалъ эффектъ огромный, что его повторяли и что вся публика была въ совершенномъ удовольствіи. На другой день графъ Бенкендорфъ сказалъ мнѣ: «*Mon cher ami, vous avez enlevé tout le théâtre par votre chœur*». — «*Et c'est pourtant celui, que l'Empereur et vous-même avez trouvé indigne d'être exécuté à Kalich*», *)

*) Любезный другъ, весь театръ восхищался вашимъ хоромъ. — А вѣдь это тотъ самый, который въ Калишѣ признали недостойнымъ исполненія Государь и вы сами.

отвѣчалъ я ему, и съ тѣхъ поръ хоръ мой ежегодно исполняется въ инвалидномъ концертѣ и считается любимой пьесой публики; куплеты же Малышева исчезли, какъ дымъ. Это была вторая мнѣ награда. Государь никогда болѣе мнѣ объ этой пьесѣ не говорилъ, но въ послѣдствіи самъ всегда много ей аплодировалъ.

7 Сентября былъ большой маневръ, послѣ котораго, по приказанію Государя, всѣ знамена Прусской гвардіи и полка короля Прусскаго отнесены были въ покои короля, а штандартъ Прусскаго кирасирскаго Государя полка, по приказанію короля, отнесенъ былъ въ покои Его Величества. 9 числа, въ день рожденія Его Высочества Константина Николаевича, 2400 музыкантовъ предъ вечернею зарею заиграли гимнъ: «Боже Царя храни». Эффектъ этой пьесы, сыгранной такою массою, истинно неподобный, и вы поймете, какое глубокое удовольствіе ощущалъ я всякій разъ, видя общее восхищеніе.

10 Сентября поутру король уѣхалъ въ Бреславль, а Государь, проводивъ его до границы, возвратился въ лагерь, гдѣ построены были, около налоя, гвардейскій отрядъ и Прусскія войска для молебствія предъ выступленіемъ въ походъ. Послѣ молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, гвардейскій отрядъ отдалъ честь Прускимъ войскамъ, которыя, пройдя мимо Государя и Императрицы, отправились въ походъ. По выступленіи Прускихъ войскъ, Государь обѣхалъ полки гвардейскаго отряда и благодарилъ ихъ за стараніе и отличное поведеніе. Подозвавъ къ себѣ офицеровъ, Государь за примѣрное ихъ поведеніе изъяснилъ имъ свое удовольствіе въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Растроганные офицеры, со слезами на глазахъ, бросились обнимать колѣна своего Государя, такъ что лошадь его должна была остановиться, и Государь, бросивъ поводья, самъ пролилъ слезы. 12 Сентября Государь и Императрица въ 8 часовъ утра выѣхали изъ Калиша въ Теплицъ.

17 число Сентября останется навсегда незабвеннымъ всякому Русскому. Покойный императоръ Австрійскій, въ чувствахъ признательности къ Россійскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ въ знаменитомъ сраженіи при Кульмѣ, предположилъ воздвигнуть памятникъ близъ Теплица, на тѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ четыре полка Русской гвардіи противустали 40-тысячному непріятельскому корпусу и подвигами неимовернаго мужества остановили стремленіе непріятеля, который чрезъ то, на другой день былъ совершенно истребленъ. Не въ дальнемъ разстояніи отъ этого мѣста сооружены памятники Австрійскимъ войскамъ, предводительствовавшему ими генералу графу Колоредо и Прускимъ королемъ воинамъ, павшимъ въ этомъ сраженіи. Императоръ Австрійскій успѣшилъ исполнить обѣтъ родителя своего и изъ

бралъ для заложения памятника время присутствія въ Теплицѣ Государя и короля Прусскаго. Рано утромъ жители Теплица начали собираться на мѣсто, предназначенное для сооруженія памятника. Въ 10 часовъ прибыли Государь, Императрица, императоръ Австрійскій и императрица, король Прусскій и эрцгерцоги, герцоги, принцы, принцессы и всѣ особы, принадлежавшія къ свитамъ Ихъ Величествъ. На пьедесталъ памятника устроенъ былъ амвонъ, для отправленія божественной службы; вблизи пьедестала воздвигнута была модель памятника, съ трехъ сторонъ расположены были войска; у самыхъ ступеней пьедестала были поставлены нашихъ дворцовыхъ гренадеръ капитанъ роты Лаврентьевъ, два унтеръ-офицера и четыре человѣка рядовыхъ. Сии ветераны подвизались на поляхъ Кульмскихъ и теперь, въ тишинѣ мира, явились съ береговъ Невы на мѣсто, окропленное Русскою кровью, пролитою за вѣру и отечество, чтобы быть свидѣтелями торжества военной славы Русскихъ и высокаго чувства признательности августѣйшаго союзника. Немедленно по прибытіи высокихъ посѣтителей, началась божественная служба, по чину Римско-Католической церкви. По совершеніи богослуженія Государь, императоръ Австрійскій и король Прусскій, взошедъ на пьедесталъ памятника, подписали приготовленный актъ заложения онаго, и съ чувствомъ умиленія привѣтствовали другъ друга съ совершеніемъ этого незабвеннаго торжества. Въ продолженіе этого, пѣхота тоекратно производила ружейную пальбу, и этому воинственному привѣту отвѣтствовали выстрѣлы изъ орудій, поставленныхъ у памятниковъ Австрійскаго и Прусскаго. Военная музыка, поставленная между войскомъ и пьедесталомъ, прежде и послѣ богослуженія играла гимнъ Австрійскій; но кто изъ Русскихъ не былъ тронутъ до глубины сердца, когда раздался нашъ отечественный гимнъ: «Боже Царя храни!» Какой разительный отпечатокъ нравовъ Австрійцевъ и Русскихъ! Сочиненіе мое никогда мнѣ такъ хорошо не казалось; отъ восторга у меня лились слезы; я видѣлъ, что самые иностранцы были увлечены силою и чувствомъ нашего гимна и сопровождали музыку пѣніемъ на Русскомъ языкѣ. Вотъ минуты артистическаго восторга, которыя заставляютъ забыть и трудъ, и время, и самыя несправедливости!

Послѣ заключенія этого торжества, Государь и Императрица, императоръ Австрійскій, король Прусскій и прочіе, посѣтивъ памятники, воздвигнутые Австрійцамъ и Пруссакамъ, возвратились въ городъ. Въ этотъ же день Государь пожаловалъ кавалерами Св. Андрея Первозваннаго генераловъ отъ инфантеріи графа Остермана - Толстаго и Ермолова, командовавшихъ въ этомъ сраженіи. Равномѣрно

капитанъ, унтеръ-офицеры и рядовые дворцовыхъ гренадеръ были произведены въ слѣдующіе чины.

Во время этого путешествія я получилъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго и Австрійскаго Св. Леопольда командорскіе кресты.

1836 года 1-го Генваря я произведенъ былъ въ полковники, прослуживъ въ чинѣ ротмистра 9 лѣтъ. Въ Августѣ отправился я за Государемъ въ путешествіе по Россіи. Все проходило благополучно, доколѣ мы не поѣхали изъ Пензы; тутъ, проѣзжая ночью, въ 3-хъ верстахъ отъ города Чембара, кучеръ на коляскѣ Государя не управилъ лошадьми, наѣхалъ на большой бугоръ, коляска на всемъ скаку была опрокинута, и отъ сильнаго удара Государь переломилъ лѣвую ключицу. Я ѣхалъ вслѣдъ за коляскою Государя въ нѣкоторомъ разстояніи; вдругъ вижу скачущаго фельдъегеря мнѣ на встрѣчу, который на вопросъ мой: «куда»? только отвѣтилъ мнѣ: «За Арендтомъ, Государь ушибся». Испуганный я подскакиваю ближе и нахожу Государя сидящаго на насыпи дороги; возлѣ него отставной солдатъ, проходившій по дорогѣ въ это время. Графъ Бенкендорфъ, оставшійся безъ вреда, суетился около кучера и лакея, которые лежали на землѣ безъ чувствъ, двѣ лошади лежали и коляска на боку. Вслѣдъ за мной подѣхалъ Арендтъ, и какъ ночное время не позволяло ему осмотрѣть ушиба Государя, то надо было оставшіяся 3 версты до Чембара идти пѣшкомъ. Шествіе это имѣло мрачность чрезвычайную: впереди шли два человѣка съ факелами для освѣщенія дороги, потомъ шелъ Государь и за нимъ вся свита, позади насъ везли коляску съ больными лакеемъ и кучеромъ; шли весьма тихо, и отъ насъ ложилась по дорогѣ длинная тѣнь красноватаго цвѣта. Лишь пришли въ Чембаръ и Государь вошелъ въ приготовленный для него домъ, тотчасъ запѣлъ вмѣстѣ съ слѣдовавшимъ въ свитѣ придворнымъ пѣвчимъ Михаловскимъ: «Спаси, Господи, люди Твоя» и проч.; но послѣ съ нимъ сдѣлался обморокъ, и Государь упалъ на диванъ безъ чувствъ. Лишь пришелъ въ себя, спросилъ онъ чернильницу и бумаги и написалъ длинное письмо Императрицѣ. Тутъ я имѣлъ случай удостовѣриться, какъ всѣ приближенные мало любятъ Государя, ограничиваясь притворствомъ и исполненіемъ своего дѣла, за которое имъ платятъ деньги. Графъ * приказалъ мнѣ посмотрѣть, гдѣ бы ему помѣститься поближе къ Государю. Выпедъ на дворъ, я увидѣлъ рядомъ домъ, приготовленный для свиты; мнѣ казалось, что для * и это было не довольно близко отъ страждущаго Государя, и я удивлялся, какъ онъ не пожелалъ остаться въ томъ же домѣ, помѣститься возлѣ его кровати, если возможно. Возвращаясь и съ видомъ сожалѣнія говорю графу, что ближе помѣщенія нѣтъ.—Voilà, par exemple, j'irais bien me placer là, pour

n'avoir pas un moment de repos, merci! Tâchez de me trouver une maison dans une autre rue, отвѣчалъ мнѣ графъ; я вздохнулъ, мысленно пожалѣлъ царей, и любимецъ Государя очень былъ доволенъ, что ему отыскиали домъ чрезъ двѣ улицы отъ него. Въ послѣдствіи я имѣлъ случаи видѣть, что всѣ знатные господа таковы; они дѣлають, доколѣ въ томъ видятъ собственныя выгоды, чувствъ же возвышенной привязанности, искренней къ ихъ Государю они не понимаютъ. Какъ объяснить это, я не знаю. Послѣ десятидневнаго пребыванія въ Чембарѣ, Государь, хотя съ большимъ усиліемъ, отправился въ Петербургъ чрезъ Москву, куда и прибылъ благополучно 17 Сентября.

Не предвидѣлъ я, что въ Петербургѣ ожидаетъ меня не радость, а великое горе,—горе, какого я до 37 лѣтъ не испыталъ; пріѣхавъ домой, я нашелъ батюшку нездоровымъ, онъ ѣздилъ съ дачи въ холодной шинели хлопотать о помѣщеніи одной сироты и простудился. Съ каждымъ днемъ болѣзнь его увеличивалась, съ каждымъ днемъ горе къ намъ приближалось и уничтожало надежду!...

..... 14 Декабря батюшка скончался, и отъ сердца моего отпало то, что не возвращалось и не возвратится никогда... По кончинѣ батюшки переѣхали мы въ домъ прабабушки вашей Дарьи Алексѣевны Державиной. Потомъ, отыскавъ небольшой домикъ въ Галерной улицѣ, мы перебрались туда...

..... Въ Августѣ отправился я въ путешествіе за Государемъ въ Вознесенскъ и потомъ въ Крымъ, Грузію и Кавказскую область.

12 числа Октября Государь отправился изъ Тифлиса въ Ставрополь; при выѣздѣ по этому тракту должно спускаться по весьма крутой горѣ, по которой дорога устроена спиралью. При переѣздѣ чрезъ нее, кучеръ на коляскѣ Государя не могъ удержать лошадей, и бѣда была бы неминуемая, еслибы коренныя лошади не запутались въ постромкахъ переднихъ лошадей; не менѣе того толчекъ былъ такъ силенъ, что Государь и графъ Орловъ были выброшены изъ коляски, которой станокъ весь изломался. Подъѣхавъ къ Государю, я уже нашелъ его ѣдущимъ верхомъ, а графа стоящимъ близъ коляски. Успокоясь насчетъ здоровья Государя, я вспомнилъ, что какимъ-то счастливымъ предчувствіемъ я еще изъ Вознесенска послалъ запасный станокъ въ Тифлисъ: это спасло меня отъ большой непріятности. Сѣвъ верхомъ, я подъѣхалъ ближе къ Государю, который съ гнѣвомъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «Спасибо, спасибо, теперь мнѣ достается ѣхать верхомъ Богъ знаетъ сколько». — «Коляска сейчасъ подъѣдетъ, Государь», отвѣчалъ я. — «Да, какъ же? Она вся изломана», сказалъ Государь и, пожавъ плечами, продолжалъ ѣхать. Черезъ четверть часа я слышу издалека стукъ коляски, она подъѣзжаетъ, и въ ней сидитъ

графъ Орловъ. Государь спрашиваетъ меня: «Что это?»—«Ваша коляска, Государь».—«Не можетъ быть». Оглянулся и дѣйствительно увидѣлъ свой экипажъ въ совершенной исправности, какъ бы ничего не случилось; онъ посмотрѣлъ на меня, засмѣялся и сѣлъ въ коляску. Отъ Редутъ-Кале до Тифлиса я ѣхалъ верхомъ; но какъ Государь ѣхалъ весьма тихо, по причинѣ тяжелой дороги, то мнѣ это не было затруднительно. Тутъ же, посадивъ Государя въ экипажъ и замѣтивъ, что кучеръ, выбранный барономъ Розеномъ, не весьма ловокъ, я далъ себѣ слово продолжать ѣхать верхомъ передъ коляской и останавливать кучера всякій разъ, что достанется переѣзжать гору. Такимъ образомъ я ѣхалъ отъ 100 до 120 верстъ въ день рысью на казачьихъ лошадяхъ, перемѣняя ихъ на каждой станціи. Первый переѣздъ отъ Тифлиса до Квишета былъ для меня весьма тягостенъ: пріѣхавъ на ночлегъ, со мною сдѣлалась лихорадка, и я очнулся только на другое утро и чувствовалъ себя совсѣмъ здоровымъ.

Изъ Квишета надо было переѣзжать главный перевалъ Кавкасскаго хребта; Государь поѣхалъ верхомъ. Путь этотъ тѣмъ болѣе былъ затруднителенъ, что вершины Гутъ-горы и Крестовой были занесены снѣгомъ, и самая дорога отъ бывшаго тогда до 5 градусовъ мороза была покрыта льдомъ. Переѣхавъ черезъ горы благополучно, Государь остановился въ небольшомъ домигѣ, устроенномъ для проѣзжающихъ. Онъ спросилъ, нѣтъ ли чего позавтракать; экипажи еще не подѣхали, домъ былъ пустой. Вышедъ на дорогу, я увидѣлъ въ близкомъ разстояніи еще домигъ, побѣжалъ туда, нашелъ хозяина и спросилъ, нѣтъ ли у него чего позавтракать, не говоря, что это для Государя. Хозяинъ вынесъ мнѣ ржаного хлѣба и сливочнаго свѣжаго масла; я тотчасъ намазалъ большой ломоть и понесъ въ рукахъ Государю. Онъ очень обрадовался и началъ кушать съ большимъ аппетитомъ; между тѣмъ графъ Орловъ и прочіе путешественники послѣдовали моему примѣру и такъ же отправились къ дорожному хозяину, у котораго нашли жареную индѣйку и гуся. Государь, узнавъ объ этомъ и видя, что я одинъ остался съ нимъ, говоритъ мнѣ: «Поди, покушай, а то они тебѣ ничего не оставятъ». Я пошелъ, но для того, чтобы ему принести кусокъ жаркого. Графъ Орловъ, увидя, что я отложилъ кусокъ на особую тарелку, спросилъ: «кому это?»—«Государю», отвѣчалъ я. Онъ тотчасъ схватилъ у меня тарелку и понесъ ее самъ. Тутъ коляска подѣхала, Государь сѣлъ въ нее, а я верхомъ поскакалъ далѣе.

Въ Маѣ 1838 года отправился я снова въ путешествіе за границу. Пріѣхавъ въ Берлинъ, узналъ я, что тутъ находится извѣстный скрипачъ Беріо. Я имѣлъ по вечерамъ нѣсколько свободнаго времени,

и мнѣ вздумалось поиграть съ нимъ квартеты, и для того я попросилъ его къ себѣ и двухъ братьевъ Ганцъ для альтъ и віолончель; слушателями пригласилъ къ себѣ знаменитаго Спонтини и еще двухъ или трехъ настоящихъ охотниковъ. Беріо не слышалъ меня никогда, и какъ я просилъ его позволить мнѣ играть ему секунду, онъ согласился, но видно было, что болѣе изъ учтивости, чѣмъ изъ убѣжденія въ исправной игрѣ моей. Онъ сыгралъ квартетъ очень хорошо и сказалъ мнѣ, какъ былъ доволенъ моимъ акомпаниментомъ. Потомъ я просилъ его сыграть извѣстный квартетъ Бетховена E-mol. Онъ отвѣчалъ, что не можетъ играть аллегровъ, потому что давно не просматривалъ этотъ трудный квартетъ, а согласился сыграть адажію. Такъ и сдѣлали; онъ игралъ исправно, но не съ тою душою, какую я бы желалъ въ глубокой музыкѣ этого знаменитаго, безсмертнаго композитора. Любя особенно этотъ квартетъ, я, по окончаніи адажію, просилъ Беріо позволить мнѣ сыграть аллегро. Онъ тотчасъ всталъ: удивленіе отпечаталось на лицѣ его; самъ сѣлъ на мое мѣсто, а меня просилъ взять его. Увлеченный красотою этого великаго сочиненія, я забылъ, что взялся играть то, чего не хотѣлъ играть Европейскій талантъ, и сыгралъ первое и послѣднее аллегро и скерцо, съ жаромъ, силою и чувствомъ. По окончаніи Беріо всталъ, взялъ меня за обѣ руки и сказалъ: «Jamais je n'aurais cru qu'un amateur, occupé comme vous par tant d'affaires, ait pu pousser son talent à un tel degré; vous êtes un artiste consommé, vous jouez admirablement du violon et vous avez un instrument magnifique *)». Послѣ этого я еще игралъ любимый мой квартетъ Моцарта A-dur, и Беріо былъ въ восхищеніи. Старикъ Спонтини цѣловалъ меня, какъ сына, и съ тѣхъ поръ мы остались съ нимъ большими пріятелями. Не смотря на малое число посѣтителей, слухъ объ этихъ квартетахъ разнесся по всей Берлинской музыкальной братіи, и съ другаго утра я не могъ отбиться отъ безпрестанныхъ визитовъ всѣхъ лучшихъ артистовъ.

Говоря объ артистахъ, я вспоминаю, что, описывая 1830 годъ, я забылъ упомянуть, что въ Варшавѣ слышалъ я въ первый разъ знаменитаго скрипача Паганини и несравненную пѣвицу Зонтагъ: я изучалъ это искусство на правилахъ основательныхъ, прошедъ всѣ школы древнихъ великихъ артистовъ. Игра Паганини, имѣвшаго репутацію перваго скрипача въ мірѣ, не сдѣлала на меня ожидаемаго впечатлѣнія; но съ тѣмъ вмѣстѣ я былъ до крайности удивленъ не-

*) Никогда не повѣрилъ бы я, что любитель, занятый, подобно вамъ, столькими дѣлами, могъ возвысить свое дарованіе до такой степени. Вы настоящій художникъ; вы играете на скрипкѣ удивительно, и инструментъ у васъ великолѣпный.

слыханными трудностями, которыя онъ дѣлалъ съ неимовѣрною чистотою и вѣрностію: скрипка его представляла то флейту, то гитару, то, наконецъ, въ «Carnaval de Venise» утокъ, гусей, ословъ, свиней и пр. По мнѣнію моему, онъ никакъ не могъ быть поставленъ на ряду съ великимъ Віотти, музыку котораго онъ игралъ слабо, мелко и безъ выраженія. Все что Віотти оставилъ намъ, доказываетъ высокое его достоинство. Сочиненія Віотти были играны 50 лѣтъ послѣ его смерти, а нѣкоторые концерты и гораздо долѣе; всѣ ученики его были знаменитые скрипачи: Роде, Баліотъ, Крейцеръ и проч; ни въ сочиненіяхъ его, ни въ методѣ игры не найдете вы никакого шарлатанства, ничего, что бы унижало искусство. Паганини, напротивъ: сочиненія его ничтожны совершенно, и теперь уже исчезли; послѣдователи его сдѣлались музыкантами презрительными; ибо, не имѣя дарованія ихъ учителя, они всячески старались дѣлать тѣже трудности, которыя въ меньшемъ совершенствѣ представились слушателямъ въ безобразной ихъ наготѣ. Однимъ словомъ, Віотти былъ великій скрипачъ и оставилъ по себѣ память незабвенную; Паганини былъ великій шутокъ и оставилъ по себѣ сожалѣніе, что явилось такъ много малодушныхъ и жадныхъ къ деньгамъ артистовъ, которые, желая ему уподобиться, уничтожали свои врожденные таланты и дѣлали великій вредъ искусству.

Зонтагъ, по мнѣнію моему великая и неподражаемая пѣвица, поразила меня до высшей степени. Голосъ ея чистый сопрано, сила, мягкость и обработка неимовѣрныя, къ тому-же чувства бездна, и сама наружности самой привлекательной. Она соединяетъ школы Италіанскую съ Нѣмецкой, поетъ на разныхъ языкахъ, и все прекрасно; я былъ внѣ себя отъ ея великаго таланта и до сихъ поръ лучше ея пѣнія не слыхалъ. Впослѣдствіи судьба извлекла ее изъ круга артистовъ; она вышла замужъ за графа Росси, который весьма долго былъ у насъ посланникомъ отъ Сардинскаго двора.

Изъ Берлина поѣхали мы въ Стокгольмъ, оттуда на короткое время въ Петербургъ и потомъ въ Силезію, въ мѣстечко Фюрстенштейнъ, гдѣ находилась Императрица. Тутъ провели мы время весьма пріятно. $\frac{1}{2}$ Іюня, въ день рожденія Государыни, тамошніе минеры пожелали поздравить ее съ пѣніемъ и музыкою. Я тотчасъ сочинилъ маленькую пьесу на слова, для этого случая написанныя, и минеры, пришедъ вечеромъ съ факелами въ рукахъ къ дому Императрицы, пѣли сочиненную мною пьеску съ военной музыкой. Эта пьеска была потомъ напечатана въ Берлинѣ подъ названіемъ Bergmanns-Gruss. Императрицу сопровождала фрейлина Нелидова. Отецъ и мать ея были почтеннѣйшіе люди и очень знакомы съ моими родителями; это подало поводъ и намъ весьма сблизиться. Изъ Фюрстенштей-

на поѣхали мы въ Теплицъ, гдѣ Государь долженъ былъ пить воды. Тутъ собирались ко мнѣ всѣ артисты, которые съѣхались въ Теплицъ, и вся знать проводила вечера въ маленькихъ моихъ комнатахъ и молча просиживала по нѣскольку часовъ сряду. Государь самъ прохаживаясь по вечерамъ, нерѣдко останавливался у моихъ окошекъ и слушалъ мою музыку съ удовольствіемъ.

Здѣсь случилось со мной обстоятельство, весьма необыкновенное, которое вамъ описать хочу. Приходить ко мнѣ женщина, весьма просто, но чисто одѣтая, по имени Мальцъ, и просить, нельзя ли представить Государю, что Русскій графъ С., во время бытности за границей, взялъ у покойнаго ея мужа товаровъ на 1700 гульденовъ что, не смотря на всѣ ея старанія, она денегъ этихъ получить не можетъ, и что оставшись вдовою съ дѣтьми и въ крайней бѣдности, она просить объ уплатѣ. Сказавъ это, она хотѣла изъ ридикюля достать счетъ и вмѣстѣ съ нимъ вытащила другую бумагу, которая упала; я ее поднялъ, чтобы ей отдать, какъ замѣтилъ, что къ листу этому приковано что-то тяжелое и, развернувъ, увидалъ Русскій солдатскій крестъ. «Что это?» спросилъ я у Мальцъ.—«Эту бумагу я нарочно принесла съ собою, потому что она свидѣтельствуетъ объ обстоятельствѣ, которое я вамъ знать будетъ интересно». Это еще болѣе возбудило во мнѣ любопытство, и я просилъ ее рассказать мнѣ всѣ подробности. Вотъ ея рассказъ.

«Мужъ мой былъ Дрезденскимъ купцомъ и во время кампаніи 1814 года находился въ общей милиціи. Послѣ сраженія подъ Дрезденомъ, онъ принесъ на плечахъ къ намъ въ домъ тяжело раненаго «Русскаго солдата, приказалъ мнѣ имѣть о немъ всевозможное попеченіе, а самъ возвратился къ своему мѣсту. Я дѣлала что могла для облегченія страданій добраго солдата; но всѣ медицинскія пособія были безуспѣшны, и чрезъ 10 дней солдатъ началъ чувствовать приближеніе смерти. У насъ въ домѣ былъ человекъ изъ Поляковъ, который зналъ Русскій языкъ и за больнымъ ходилъ. Солдатъ приказываетъ ему позвать меня и говорить мнѣ: Я умираю, нечѣмъ мнѣ заплатить тебѣ; все мое богатство состоитъ въ крестѣ, который я за-служилъ кровію моею и который ты найдешь на моей шинели. Возьми его и будь увѣрена, что онъ оплатитъ тебѣ за все, что ты для меня дѣлала. Потомъ, поцѣловалъ мою руку, перекрестился и скончался! Родственники мои, слышавъ это, записали все это для памяти, засвидѣтельствовали, и я дѣйствительно, нашедъ крестъ на шинели умершаго, пришила его къ этому свидѣтельству. Съ тѣхъ поръ прошло 24 года, и я сохраняю эту бумагу, какъ пріятное воспоминаніе пріимѣрной благодарности храбраго солдата». Рассказъ этотъ меня тро-

нулъ, я посмотрѣлъ свидѣтельство, нашелъ его совершенно удовлетворительнымъ и доложилъ графу Орлову. Онъ въ тотъ же день разсказалъ все Государю, который приказалъ тотчасъ деньги вдовѣ отдать, а крестъ послать въ Инспекторскій Департаментъ съ запросомъ, кому онъ принадлежалъ. Черезъ короткое время получено было донесеніе, что крестъ этотъ принадлежалъ солдату такого-то полка (не помню), безъ вѣсти пропавшему послѣ Дрезденскаго сраженія.... Женщина Мальцъ чрезъ нѣсколько времени возвратилась, и какова была ея радость, когда я, не сказавъ ей ни слова, сталъ отсчитывать ей 1700 гульденовъ. Чтѣ далѣе считалъ я, то женщина приходила въ большее смятеніе; наконецъ, слезы покатились у ней градомъ, она стала на колѣни и цѣловала оставшееся у ней безъ креста свидѣтельство.— «Эту бумагу я еще бережнѣе сохраню теперь», сказала она сквозь слезы, «передамъ дѣтямъ, какъ виновницу ихъ благосостоянія и въ память милосердія Божія и великодушія Россійскаго Государя». Изъ окошка я видѣлъ, какъ она шла и въ восторгѣ говорила сама съ собою. Я благодарилъ Бога, подавшаго мнѣ случай быть участникомъ въ дѣлѣ столь необыкновенномъ, которое счастливымъ окончаніемъ упрочило будущность цѣлаго семейства, и это за оказанное благодѣяніе Русскому солдату.

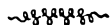
Въ Петербургъ возвратились мы 26 Сентября. Во время этого путешествія получилъ я ордена: Прусскаго Краснаго Ордена 4-й степени, командорскіе кресты: Баварскаго Михаила, Виртембергскаго Короны, Веймарскаго Бѣлаго Сокола и къ Шведскому мечу брилліантовыя украшенія. Забылъ сказать въ своемъ мѣстѣ, что въ 1837 году 2-го Генваря Государю угодно было дать мнѣ обязанность директора придворной пѣвческой капеллы, т.-е. приказано было принять должность, которою мой дорогой батюшка столь достойно занимался въ теченіе 10 лѣтъ. 1837 года Февраля 7-го получилъ я орденъ св. Владимира 3-й степени.

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о женитбѣ А. О. Львова на Прасковѣ Агѣевнѣ Абазѣ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПИСКИ А. Θ. ЛЬВОВА *).

Я нанялъ квартиру въ домѣ Фридерикса противъ Владимирской церкви и тутъ устроилъ себѣ помѣщеніе при началѣ новой моей жизни. Государя просилъ я быть посаженнымъ отцемъ, а графиню Бенкендорфъ посаженной матерью. Государь показалъ мнѣ въ этомъ важномъ для меня случаѣ участіе истинно свыше того, что я когда-нибудь ожидать могъ. До поста оставался одинъ день, 6-е Ноября, въ который вѣнчаться было можно; въ этотъ же день бываетъ гусарскій праздникъ, который Государь проводитъ въ Царскомъ Селѣ и приглашаетъ къ своему столу весь полкъ. Совѣстно мнѣ было до такой степени беспокоить Государя; но онъ предупредилъ меня, сказавъ, что никакъ не хочетъ, чтобы свадьба моя была еще отложена, что прикажетъ обѣдъ ранѣе и въ 8 часовъ вечера будетъ непременно въ Петербургѣ для свадьбы. Въ 7¹/₂ часовъ Государь уже былъ въ Аничковскомъ дворцѣ и ожидалъ насъ; я пріѣхалъ съ графомъ Бенкендорфомъ. Государь меня позвалъ и, при благословеніи образомъ, далъ мнѣ наставленіе, какое только отецъ дать можетъ. Послѣ церковнаго обряда мы всѣ поѣхали на мою квартиру. Я просилъ Государя не беспокоиться, находя, что это было бы для него слишкомъ тягостно послѣ такого дня, какъ 6 Ноября.....

Зиму провели мы довольно пріятно. Въ нашихъ музыкальныхъ вечерахъ участвовали лучшіе артисты: Тальбергъ, г-жа Плейель на фортепіано, Серве на віолончели; но украшеніемъ этихъ вечеровъ была несравненная графиня Росси, которая, будучи очень дружна съ нами, никогда не отказывалась пѣть, и я игралъ въ свою очередь, и часто вдвоемъ съ графиней Росси мы наполняли цѣлые вечера. Цѣлый ор-

*) См. 4-й выпускъ Р. Архива сего года. А. Θ. Львовъ женился на П. А. Абазѣ 6 Ноября 1839 г. П. Б.

кестръ намъ акомпанировалъ. Съ какимъ тщаніемъ приготовлялъ я эти вечера, сколько бывало репетицій! Посѣтителями были Великій Князь Наслѣдникъ, принцъ Ольденбургскій, всѣ министры, которые любили музыку для музыки или для моды, такъ что зала моя едва могла вмѣщать число посѣтителей. Великая Княгиня Елена Павловна всегда была на репетиціяхъ. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, Серве и я, мы играли особенно удачно; въ душевномъ удовольствіи другъ отъ друга мы въ одно слово сказали: «*Si nous pouvions jouer quelque chose ensemble* *)». Это дало мнѣ мысль написать пьесу для нашихъ инструментовъ; я составилъ планъ, послалъ на одобреніе Серве и потомъ написалъ пьесу, назвавъ ее *le Duel*. Въ послѣдствіи, видѣвъ, что Серве про нее забылъ, я посвятилъ ее знаменитому Мейерберу и напечаталъ въ Берлинѣ.

Въ концѣ Апрѣля 1840 г. отправились мы на казенномъ пароходѣ въ Штетинъ. Это было въ первый разъ послѣ 25 лѣтъ службы, что я попросился въ отпускъ и ѣхалъ, забывъ про дѣла казенныя. Вся дорогая семья была со мною; никакой ни въ чемъ отвѣтственности, никакого страха. О, свобода, лучший даръ на землѣ! Какъ она показалась мнѣ усладительна! Въ Берлинѣ надѣлъ я партикулярное платье и душою преобразовался въ артиста. Въ Берлинѣ я свидѣлся съ учителемъ и другомъ Спонтини и ежедневно къ нему ходилъ учиться. Уроки мои состояли изъ однихъ разсужденій о музыкѣ. Тутъ я показывалъ Спонтини два псалма, которые я положилъ на музыку съ переводомъ текста на Латинскій языкъ; за нихъ сдѣланъ я былъ почетнымъ членомъ Сосильской Академіи въ Римѣ и Академіи пѣнія въ Берлинѣ. При этомъ скажу, что въ 1831 году я переработалъ *Stabat Mater* Перголези на полный оркестръ съ хоромъ, оставя соло сопрану и альту, какъ это было у великаго сочинителя. Огромный этотъ трудъ я предпринялъ, потому что, слушая съ малолѣтства это неподражаемое твореніе, я всегда чувствовалъ несоразмѣрность въ полнотѣ гармоніи съ великими мыслями сочинителя. Окончивъ *Stabat Mater*, я исполнилъ эту ораторію въ пользу вдовъ и сиротъ артистовъ въ С.-Петербургѣ и собралъ значительную сумму, съ которой проценты и понынѣ раздаются вдовамъ и сиротамъ артистовъ. За это Петербургское Филармоническое Общество поднесло мнѣ дипломъ почетнаго члена; потомъ за тотъ-же трудъ я былъ сдѣланъ почетнымъ композиторомъ Болонской Академіи. Критика Финка въ Лейпцигской музыкальной газетѣ покажетъ вамъ, сколько было сужде-

*) Нельзя ли намъ сыграть что нибудь вмѣстѣ.

ній и толковъ о томъ, что я осмѣлился тронуть твореніе Перголези. Я предвидѣлъ это; не менѣе того, трудъ мой былъ основанъ на душевномъ желаніи возстановить это неподражаемое произведеніе, которое болѣе не исполнялось по бѣдности оркестровки, столь обогатившейся въ наше время, и я цѣли моей достигъ.....

Въ Берлинѣ же познакомился я съ умнымъ Мейерберомъ. Оттуда поѣхали мы въ Лейпцигъ, гдѣ находился Мендельсонъ-Бартольди. Этотъ гениальный человѣкъ, узнавъ, что я ищу съ нимъ познакомиться, тотчасъ пришелъ къ намъ и просилъ составить у него музыкальный вечеръ. Я игралъ его квартеты и съ душевною радостью видѣлъ, что Мендельсонъ былъ въ восторгѣ. Онъ мнѣ сказалъ: *Jamais je n'ai entendu ma musique exécutée de la sorte; il est impossible de rendre mes pensées avec plus de précision; vous avez deviné la moindre de mes intentions* *). Этого было довольно, чтобы мы искренно съ нимъ подружились, что вы можете видѣть изъ нашей переписки. Изъ Лейпцига поѣхали мы въ Эмсъ; тутъ была добрая наша Императрица, которая обласкала насъ съ особенною милостію. Извѣстный фортепianiстъ Листъ пріѣхалъ; я тотчасъ съ нимъ познакомился, сдѣлавъ у себя музыку и, за неимѣніемъ нотъ въ Эмсѣ, мы играли съ нимъ старый дуэтъ Герца и Лафона на тему: *c'est une larme*. Откровенно скажу, что стоило послушать, въ какомъ видѣ представилась всѣмъ слушателямъ эта всѣмъ извѣстная пѣса. Кромѣ того Листъ игралъ особо, и я тоже. Все что было принцевъ и знатныхъ особъ въ Эмсѣ, всѣ были на вечерѣ, и Мейерберъ, пріѣхавшій пить воды. На другой день, извѣщая мнѣ свое удивленіе о моей игрѣ, онъ предложилъ мнѣ проектъ драматическаго концерта и неоднократно просилъ меня написать его; я ему общалъ и проектъ взялъ.

Узнавъ, что въ это самое время первая въ Европѣ Итальянская труппа поетъ въ Лондонѣ, я рѣшился воспользоваться временемъ, положеннымъ докторами для курса лѣченія маменьки вашей и, оставя ее съ бабушкой въ Эмсѣ, поѣхалъ одинъ въ Лондонъ. Точно нашелъ я тутъ знаменитыхъ пѣвцовъ: Рубини, Маріо, Лаблаша, Тамбурини; пѣвицы: Персіани, Гризи, Този и многихъ другихъ. Въ самый день пріѣзда моего, я пошелъ въ оперу. Подходя къ дверямъ партера, я былъ такъ пораженъ согласіемъ и звучностію, съ которыми они пѣли какой-то квинтетъ (не помню), что остановился и не смѣлъ войти. Кто не слышалъ этой труппы, тотъ вообразить себѣ не можетъ высокое

*) Никогда не слышалъ я, чтобы моя музыка такъ исполнялась; невозможно передать мои мысли съ большею точностію; вы угадали малѣйшее изъ моихъ намѣреній.

совершенство, съ которымъ она производила всѣ новыя оперы и нѣкоторыя изъ древнихъ средняго размѣра. Большія древнія оперы были не по силамъ имъ, не по силамъ публикѣ: такъ выразился мнѣ Рубини. Сладость и блескъ оркестровки въ сочиненіяхъ Россини, Беллини, Доницетти затмили оперы высшаго достоинства. Въ Лондонѣ я познакомился съ извѣстнымъ фортепіанистомъ и профессоромъ Мошелесомъ, имѣя рекомендательныя письма Мейербера и Мендельсона. Вездѣ артисты принимали меня съ особеннымъ вниманіемъ; я провелъ музыкальный вечеръ у Мошелеса очень пріятно.

Обѣдавъ нѣсколько разъ у нашего посланника барона Брюнова, я съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ, какъ Англичане играли нашъ народный гимнъ: «Боже, Царя храни»; это удовлетворяло самолюбію Русскаго артиста....

Въ Эмсѣ получилъ я письмо Мендельсона, въ которомъ онъ, изъясняя восторгъ его и тѣхъ, которые меня слышали, убѣдительно просилъ, отъ имени всего Лейпцигскаго общества, на возвратномъ пути остановиться въ Лейпцигѣ и играть въ большой залѣ въ домѣ, называемомъ Gewandhaus для всѣхъ, взявъ на себя все устроить сообразно приличію моего званія. Я отвѣчалъ, что съ радостью готовъ исполнить его предложеніе.

Изъ Эмса поѣхали мы въ Гейдельбергъ близъ Мангейма; тутъ прожили довольно долго, и я, пользуясь свободнымъ временемъ и тишиною жизни, принялся за сочиненіе драматическаго концерта по плану Мейербера и написалъ его въ три недѣли, выписалъ музыкантовъ изъ Мангейма и въ залѣ одного изъ трактировъ сдѣлалъ вечеръ, созвавъ всѣхъ охотниковъ. Я игралъ мой новый концертъ, варіаціи на Русскія пѣсни съ хоромъ и кончилъ нашимъ народнымъ гимномъ. Всѣ слушатели были въ неизъяснимомъ удовольствіи, а музыканты, встрѣтивъ меня на другой день, ходили за мной по улицамъ цѣлою толпою.—Имѣя еще нѣсколько свободного времени, мы поѣхали въ Парижъ, гдѣ пробыли 10 или 12 дней. Я познакомился съ старикомъ Керубини, который доживалъ послѣдніе дни; осматривалъ всѣ классы Консерваторіи, но знаменитыхъ ея концертовъ не слышалъ: ихъ тогда не было. Познакомился съ Валіотомъ, котораго также засталъ на излетѣ: игралъ его на скрипкѣ представилась мнѣ какъ слѣдующіе остатки славнаго зданія. Былъ у знаменитаго дирижера Абнека, у стараго моего учителя гармоніи Цейнера, который также на псалмахъ моихъ написалъ въ послѣдній разъ нѣсколько словъ; потомъ у многихъ второстепенныхъ артистовъ. Они всѣ были у меня, всѣ искали случая меня слышать; но по весьма короткомъ пребываніи нашемъ въ Парижѣ, при безпрестанныхъ развлеченіяхъ и общихъ занятіяхъ,

невозможно было ничего порядочнаго устроить, и я могъ только сдѣлать у себя маленькій вечеръ, въ которомъ сыгралъ нѣсколько небольшихъ пьесъ. Не знаю, сохранился ли у меня листокъ газеты, въ которомъ журналистъ Бланшаръ описывалъ мою игру. Это вполнѣ характеризуетъ Француза. Онъ начинаетъ статью свою такъ: «Въ 1812 году адъютантъ Русскаго Государя Александра, нѣкто Чернышовъ, пріѣхалъ въ Парижъ, былъ въ лучшихъ обществахъ, прельщалъ всѣхъ нашихъ дамъ и кончилъ тѣмъ, что посредствомъ одного негодяя досталъ всѣ планы предполагаемой войны съ Русскими и тотчасъ изъ Парижа выѣхалъ. Императоръ, узнавъ объ этомъ, послалъ за нимъ въ догоню. Посланный опоздалъ пятью минутами; иначе Чернышовъ былъ бы разстрѣлянъ такъ же, какъ тотъ негодяй, который за большія суммы выдалъ ему планы. Нынѣ, въ 1840 году, пріѣхалъ сюда адъютантъ Государя Николая, но этотъ совсѣмъ съ другими намѣреніями: онъ пріѣхалъ дать руку (*une poignée de main*) артистамъ того искусства, которое самъ изучалъ съ большимъ успѣхомъ; мы его слышали»..... И за этимъ описываетъ мою игру съ большими похвалами. Къ чему это предисловіе? Видно имъ памятна война тѣхъ годовъ!

Ежедневно мы были въ театрѣ; если не было Италіанской оперы, то въ какомъ либо другомъ, и видѣли, какъ въ партерѣ молодые сорванцы лазили изъ ряда въ рядъ чрезъ спинки креселъ, кричали во все горло, требуя *la Marseillaise*. При выходѣ изъ театра, толкались, кричали; однимъ словомъ, гадко было видѣть, и всякій благомыслящій человѣкъ не можетъ находить удовольствія быть въ толпѣ этихъ сорванцовъ, которые всегда готовы на всякое буйство и безпорядокъ. Въ тотъ вечеръ, когда у меня была музыка, былъ также Бланшаръ, и когда директоръ театра Пиллетъ просилъ меня остаться еще нѣсколько дней, общая нарочно для меня дать Гугеноты Мейербера, то Бланшаръ говоритъ: *Laissez partir m-r Lawow; car, s'il tarde d'un seul jour, il sera envoyé en Sibérie.*—Vraiment? сказалъ я ему. *Mais savez-vous ce que c'est que la Sibérie?*—Mais.... non.... C'est un endroit d'exile, отвѣчалъ Бланшаръ.—Puisque vous ne connaissez pas ce que c'est que la Sibérie, de même que nos lois, pourquoi en parlez vous? La Sibérie, monsieur, est un des plus beaux pays du monde; on peut y vivre avec de grands agréments. Après cela, si nos lois trouvent moyen de conserver une quantité de malfaiteurs, qui auraient du perdre la vie, en les envoyant dans la partie de la Sibérie, qui demande un grand nombre de bras à différents travaux, il serait bien difficile que cette même loi place dans la même catégorie une personne qui aurait tardé de revenir à son poste de quelques jours. Eh bien, monsieur,

sachez que mon semestre est illimité, et si je veux revenir à Pétersbourg pour le 15 Novembre, c'est que je l'ai promis verbalement à l'Empereur.—Oh, mais c'est une plaisanterie, сказалъ Бланшаръ.—Non, monsieur, c'est la vérité: nous autres Russes, nous n'avons pas l'habitude de plaisanter quand nous parlons de notre Souverain auquel nous devons la tranquillité, la sûreté de notre existence. Chez nous, monsieur, quand un homme sensé va au théâtre avec sa famille, il est sûr de ne pas être obligé de voir et d'entendre mille bêtises que font quelques écervelés et qu'il verra la pièce qu'il désirait voir; il est sûr qu'en sortant du théâtre, ni sa famille ni lui ne seront heurtés, poussés de tous les côtés par des polissons; rentré chez lui, il est sûr que sa tranquillité est surveillée par le gouvernement. Pouvez vous en dire autant, monsieur? Ah, je vous avoue qu'après le spectacle d'hier, j'aime infiniment mieux rester près de nos lois barbares et je crois, que si vous vouliez parler franchement, vous m'auriez dit la même chose *). Тутъ другіе посетители, видя, что я говорилъ съ нѣкоторымъ жаромъ, старались перервать рѣчь, и я самъ былъ очень радъ, что тѣмъ кончилось.

На другой-же день нашего приѣзда въ Лейпцигъ Мендельсонъ пришелъ ко мнѣ и просилъ со скрипкой пойти въ Gewandhaus, а самъ взялъ мои ноты. Пришедъ въ залу, я нашелъ цѣлый оркестръ, который ожидалъ насъ. Мендельсонъ сталъ на мѣсто дирижера и просилъ

*) Не задерживайте г-на Львова: вѣдь, если онъ опоздаетъ на одинъ день, его сошлютъ въ Сибирь.—Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ я ему. Да знаете ли вы что такое Сибирь?—Однако.... вѣтъ.... Это мѣсто ссылки, отвѣчалъ Бланшаръ.—Такъ какъ вы не знаете что такое Сибирь, а равно не знаете нашихъ законовъ, такъ зачѣмъ же вы про нихъ говорите? Сибирь, милостивый государь, есть одна изъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ странъ, и тамъ можно жить съ большимъ удовольствіемъ. Далѣе, если законы наши находятъ возможнымъ сохранять жизнь извѣстному числу преступниковъ, заслуживающихъ смертной казни, ссылая ихъ въ тѣ мѣста Сибири, которые нуждаются въ рукахъ для различныхъ работъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы тѣ же законы причисляли къ тому же разряду человека, опоздавшего къ должности своей на нѣсколько дней. Знайте же, милостивый государь, что я могу возвратиться когда захочу, и если желаю быть въ Петербургѣ къ 15 Ноября, то потому что на словахъ такъ общалъ Государю.—О, вы шутите! сказалъ Бланшаръ.—Нѣтъ, милостивый государь, это точно такъ: мы Русскіе не привыкли шутить, когда говоримъ про нашего Государя, которому обязаны спокойствіемъ и безопасностью нашего существованія. У насъ, милостивый государь, порядочный человекъ, отправляясь въ театръ съ своею семьею, увѣренъ, что его не заставятъ видѣть и слышать всякаго рода глупости, творимыя безумцами и что онъ увидитъ произведеніе, которое ему желательно видѣть; онъ увѣренъ, что, при выходѣ изъ театра, ни его, ни его семью не станутъ задвигать и толкать въ разныя стороны негодные сорванцы. Возвратясь къ себѣ домой, онъ увѣренъ, что за его спокойствіемъ блюдетъ правительство. Тоже ли у васъ, милостивый государь? Ахъ, послѣ вчерашняго представленія, наши варварскіе законы мнѣ несравненно любезнѣе, и я полагаю, что вы со мною согласились бы, если бы захотѣли говорить откровенно.

меня играть. Въ залѣ никого не было, я сыгралъ свой концертъ, Мендельсонъ велъ оркестръ съ неимовѣрнымъ искусствомъ. Послѣ сыгралъ онъ мои варіаціи съ хоромъ. Въ промежуткахъ Мендельсонъ далъ мнѣ наслажденіе слышать двѣ его увертюры; и я думалъ, что все кончено, положилъ скрипку и собирался идти, какъ Мендельсонъ остановилъ меня и говорить: *«Mon cher ami, ce n'a été qu'une répétition pour l'orchestre; attendez un moment, et vous aurez la bonté de rejouer les mêmes morceaux¹⁾»*. Съ этимъ словомъ отворились двери, и толпа народа хлынула въ залу; въ нѣсколько минутъ зала, сѣни, все было наполнено народомъ. *Ne craignez pas*, сказалъ Мендельсонъ: *ce n'est qu'un public choisi que j'ai invité moi-même, et après la musique vous saurez les noms de toutes les personnes qui sont dans la salle²⁾*. Я повторилъ мои пьесы съ особеннымъ успѣхомъ, такъ что во время *adagio* концерта Мендельсонъ тихонько говоритъ мнѣ: *Ne jouez pas trop bien, car je ne pourrais plus diriger³⁾*. Вы можете себѣ представить, что я почувствовалъ, услыша эти слова великаго артиста. Я никогда лучше не игралъ. Тутъ-же швейцаръ подалъ мнѣ всѣ билеты посѣтителей, на которыхъ я увидѣлъ имя каждаго, написанное рукою Мендельсона. Какъ умно и деликатно поступилъ Мендельсонъ, чтобы сохранить должное приличіе. Вышедъ изъ залы вмѣстѣ съ нимъ, мы безпрестанно встрѣчались съ людьми, бывшими въ *Gewandhaus*, которые подходили къ намъ съ новыми изъявленіями ихъ восторга. Это было истинное торжество, какого я никогда ожидать не могъ и не смѣлъ: я все какъ будто сомнѣвался, ко мнѣ ли относятся такіа похвалы, и удивлялся, что производилъ столь разительное впечатлѣніе въ первомъ музыкальномъ городѣ всей Германіи. Прочтите переводъ одной статьи послѣ этого концерта, гдѣ между прочимъ сказано: «если подобныхъ талантовъ въ Россіи много, то намъ надо туда ѣхать не учить, а учиться».

Изъ Лейпцига мы поѣхали почти безъ остановки до Петербурга.

Чѣмъ чаще были у меня музыкальные вечера, чѣмъ болѣе посѣтителей, тѣмъ болѣе видѣлъ я неудобство жить въ наемномъ домѣ, гдѣ всякое устройство, всякое украшеніе остаются въ пользу хозяина дома, и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько непріятностей жить въ большомъ домѣ, гдѣ тысяча разныхъ постояльцевъ. Все это, подкрѣпленное со-

¹⁾ Любезный другъ: это была только репетиція для оркестра; подождите немного и будьте добры переиграть тѣже пьесы.

²⁾ Не опасайтесь: это избранное общество, которое я самъ пригласилъ, и послѣ музыки вы узнаете имена всѣхъ лицъ, находящихся въ залѣ.

³⁾ Не играйте слишкомъ хорошо, потому что я не въ силахъ буду дирижировать.

вѣтомъ нѣкоторыхъ родныхъ, подало мнѣ мысль купить домъ. Въ одно утро, шедъ по Невскому проспекту, озабоченный до крайности о пріисканіи нужнаго количества денегъ для покупки дома, встрѣчаюсь съ сенаторомъ Лубяновскимъ, съ которымъ знакомъ почти не былъ. Увидѣвъ меня, онъ спросилъ, отчего я такъ озабоченъ; я рассказалъ ему мое затрудненіе найти 20 т. р. ассигн., не предполагая никакихъ послѣдствій. Лубяновскій остановилъ меня, подумалъ и просилъ зайти къ нему на другой день. Я прихожу, и онъ, вынувъ изъ шкатулки 20 т. р., подаетъ мнѣ ихъ и говоритъ: «я очень радъ, что могу въ свою очередь услужить сыну Федора Петровича, который, лѣтъ 40 назадъ, будучи еще директоромъ департамента у министра коммерціи, сдѣлалъ мнѣ значительное добро; возьмите эти деньги за указные проценты, и я увѣренъ, что вы мнѣ ихъ отдадите при первой возможности.» Вы можете себѣ представить, какъ я благодарилъ его; съ трудомъ могъ уговорить взять заемное письмо. Дѣло мое сладилось, и я домъ купилъ.

Въ Декабрѣ, 30 числа, я вздумалъ въ первый разъ сдѣлать у себя большую музыку; собралъ цѣлый оркестръ, придворный хоръ и выбралъ все пьесы серьезныя; пригласилъ немногихъ посѣтителей, между коими была и Н. (дружба наша еще продолжалась). При началѣ музыки она говоритъ мнѣ на ухо: «Къ вамъ будетъ Государь». Я ей не повѣрилъ и продолжалъ свою музыку, какъ слышу три звонка, и вѣту же минуту Государь вошелъ въ залу: Я бросилъ скрипку, подбѣжалъ къ нему; внѣ себя отъ восхищенія, я не могъ выговорить слова. Государь это замѣтилъ, успокоилъ меня и просилъ продолжать; пробылъ у насъ весь вечеръ и уѣзжая просилъ увѣдомлять его, когда у меня бываетъ музыка, обѣщая, что и впередъ пріѣдетъ съ большимъ удовольствіемъ. Это число и прочія, въ которыя Государь удостоивалъ меня своимъ посѣщеніемъ, означены на мѣдной доскѣ у мраморнаго бюста Государя, поставленнаго въ музыкальномъ залѣ.

12 Марта 1842 года Государь былъ другой разъ на музыкальномъ вечерѣ.

28 Августа 1842 года у А. О. Львова родился сынъ Федоръ.

Я сообщилъ о моей радости доброму моему начальнику графу Бенкендорфу; онъ тотчасъ сказалъ Государю, который два раза въ тотъ же день присылалъ нарочнаго фельдъегеря изъ Царскаго Села, чтобы узнать о здоровьи моей жены. На другой день я поѣхалъ благодарить Государя за его вниманіе; надо было видѣть, съ какою милостію приняли меня Императрица и весь Царскій домъ. 5 числа Сентября были

крестины Государь находился въ вояжѣ, и графъ Бенкендорфъ при совершеніи обряда занялъ его мѣсто и отъ имени Его Величества отдалъ маменькѣ фермуаръ въ 6 т. р. ассигн.

Желая сдѣлать угодное императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и Великимъ Княжнамъ, зная, какое онѣ принимаютъ участіе въ поддержаніи частныхъ школъ Дамскаго Патріотическаго Общества, я пригласилъ фрейлину Бартеневу и г-жу Вьярдо спѣть *Stabat Mater Pergolesi* въ залѣ пѣвческаго корпуса, самъ дирижировалъ, а между партіями игралъ большое *adagio* изъ 9-го концерта Шпора, которое я всегда игралъ при исполненіи «*Stabat Mater*». Я сдѣлалъ два утра, и въ оба зала была наполнена народомъ. Императрица оба раза прѣзжала, исполненіе было отличное, и я долженъ сказать, что сердце мое билось отъ удовольствія, видя, какъ удачно удалось мнѣ переработать это неподражаемое твореніе и какое разительное впечатлѣніе производило оно на слушателей. Я собралъ около 2 тыс. р. с., представилъ ихъ Ольгѣ Николаевнѣ, какъ почетному члену общества, и получилъ за то званіе члена-благотворителя.

3-го Марта Государь былъ въ третій разъ на музыкальномъ вечерѣ. 16 Марта Императрица и Великія Княжны, Ольга и Александра Николаевны, узнавъ, что у меня музыкальная репетиція, прѣехали совсѣмъ неожиданно и пробыли часа два. Императрица желала видѣть всѣ комнаты, даже спальную и была чрезвычайно милостива. Вечеромъ прѣехалъ Государь въ четвертый разъ. Я просилъ позволенія показывать ему его крестника. Государь тотъ часъ пошелъ въ спальную и, взявъ его на руки, нянчилъ, какъ своего ребенка; кормилица уронила пеленку, Государь ее поднялъ и ей подалъ. Какъ все это время у меня билось сердце отъ радости и благодарности Богу! Всѣ прочіе посѣтители стояли въ другихъ комнатахъ и все это видѣли. Зависть овладѣла многими и выразилась разными нелѣпыми выдумками и негодowanіями противъ меня. Я же былъ спокоенъ, чувствуя въ душѣ, что во всю жизнь мою я не сдѣлалъ ни одного унижительнаго шага для достиженія милости Царя, и зналъ, что такъ всегда бывало и всегда будетъ.

11 Апрѣля 1843 года, къ празднику Св. Пасхи, Государь пожаловалъ мнѣ табакерку съ вензелевымъ его именемъ; а Великія Княжны, Александра и Ольга Николаевны, прислали мнѣ: первая двѣ стеклянныя лиловыя вазочки съ бронзовыми цвѣтами, а вторая стеклянный плато на бронзовой ножкѣ, приложивъ два яйца, одно фарфоровое, а отъ Александры Николаевны стеклянное съ незабудками. 10-го Октября 1843 года я произведенъ въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ въ свитѣ. 10 Декабря Государь былъ въ пятый разъ на вечерѣ, при ре-

петиции 1-го акта первой моей оперы «Біанки», которую я посвятилъ Е. В. Александрѣ Николаевнѣ по случаю ея замужества съ принцемъ Гессенскимъ. Пѣли г-жа Віардо, знаменитый Рубини и Тамбурины; Государь былъ очень доволенъ, пѣли безподобно, оркестръ шелъ отлично; но зависть противъ меня росла горою. Это было видно на лицахъ большей части посѣтителей и, чѣмъ больше Государь хвалилъ, тѣмъ число противниковъ увеличивалось; и съ этой минуты начались всевозможныя интриги, чтобы оперу мою не ставить на сцену: сби-вали директора театровъ, котораго увѣрили, что я написалъ оперу, чтобы получить его мѣсто; самъ министръ двора князь Волконскій явно пошелъ противъ этого предположенія; одинъ графъ Бенкендорфъ поддерживалъ меня всѣми силами. Несмотря на то и на желаніе самого Государя и Великой Княжны Александры Николаевны, опера въ этомъ году дана не была подъ предлогомъ того, что якобы Итальянскіе пѣвцы пѣть моей музыки не хотятъ. Сколько я ни былъ увѣренъ, что все это гнусная выдумка, не менѣе того больно мнѣ это было до чрезвычайности и даже имѣло вліяніе на мое здоровье, и я рѣшился весною ѣхать за границу, какъ для подкрѣпленія нервическаго разстройства, такъ для того, чтобы оперу мою дать за границей и тѣмъ доказать соотечественникамъ моимъ, что я предлагалъ имъ трудъ достойный. Итальянскіе пѣвцы, чтобы опрокинуть взводимую на нихъ клевету, дали мнѣ письмо, въ которомъ изъявляли сожалѣніе, что опера моя не была дана, въ увѣренности, что исполненіе ея сдѣлало бы честь и имъ, и мнѣ, и всѣ трое письмо подписали. Я его показывалъ Государю Наслѣднику, который не могъ надивиться дѣйствіямъ интригъ и зависти..... Въ это время случилось обстоятельство, которое, безъ всякой съ моей стороны причины, охладило частное расположеніе ко мнѣ Государя....

19 Апрѣля отправились мы за границу. Когда мы доѣхали до Берлина, всѣ служебныя дѣла изъ головы моей выкурились, и я опять преобразовался въ артиста. Опера моя «Біанка» была со мною, я показывалъ партитуру Мейерберу и получилъ совершенное одобреніе; самая поэма ему не понравилась, и онъ сказалъ, что находить необходимымъ ее передѣлать, безъ чего опера эта, несмотря на весьма удачную музыку, удержаться долго на сценѣ не можетъ, потому что ничтожное сочиненіе поэмы публикѣ наскучитъ. Въ Дрезденѣ, въ залѣ извѣстнаго трактира (Hôtel de Saxe), я собралъ полный оркестръ и хоры, чтобы дать слышать публикѣ нѣкоторые нумера моей оперы и судить, понравится ли Саксонцамъ моя музыка. Между оперными нумерами я игралъ «Дуэль» съ Куммеромъ, adagio Шпора и въ заключеніе исполнилъ нашъ народный гимнъ. Зала была наполнена наро-

домъ, выпускали по билетамъ. Узнавъ, что Саксонскіе принцы и принцессы желаютъ быть на вечерѣ, я пригласилъ ихъ, хотя имъ еще не представлялся; въ назначенный часъ они были въ залѣ и помѣстились на хорахъ. Оперные нумера приняты были публикой отлично, игра моя привела ее въ восторгъ; но когда, для заключенія, подъ моею дирекцію, былъ исполненъ напѣ народный гимнъ, то рукоплесканія, стукъ ногами и стульями, крики хора раздались, какъ молнія, по всей залѣ. Я долженъ былъ повторить; тотъ же восторгъ, тѣже крики *vivat Nicolaus!* Меня цѣловали, шептали мнѣ на ухо: «*Wir sind Russen geworden* *)». Музыканты отказались отъ всякой платы. Надо было мнѣ, Русскому артисту-генералу, не оставаться въ долгу. Я велѣлъ подать ужинать на все число музыкантовъ; шампанское лилось рѣкою; новыя восклицанія: «ура», *vivat Nicolaus!* Я взялъ бокалъ и предложилъ за здоровье Саксонскаго короля. Тутъ же сочиняли мнѣ стихи и говорили вслухъ, взяли оставшіеся въ оркестрѣ инструменты, всякій чтó попало, и въ сопровожденіи пѣнія прочихъ товарищей, неоднократно повторяли гимнъ... Въ третьемъ часу ночи разошлись по домамъ....

... Графъ Бенкендорфъ былъ въ Карлсбадѣ. Желаніе видѣть моего добраго начальника заставило меня туда съѣздить; я нашелъ его въ положеніи весьма тяжеломъ: воды на него не дѣйствовали, онъ едва ходилъ. Это было послѣднее мое съ нимъ свиданіе. Какъ онъ мнѣ обрадовался, съ какимъ искреннимъ удовольствіемъ рассказывалъ обо всемъ, чтó слышалъ про меня въ Дрезденѣ!

Другая забота занимала меня чрезмѣрно: Великая Княгиня Александра Николаевна, вышедъ замужъ за принца Гессенскаго, вскорѣ сдѣлалась больна; болѣзнь, не смотря на ея беременность, шла быстрыми шагами, и доктора отчаявались въ ея жизни. Событіе это тѣмъ болѣе меня тревожило, что Александра Николаевна въ послѣдніе годы ея жизни была ко мнѣ особенно милостива, смѣю сказать любила меня, сколько положеніе ея ей позволяло. Прежде ея замужества я бывалъ у нея два раза въ недѣлю для музыкальных занятій; она пѣла мелодіи Шуберта, я акомпанировалъ ей на скрипкѣ; какое милое вниманіе, какое желаніе показать мнѣ ея благодарность! Одинъ разъ, чтобы угостить меня чѣмъ-нибудь, она отворила шкафъ, достала апельсинъ, положила на тарелку, насыпала сахару, положила ножикъ и поднесла мнѣ: «*Mangez cette orange, cela vous délassera des fatigues que vous avez eu en m'accompagnant. Comme cela doit vous en-*

*) Мы стали Русскими.

nuyer de faire de la musique avec une aussi pauvre musicienne que moi *)», сказала она съ невыразимою любезностью. Что я отвѣчалъ ей, не помню; но знаю, что милое существо это врѣзалось навсегда въ памяти моей. На этихъ вечерахъ никогда никого не было, кромѣ состоявшей при ней Англичанки Гигенботомъ.

Въ Эмсѣ узналъ я о смерти Александры Николаевны. Въ это же время прошелъ по Рейну пароходъ съ умирающимъ графомъ Бенкендорфомъ; я выѣзжалъ къ нему на встрѣчу, но пароходъ шелъ такъ скоро, что я не могъ видѣть добраго моего начальника, съ которымъ прослужилъ 18 лѣтъ. Онъ всячески спѣшилъ въ Фалль (его помѣстье близъ Ревеля). Онъ желалъ тамъ умереть; но Богу было угодно иначе: онъ умеръ на пароходѣ противъ высотъ острова Даго 11 Сентября (1844)....

..... Въ Лайбахѣ узналъ я, что графъ Орловъ призывалъ къ себѣ Адиль-Гирея, послѣ чего онъ немедленно отправился на Кавказъ....

Въ Дрезденѣ нашелъ я оперу мою почти выученною и долженъ былъ находиться на послѣднихъ репетиціяхъ; Шредеръ-Девріенъ пѣла Біанку, Тикачекъ—Гвальтіеро, Детмаръ—Сфорцу, Митервурцеръ—Малатесту. Наканунѣ репрезентациі, Рейсигеръ и двое старшинъ пришли ко мнѣ и отъ имени всей капеллы поднесли адресъ на пергаментѣ, который сдѣлалъ мнѣ величайшее удовольствіе. Поутру прислали мнѣ афишу на розовомъ атласѣ. Въ 6 часовъ послѣ обѣда начался спектакль; театръ былъ наполненъ. Не могу выразить ощущенія моего, когда поднялся занавѣсъ; это чувство можетъ понять только тотъ, кто оперу свою даетъ въ первый разъ на чужой сторонѣ. Аплодировали много, но не съ тѣмъ жаромъ, какъ бы я желалъ; и естественно: музыку мою слушали въ первый разъ. По окончаніи спектакля всѣ артисты были вызваны; вызывали и композитора, но я спрятался, и вмѣсто меня вышелъ режиссеръ Фиперъ, благодарилъ публику и взялся передать мнѣ ея удовольствіе. Изъ театра пошли мы ужинать въ Hôtel de S-t Pétersbourg; всѣ артисты были приглашены, всѣ были очень веселы, меня засыпали цвѣтами и вѣнками, и наконецъ старшины капеллы поднесли мнѣ лавровый вѣнокъ, въ которомъ я долженъ былъ остаться остальную часть вечера. Это было 13 Октября; 15 числа было второе представленіе. Тутъ я былъ гораздо спокойнѣе, такъ какъ и дѣйствующія лица; опера шла прекрасно, и я имѣлъ наслаж-

*) Скушайте этотъ апельсинъ. Это васъ освѣжитъ отъ усталости, которую вы испытывали, играя со мною. Какъ должно быть вамъ скучно заниматься музыкою съ такою плохою какъ я музыкантшею.

деніе видѣть, что не было малѣйшаго нумера, который бы не былъ много аплодированъ. Я истинно былъ доволенъ: несмотря на ограниченнѣхъ пѣвцовъ, оркестръ и хоры шли превосходно. Возвратясь домой, услышалъ я подъ моими окнами пѣніе: всѣ хористы театра собрались и, несмотря на дождь, съ факелами въ рукахъ пѣли мнѣ серенаду на стихи нарочно для меня сочиненные; я просилъ всѣхъ войти; подали шампанскаго, и пѣніе возобновилось. Кончили нашимъ гимномъ: «Боже, Царя храни!»

Эти замѣчательныя дни считаю я лучшими въ моей жизни артиста. Недостатокъ въ средствахъ исполненія вполне замѣнялся радшіемъ и восторгомъ, съ которымъ я былъ принятъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, 17 Октября, начались снова толки, давать-ли мою оперу или нѣтъ. Послѣдовавшее высочайшее повелѣніе въ прошломъ году заставило директора театровъ спросить меня, даю-ли я музыку? Я отвѣчалъ, что музыка готова. Съ тѣхъ поръ начались положительныя приготовленія и, наконецъ, къ 24-му Генваря все было кончено; 26 опера должна была быть представлена, какъ получено извѣстіе о кончинѣ великой княгини Елисаветы Михайловны, послѣдовавшей ровно въ день свадьбы Александры Николаевны чрезъ годъ. Какое ужасное стеченіе обстоятельствъ! Двѣ Великія княжны вышли замужъ молодыя, здоровыя, и чрезъ годъ не стало ни ихъ, ни рожденныхъ ими дѣтей! Какой примѣръ промысла Божія надъ людьми, промысла, отъ котораго ничто отстранить не можетъ! Дворъ снова погрузился въ горе; крепъ покрылъ весь блескъ мундировъ, и трогательное пѣніе панихиды раздавалось въ залахъ дворца. Трауръ наложенъ былъ на три мѣсяца, но спектакли велѣно закрыть на недѣлю. Директоръ назначилъ представленіе моей оперы на 28 и 29 числа,—какіе дни! 28-го первое представленіе послѣ общей горести. 29 полугодіе со дня смерти Александры Николаевны, такъ что по утру я долженъ былъ быть на панихидѣ въ крѣпости, а вечеромъ въ театрѣ. Третье представленіе было 2-го Февраля, не такъ удачно по причинѣ нездоровья Тамбурины (перваго баса). Однако какая-то судьба помогла мнѣ: 28 было Воскресеніе и царскій день, слѣдовательно трауръ былъ снятъ. Оперу мою пѣли первые Европейскіе таланты: Біанку—Віардо—Гарціа, Гвальтьеро — исравненный пѣвецъ Рубини, Малатесту—Тамбурины и прочіе таланты не столь значительныя. На репетиціяхъ я уже предвидѣлъ, что опера будетъ исполнена въ самомъ высокомъ совершенствѣ, какое вообразить возможно; однако на первомъ представленіи замѣтилъ я въ пѣвцахъ нѣкоторую робость, происходившую отъ вліянія на нихъ всѣхъ предшествовавшихъ интригъ. Эта робость передалась мнѣ, и я прежде

конца изъ театра уѣхалъ. Домашніе мои, возвратясь изъ театра, сообщили мнѣ, что все прошло порядочно, особенно второй актъ, что повторяли четыре номера и вызывали меня и всѣхъ актеровъ. Второе представленіе я взялъ на себя остаться до конца и былъ истинно вознагражденъ за всѣ мои претерпѣнія: пѣвцы превосходили себя, Рубини вырывалъ слезы у слушателей самыхъ холодныхъ, публика вошла въ такой восторгъ, что крикамъ, стуку, рукоплесканіямъ не было конца; махали шляпами, платками и вызывали меня шесть разъ и пѣвцовъ безъ счета. Все время второго акта слезы безпрестанно текли изъ глазъ моихъ, а во время ге-мольнаго дуэта во второмъ актѣ я долженъ былъ сѣсть въ углубленіе ложи: такъ сильно было объемлющее меня чувство! Нѣтъ, никогда болѣе не услышу моей музыки, исполненной въ такомъ совершенствѣ, никогда другаго Рубини не будетъ; онъ величайшій пѣвецъ, одаренный несравненнымъ голосомъ, хорошимъ умомъ, привлекательною наружностію и прошедшій чрезъ всѣ изгибы большой школы. Подобныя наслажденія рѣдко съ кѣмъ изъ артистовъ случаться могутъ, болѣе-же одного раза въ жизни никогда. Никто изъ царскаго дома въ театрѣ быть не могъ по причинѣ траура; но мнѣ истинно было больно и непонятно, что Государь и Императрица, зная все это, зная, что весь трудъ мой имѣлъ основаніемъ преданность мою къ Александрѣ Николаевнѣ, принимавшей еще при жизни особенное въ этомъ участіе, не сказали мнѣ единаго слова, не токмо изъявили какое-либо удовольствіе въ моемъ успѣхѣ. Полагаю, что причиною тому были гадкія интриги со стороны людей высоко поставленныхъ, въ которыя вмѣшиваться лица царскаго дома почитали для себя неприличнымъ.

Въ ту же зиму опера моя два раза назначена была въ репертуарѣ, но князь Волконскій всякій разъ отмѣнялъ ее и до такой степени былъ на меня золъ за то, что я показалъ Великому Князю Наслѣднику письмо артистовъ, доказывающее ложь директора театровъ, что, не смотря на желаніе Е. В. Ольги Николаевны слышать оперу и на просьбы самихъ артистовъ, дать ея не хотѣлъ и не далъ. Рубини выбралъ первый актъ моей оперы для своего бенефиса; но Віардо, будучи дѣйствительно нездорова горломъ, пѣть не могла. Этимъ все кончилось и, кажется, на долго. Горько это артисту, горько человѣку, имѣвшему единою цѣлью сдѣлать угодное Царскому дому! Мало по малу я старался успокоиться и искалъ удовольствій въ кругу домашнемъ. Желая оставить у себя память столь блистательнаго успѣха моей музыки, я пригласилъ къ себѣ обѣдать Віардо, Рубини, Тамбурины и знаменитаго нашего художника Карла Брюлова. Послѣ обѣда я попросилъ Віардо, Рубини и Тамбурины одѣться въ

костюмы, въ которыхъ они были на сценѣ, Брюлову далъ бумагу и карандашъ, поставилъ въ большомъ залѣ форте-піано, освѣтилъ лампами съ полу и заставилъ тихонько играть аккомпаниментъ большаго дуэта. Артисты, ставъ въ позицію, начали тихонько пѣть, а Брюловъ рисовать. Какая это была восхитительная минута! Какое собраніе артистовъ, и какихъ! Картину, которую сдѣлалъ Брюловъ, я подарилъ Ольгѣ Николаевнѣ; сдѣланныя-же съ нея литографіи долго у меня лежали, лежали въ магазинахъ для продажи, но мало кому интересными показались. Какъ мы еще молоды, необразованы, какой убійственный холодъ ко всему Русскому!

Успокоившись совершенно, я принялся за вторую оперу «Ундину». Либретто написалъ мнѣ графъ Владимиръ Сологубъ.

Въ этомъ-же году имѣлъ я большую непріятность. Занимаясь музыкой, я входилъ во всѣ отрасли этого искусства и искалъ приобретенными познаніями быть полезнымъ отечеству и соотечественникамъ. Я зналъ, что иностранные артисты, поступающіе въ театральную дирекцію, опредѣляются по контрактамъ, дающимъ имъ право получать за 10 лѣтъ службы пенсіонъ, распространяющійся на женъ и дѣтей ихъ, хотя-бы они были заграницей; что преимущество это привлекаетъ къ намъ бездну артистовъ изъ всѣхъ странъ Европы, что ихъ принимаютъ безъ разбора, по разнымъ протекціямъ, потому что директоръ самъ о музыкѣ не имѣетъ никакого понятія; а между тѣмъ наши молодые люди и въ особенности тѣ, которые въ малолѣтствѣ поступаютъ въ придворную пѣвческую капеллу, по спаденіи съ голосовъ, опредѣляются въ разныя министерства писцами, на жалованье самое ограниченное и потому принуждены искать непозволительныхъ средствъ для своего существованія и нерѣдко отъ безыравственности пропадаютъ; музыкальное-же ихъ образованіе, столь тщательное и полезное, теряется совершенно. Мысль эта безпрестанно бродила въ головѣ моей, и одинъ разъ въ 1839 году я нашелъ удобный случай доложить Государю, какъ-бы полезно было учредить при придворной капеллѣ классъ инструментальной музыки, образовывать своихъ музыкантовъ и мало по малу замѣнить ими иностранцевъ, которые государству стоятъ дорого и обязываютъ отправленіе за границу пенсіонъ, составлявшихъ уже тогда огромный капиталъ. Государь, выслушавъ меня, предложеніе мое одобрилъ и приказалъ мысль мою передать министру двора князю Волконскому. Этотъ старый, упрямый чловѣкъ, всячески поддерживая директора театровъ Гедеонова, который съ подобострастіемъ исполнялъ всѣ его требованія, съ великимъ трудомъ согласился доложить Государю представленный мною проектъ инструментальнаго класса при капеллѣ. Наконецъ, проектъ мой былъ

высочайше утвержденъ, и классъ образовался въ 1840 г. Болѣе пяти лѣтъ я уже занимался этимъ классомъ, въ теченіи этого времени завелъ все, что нужно для полезнаго образованія учениковъ: выписалъ изъ Парижа инструменты, правильно сдѣланные и разной величины, собралъ множество нотъ знаменитыхъ сочинителей, употребилъ на все это до 12 т. р. ассиг. собственныхъ денегъ. Дѣло шло лучше чѣмъ ожидать было можно, и наконецъ, имѣя уже нѣсколько учениковъ, совершенно готовыхъ къ поступленію въ театральнѣй оркестръ, я просилъ, чтобы въ присутствіи директора и лучшихъ музыкантовъ дирекціи было сдѣлано испытаніе. Министръ на это согласился, экзаменъ былъ отличный, и пять музыкантовъ по общему одобренію назначены въ придворнѣй оркестръ. Въ эту минуту я былъ истинно въ восторгѣ, положивъ основаніе дѣлу столь полезному; эта минута вознаградила меня за все: за труды, за время, за расходы. Мои молодые люди, видя первые плоды своихъ трудовъ, готовились еще съ болѣе рвеніемъ продолжать занятія, и я, представивъ обо всемъ рапортомъ, ожидалъ разрѣшенія, какъ въ одинъ вечеръ и въ одинъ часъ получаю двѣ бумаги: одну отъ директора театровъ, что представленные мною къ выпуску музыканты въ дирекцію приняты, и другую съ тѣмъ-же посланнымъ директоромъ отъ министра, что Государь Императоръ, за неимѣніемъ свободныхъ суммъ, приказалъ классъ закрыть. Читая эту бумагу, я не вѣрилъ глазамъ моимъ; я не могъ воздержать слезъ, такая несправедливость казалась мнѣ невозможною, и тутъ-же узнаю я, что все это произошло отъ интригъ директора, который, будучи удивленъ столь быстрыми успѣхами моихъ учениковъ и сравнивая съ Театральной Школой, изъ которой, не смотря на четверные расходы суммъ, ничего путнаго не выходитъ, боялся столь явнаго преимущества моего класса, и сверхъ того былъ подстрекаемъ иностранцами, которые увидѣли, что мой классъ въ скоромъ времени отстранить всякую въ нихъ надобность. Добрые-же люди, пользуясь ничтожествомъ директора, безпрестанно ему шептали, что все это дѣлалъ я для полученія его мѣста. Это его взволновало, а князь Волконскій по нѣкоторымъ его дѣйствіямъ, на которыя употреблялъ онъ Гедеонова, будучи у него въ когтяхъ, также пошелъ противъ меня; и полезное мое начало, стоившее неимовѣрныхъ трудовъ, этотъ цвѣтокъ, который я лелѣялъ болѣе пяти лѣтъ, не жалѣя ни времени, ни собственныхъ денегъ, всѣ надежды цѣлаго общества молодыхъ людей, на основаніи которыхъ они исрасходовали остальные свои имуществы, и, наконецъ, воля царская, изъясненная собственноручною подписью на моемъ проэктѣ,—все рушено отъ одного опасенія ничтожнаго человѣка!

Какія суммы могли бы симъ средствомъ сберегаться ежегодно, сколько молодыхъ людей получили бы честныя обязанности, дающія имъ способъ жить прилично и поддерживать ихъ семейства, и наконецъ какой шагъ предпріятіе это сдѣлало бы къ образованію музыкальнаго искусства въ Россіи! Я былъ въ глубокомъ огорченіи. Я спать не могъ. Ученики мои приходили ко мнѣ и со слезами упрекали въ ихъ раззореніи; они уже не могли безъ горя разстаться съ талантами, въ которыхъ начинали находить наслажденіе, а мнѣ приказано ихъ распустить и, отобравъ инструменты, продать вмѣстѣ съ нотами и всѣмъ, что было заведено. Никакія убѣжденія, никакія просьбы не могли поколебать упрямство Волконскаго, дѣйствовавшаго по проискамъ Гедеонова. На продолженіе моего класса требовалось только до 8 т. р. асс. въ годъ.

Лѣтомъ этого года жили мы въ Петергофѣ. Тогда на маневрахъ со мною былъ случай, отъ котораго я едва не лишился жизни: верховая моя лошадь подо мной взвилась на дыбы, опрокинулась и упала всей тяжестью мнѣ на спину. Богъ меня спасъ, и я чрезъ два мѣсяца поправился, хотя боль въ спинѣ оставалась у меня слишкомъ полтора года. Этотъ случай покажетъ вамъ, до какой степени музыка сроднилась со мною, или, такъ сказать, связалась съ моимъ существованіемъ. Я сидѣлъ верхомъ, маневръ кончился, всѣ стояли на мѣстѣ; а я, думая о контрапунктной фигурѣ финала въ первомъ актѣ «Ундины», положилъ правую ногу на кобуру и не замѣчалъ, что это лошадь мою беспокоитъ; наконецъ, она тронулась впередъ, я хотѣлъ перенести ногу на мѣсто, задѣлъ шпорой за мундштучный поводъ и отъ того сильно ее дернулъ, лошадь взвилась и опрокинулась. Меня отнесли въ сторону, пустили кровь, судороги сдѣлались во всемъ тѣлѣ, я страдалъ ужасно; не смотря на то, музыкальная мысль меня не оставляла, и въ самую эту минуту явилась въ мой разумъ контрапунктная фигура, которую я искалъ; мнѣ казалось, что я слышу тысячу басовъ, которые ее исполняютъ.

Это случилось близъ Ропши; всю ночь я былъ какъ безъ памяти. Поутру меня отвезли домой въ Петергофъ, и я тотчасъ фигуру мою продиктовалъ для памяти. Чрезъ нѣсколько дней мнѣ казалось лучше; но потомъ силы мои стали изнемогать, и я слабѣлъ ежедневно. Въ теченіе шести недѣль кромѣ пустой ботвиньи безъ хлѣба я ничего не могъ ѣсть, исхудалъ, едва волочилъ ноги. Въ это время Императрица собиралась въ путь въ Палермо. Я, собравъ всѣ силы, пошелъ съ ней проститься и, нашедъ ее въ чрезмѣрной слабости, полагалъ, что вижу ее въ послѣдній разъ. Какъ мнѣ горько было, что этотъ ушибъ и потупленіе моего слуха не позволяли мнѣ про-

силь позволяшія проводить добрую, несравненную нашу Императрицу: мнѣ такъ было бы радостно хотя чѣмъ-нибудь служить ей. Ольга Николаевна поѣхала съ нею, нѣкоторыя фрейлины и Нелидова. Вскорѣ послѣ отъѣзда Императрицы поѣхалъ и Государь.

Зима прошла довольно скучно, исключая утѣшительныхъ свѣдѣній о возстановленіи здоровья Императрицы и помолвки Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцомъ Виртембергскимъ. Весною Императрица съ дорогою невѣстою возвратилась; здоровье ея весьма поправилось. Эта отличная женщина, примѣрная жена и мать, умѣла привлечь къ себѣ всѣхъ; дѣлать добро есть для нея лучшее наслажденіе, защищать невиннаго, просить снисхожденія виновному—ея пища. Россія не знаетъ, сколькимъ она ей обязана! Увидѣвъ меня, она оказала особенное удовольствіе. Ольга Николаевна тоже. Имѣ графъ Орловъ успѣлъ наговорить, что я почти совсѣмъ глухъ, и добрая Императрица, говоря со мною, всячески старалась усиливать голосъ и говорила гораздо громче, чѣмъ было нужно. Какъ мнѣ это было тяжело! N*. показывала мнѣ явное пренебреженіе, за то и я порядочно ей отплачивалъ; зналъ, что дѣлаю себѣ вредъ, но пересилить себя не могъ. Съ тѣхъ поръ и понынѣ, т.-е. по конецъ 1847 года, общее расположеніе ко мнѣ таково, и я благодарю Бога! Графъ Орловъ видѣлъ, что въ дѣлахъ Государь все также ко мнѣ милостивъ, а можетъ быть, по душевному его убѣжденію, сталъ несравненно лучше, а я осторожниѣ. Императрица все также ко мнѣ добра особенно. А что N. меня не жалуешь и чрезъ то я теряю лишнюю улыбку или посѣщеніе, то мнѣ совершенно равнодушно было и будетъ, лишь бы въ душѣ было свѣтло!

Свадьба Ольги Николаевны была въ Петергофѣ 1-го Іюля. 29-го Іюня я поѣхалъ изъ Петергофа въ Петербургъ, чтобы быть на панихидѣ въ крѣпости по Александрѣ Николаевичѣ; пріѣзжаю домой къ обѣду, и бабушка ваша встрѣчаетъ меня тѣмъ, что Богъ даровалъ мнѣ дочь во второмъ часу. Первое мое желаніе было назвать ее Елисаветой, и при молитвѣ она такъ названа была; но потомъ добрая бабушка ваша разсудила, что дѣвочку надо назвать Александрой въ память милаго существа, отшедшаго отъ насъ такъ рано. Споръ этотъ былъ рѣшенъ тѣмъ, что, если Государь будетъ крестить ее съ тѣмъ же милостивымъ къ намъ вниманіемъ, то дать ей имя Александры, ежели нѣтъ—то Елисаветы. По изъясненнымъ выше причинамъ, я со страхомъ пошелъ просить Государя крестить дѣвочку; но онъ такъ милостиво меня принялъ, что я душевно порадовался: я видѣлъ расположеніе его безъ вліянія другихъ. Государь общалъ пріѣхать къ намъ и назначилъ 20 числа Августа въ два часа. Съ осо-

бенною радостью дѣлали мы всѣ приготовленія; всѣхъ насъ это несказанно радовало, какъ 20 числа поутру Государь прислалъ сказать, что онъ быть не можетъ, а чтобы ребенка привезли для крещенія во дворецъ. Нечего дѣлать, поѣхали. Государь въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ извинился, что не могъ пріѣхать, что множество дѣла его удержало. Дѣвочку назвали Александрой, и послѣ крестинъ Государь поздравлялъ бабушку, которая была воспріемницею, и меня цѣловалъ очень милостиво.

1-го Генваря 1847 года мнѣ пожалованъ орденъ Станислава 1-й степени. По части музыкальной я написалъ духовный концертъ «Услыши, Господи, молитву мою», кабалетту къ аріи тенора въ оперѣ «Ундина», переложилъ много молитвъ изъ древнихъ напѣвовъ и многія сочинилъ. Но болѣе всего замѣчательно то, что я окончилъ положеніе простаго церковнаго напѣва въ четырехголосную гармонію всего Обихода, употребляемаго въ придворныхъ церквахъ, составляющаго два большіе тома, и краткій Ирмологій. Этотъ огромный трудъ доставлялъ мнѣ великое наслажденіе: я видѣлъ, что служу православною церкви и всякому христіанину на многія и многія лѣта; теперь ожидаю, какъ трудъ этотъ будетъ принятъ и оцѣненъ Государемъ.

Объ оперѣ моей «Ундины» никто не хотѣлъ вспомнить, сказать слово о постановкѣ на сцену, не смотря на то, что я поднесъ Императрицѣ всю оперу, переложенную для форте-піано; подобное же переложеніе съ переводомъ текста на Нѣмецкій языкъ послалъ въ Штутгартъ къ Ея Высочеству Ольгѣ Николаевнѣ. Сколько все это стоило и труда, и денегъ, и все напрасно: вездѣ какая-то непонятная холодность, или лучше сказать какое-то опасеніе принять участіе въ исполненіи моихъ оперъ. Непостижимо! Пусть все такъ идетъ; переложеніе церковныхъ напѣвовъ вознаградитъ за все и переживетъ всевозможныя оперы.—22-го Генваря получилъ я извѣщеніе герольдіи о высочайшемъ утвержденіи герба нашего съ девизомъ: «Боже, Царя храни», и именно такъ, какъ я просилъ, т.-е. надпись пожалована роду дорогаго друга моего батюшки, которому я всѣмъ обязанъ, и самымъ музыкальнымъ талантомъ, безъ котораго и гимнъ этотъ существовать бы не могъ. Поэтому я имѣлъ удовольствіе доставить всѣмъ братьямъ право на отличительную эту надпись.

Въ концѣ Марта я представилъ Государю записку и книги мои церковныхъ напѣвовъ, т.-е. Обиходъ въ двухъ частяхъ, краткій Ирмологій въ одной части, и еще книгу особенныхъ служеній. Государь прочелъ мою записку съ особеннымъ вниманіемъ.

Внесу ее сюда исполнѣ.

Во время отсутствія вашей свѣтлости (т. е. министра императорскаго двора) генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ, предписаніемъ отъ 23 Августа 1846 года, за № 1769, сообщилъ мнѣ высочайшую Государя Императора волю относительно порядка, въ который должны быть приведены всѣ церковные напѣвы. Въ этомъ предписаніи между прочимъ сказано, чтобы я занялся положеніемъ на ноты всѣхъ духовно-музыкальныхъ сочиненій, какія поются въ придворныхъ церквахъ, при всѣхъ различныхъ богослуженіяхъ, во весь кругъ года. Для исполненія сей высочайшей воли я долженъ былъ разсмотрѣть, съ какихъ нотъ поются простые церковные напѣвы и отчего при хорномъ исполненіи однихъ и тѣхъ же напѣвовъ происходитъ столь разительная и повсемѣстная разность, и потомъ написать то, что, сохраняя въ строжайшей точности эти древніе несравненные напѣвы, могло бы служить основаніемъ къ установленію желаемаго единства въ пѣніи при богослуженіи. Разсматривая древнія нотныя церковныя книги, я нашелъ, что они писаны разными принятыми системами и всѣ въ одну строку для одного голоса, альта, слѣдовательно безъ гармоническаго состава, безъ тактовъ и ритма, и что разность при исполненіи этой музыки хорнымъ составомъ происходитъ отъ того, что прочіе голоса, сопрано, теноръ и басъ, которые въ церковныхъ книгахъ не показаны, поются произвольно и по большей части людьми необразованными. Съ сими изслѣдованіями я приступилъ къ дѣлу, имѣя въ виду, согласно высочайшей волѣ, писать точно такъ, какъ пѣніе исполняется въ церквахъ высочайшаго двора; но и тутъ я встрѣтилъ затрудненіе. Я видѣлъ, что, по многочисленности голосовъ придворнаго хора, четырехголосная гармонія не составляетъ той полноты, того органнаго эффека, который мы слышимъ при исполненіи простаго напѣва. Вошедъ въ подробнѣйшее разсмотрѣніе сему причинъ, я увидѣлъ, что, по принятому съ давняго времени обычаю, вышесказанная четырехголосная гармонія въ хорѣ придворномъ имѣетъ еще подраздѣленія, исключительно нашей древней церковной музыкѣ принадлежація и весьма способствующія въ исправному исполненію церковной музыки, которая не поддерживается никакими инструментами. Подраздѣленіе это состоитъ въ томъ, что высокій басъ поетъ коренной напѣвъ вмѣстѣ съ сопрано и тѣмъ служитъ весьма полезною поддержкою неопытности мальчиковъ и точному пріему напѣвовъ; второй сопрано поетъ съ первымъ теноромъ, второй теноръ съ альтомъ, а низкій басъ, опредѣляющій ходъ гармоніи, остается неудвоеннымъ. Симъ составомъ гармонія является точно въ томъ видѣ, какъ мы ее слышимъ въ придворныхъ церквахъ, безъ малѣйшаго измѣненія.

На этомъ основаніи я написалъ полный Обиходъ, въ двухъ частяхъ, краткій Ирмологій въ одной части, и собраніе нѣкоторыхъ особенныхъ слу-

женій, исполняемыхъ при высочайшемъ дворѣ; писалъ на четыре положитель-ныхъ голоса, показавъ особымъ примѣчаніемъ вышеозначенныя подраздѣленія, которыя могутъ измѣняться по мѣрѣ различнаго состава хоровъ въ отношеніи числа пѣвчихъ. Разныя музыкальныя означенія, дѣлаемыя понынѣ на Итальянскомъ языкѣ, какъ-то: *adagio*, *allegro*, *maestoso*, *piano*, *forte* и пр. я замѣнилъ, съ одобренія высокопреосвященнѣйшаго митрополита Антонія, означеніями на языкѣ природномъ, какъ-то: медленно, скоро, величественно, тихо, громко и проч., что тѣмъ болѣе налагалъ умѣстнымъ, что музыка Греко-Россійской церкви принадлежитъ однимъ намъ.

Трудъ мой я повѣрялъ, приказавъ пѣть по новымъ потамъ и безъ оныхъ, потомъ повѣрялъ коренныя мелодіи съ нотами древнихъ церковныхъ книгъ, и, не найдъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ ни малѣйшей разности, я смѣю думать, что исполнилъ вышеозначенную высочайшую волю, положивъ на ноты рѣшительно все что поется въ придворныхъ церквахъ, при всѣхъ различныхъ богослуженіяхъ, во весь кругъ года.

Почтительнѣйше представляя вашей свѣтлости эти четыре книги, осмѣливаюсь покорнѣйше просить повергнуть ихъ на всемілостивѣйшее воззрѣніе Его Императорскаго Величества и долгомъ считаю доложить:

1) что ноты сіи напечатаны потому только, что, для сокращенія значительнаго расхода, который бы произошелъ отъ переписки этого огромнаго числа нотъ, я счелъ несравненно выгоднѣе черновыя записки мои переводить прямо на оловянные доски, съ которыхъ пылъ отпечатано только 10 экземпляровъ, и 2) что изданіе, разосланное по высочайшему повелѣнію въ 1832 году во всѣ епархіи, имѣетъ тотъ недостатокъ, что писано въ двѣ строки ключами алта и баса; слѣдовательно, при полныхъ хорахъ, сопраны и теноры поются произвольно и, причиняя разность, съ которой исполняется въ разныхъ мѣстахъ одинъ и тотъ же напѣвъ, представляютъ и то неудобство, что теноры, не имѣя положительныхъ для нихъ нотъ, дозволяютъ себѣ разныя кудрявыя выходы, вовсе при церковной музыкѣ неумѣстныя.

Сверхъ того, это изданіе далеко не полное. Въ немъ недостаетъ: въ Обиходѣ 1) Всей первой седмицы великія четьредесятницы; 2) тропаря на молебенъ Ѳеодору Тирону; 3) припѣвовъ на акаѳистахъ Іисусу и Богородицѣ; 4) Великой вечерни и всенощнаго бдѣнія на Благовѣщеніе; 5) Всей страстной седмицы, шести часовъ, литургіи и вечерни въ Свѣтлое Воскресенье; 7) Благодарственного молебна; 8) большого и малаго мпоголѣтія; 9) молебныхъ пѣній вообще; 10) Навечерія Рождества Христова; 11) Навечерія Богоявленія; 12) Вечерни въ день пятидесятницы; 13) Малой литіи по успошнихъ; 14) погребенія мірскихъ людей; 15) вѣнчанія. И сверхъ того Ирмологій и собраніе особыхъ служеній (части 3 и 4 сего изданія) вовсе положены на ноты не были“.

Въ заключеніе этой записки я просилъ наградить годовымъ жалованіемъ инспектора капеллы Бѣдикова и учителя пѣнія Воротникова, за то что они мнѣ въ этомъ огромномъ трудѣ помогали...

Книги мои были уже нѣсколько дней у Государя, какъ замѣтилъ я, что нѣкоторые мѣста въ напѣвахъ требуютъ исправленія, что произошло отъ самонадѣянности Воротникова, который, проигрывая со мною переложенія на форте-піано, увѣрялъ меня всякій разъ, что хоръ придворныхъ пѣвчихъ точно такъ поетъ. Зная, какъ строго Государь приказалъ не дѣлать ни малѣйшей перемѣны, зная, какъ недоброжелатели мои поспѣшили бы показать Государю мои ошибки, я очень тревожился, что книги, которыя должны были мнѣ быть возвращены для внесенія заглавнаго листа, остаются такъ долго у Государя. Забота моя ежедневно возрастала, и страхъ, чтобы Государь не подумалъ, что я хотѣлъ воспользоваться его незначіемъ нотъ и во зло употребилъ его ко мнѣ довѣріе, не оставлялъ меня ни на минуту. 2-го Марта пошелъ я въ Казанскую церковь и усердно помолился Богу. Вечеромъ получаю бумагу отъ князя Волконскаго, что Государь, будучи очень доволенъ моимъ трудомъ, пожаловалъ мнѣ табакерку съ шифромъ и 3,000 рубл. ассиг. моимъ двумъ помощникамъ, приказалъ мои книги разослать по всѣмъ епархіямъ. И такъ я въ одну минуту не только былъ награжденъ за мой трудъ, но, получивъ обратно книги для помѣщенія заглавнаго листа, имѣлъ весь способъ сдѣлать въ нихъ нужныя исправленія. На другой день я пошелъ благодарить Государя, который сказалъ: «Мнѣ надо тебя благодарить за исполненіе столь обширнаго и полезнаго труда». Многіе причтутъ все это случаю; можетъ быть, я и спорить не хочу; но благодарю Бога за все, за явную для меня милость Его отстраненіемъ большихъ непріятностей, которыя могли произойти и отъ которыхъ могъ бы пропасть трудъ года и восьми мѣсяцевъ....

Ожидаемая въ Петербургѣ холера появилась 6-го Іюня и возростала такъ, что 10-го числа заболѣло 486 человекъ.

Съ сокращеніемъ болѣзни директоръ театровъ сталъ спѣшить постановкой моей оперы «Ундины» на Русскую сцену. Холодность двора, недоброжелательство завистливыхъ людей, несчастные наши Русскіе пѣвцы, которыхъ таланты ниже всякой критики, время, въ которое предположено дать «Ундину», когда всѣ едва отдыхали отъ эпидеміи и еще жили по дачамъ, ожиданіе Итальянской труппы, все это меня погружало въ мрачность, съ которою я сладить не могъ. Первое представленіе «Ундины» было 8 Сентября; театръ былъ довольно полонъ, но публика ниже средняго класса: все лучшее было еще по дачамъ. Нестерпимое исполненіе пѣвцовъ отвратило и этихъ слушателей и от-

няло всякую возможность понять съ перваго раза мою музыку. На второмъ представленіи слушателей было очень мало; на третьемъ гораздо болѣе и, наконецъ, на четвертомъ весьма много, и послѣ всѣхъ моихъ усилій и просьбъ я едва могъ достигъ, чтобы хотя на это послѣднее представленіе пріѣхали Ихъ Высочества Марія Николаевна и Константинъ Николаевичъ съ супругой. Императрица и Государь, будучи въ Царскомъ Селѣ, не могли пріѣхать въ городъ нарочно для оперы. И въ этотъ разъ исполненіе моей музыки не могло не сдѣлать ей большаго вреда: рѣдки, весьма рѣдки слушатели, могущіе различить сочиненіе отъ исполненія; эти музыку мою оцѣнили и всякій разъ слушали съ большимъ удовольствіемъ. Такимъ жалкимъ образомъ вступила въ свѣтъ опера, на которую я имѣлъ столько надеждъ, на которую смотрѣлъ какъ на любимое дитя мое; благодаря добросовѣстнымъ людямъ, мнѣніе большей части публики было то, что музыка хороша, но исполнена ниже всякой критики. Тутъ вспомнилъ я о совѣтѣ извѣстнаго артиста Берліоза, который, прослушавъ «Ундину» въ залѣ, сказалъ мнѣ: *Que Dieu vous garde de faire exécuter cet opéra par ces chanteurs* *). Что дѣлать! Меня подбили любезные мои соотечественники, предполагая, что представленіе «Ундины» подыметъ хотя нѣсколько падшую Русскую оперную труппу; такъ бы и было, еслибы директоръ театровъ умѣлъ этимъ воспользоваться и любилъ бы искусство и все отечественное. Меня нѣсколько разъ при представленіи вызывали. Графа Соллогуба, сочинителя либретто, въ газетахъ разбранили. За симъ представленія «Ундины» прекратились по случаю отъѣзда Русской труппы въ Москву. Видя, что директоръ и вся его сволочь все устрояють ко вреду моему и «Ундины», мнѣ жаль стало досровѣстнаго труда, и я просилъ «Ундину» въ Москвѣ не давать.

Между тѣмъ итальянцы готовились къ представленію оперы Теофила Толстаго, брата Ивану Толстому, шталмейстеру Наслѣдника. Онъ успѣлъ устроить, что въ незначущемъ трудѣ его дворъ и все принадлежащее двору приняли особенное участіе. Истинно скажу, что въ успѣхѣ кого бы то ни было я не завидую никогда, особенно соотечественника; но мнѣ больно было видѣть разность въ участіи въ оперѣ моей и въ оперѣ Толстаго, молодаго человѣка, который ни службой, ни знаніемъ, ни талантомъ вниманія на себя обратить не могъ. Кромѣ того, я видѣлъ, что завистники мои, замѣтя нѣкоторое отдаленіе меня отъ двора, вскинулись на меня, кто за то, что я играю на скрипкѣ, кто за то, что сочиняю, тотъ за то, что у меня бывалъ

*) Избави васъ Боже отдавать эту оперу на исполненіе такимъ пѣвцамъ.

Государь, этотъ за то, что я служу съ нѣкоторымъ отличіемъ и знаніемъ дѣла. Къ этому непріятныя сношенія съ людьми, которыхъ я люблю такъ давно привыкъ; однимъ словомъ, я былъ доведенъ до того, что нервы мои расходились, и я едва не слегъ; но Богъ, видя, что не дурные мои поступки тому причиною, конечно, меня не оставитъ и дастъ силы все переносить съ терпѣніемъ, доколь какой-либо переворотъ обстоятельствъ не сдѣлаетъ переворота и въ отношеніи меня...

Не смотря на всѣ эти непріятности, я написалъ въ теченіе лѣтъ и именно во время холеры: комическую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ (слова Николая Ивановича Куликова), «Староста Борисъ Петровичъ, эпизодъ 1812 года», увертюру *a-mol*, которую поднесъ принцу Ольденбургскому, оперетту «Варвару» въ одномъ дѣйствіи (слова Ободовскаго). «Варвару» написалъ я для талантливой нашей актрисы Надежды Самойловой; ея давали нѣсколько разъ сряду и всегда съ успѣхомъ. Теперь продолжаю писать Октоихъ и Ирмосы Греческаго пѣва и надѣюсь, что этотъ трудъ церковной музыки надолго будетъ пріятенъ многимъ...

12 Января 1849 года назначенъ былъ у меня музыкальный вечеръ; должны были играть септуоръ Бетховена. 11 утромъ была репетиція. Ихъ Высочества Ольга Николаевна и Елена Павловна пожаловали и были совершенно довольны; дѣйствительно, исполненіе незабвеннаго этого сочиненія было совершенно удовлетворительно.

20 Февраля я былъ утвержденъ директоромъ Придворной Пѣвческой Капеллы; хотя и послѣ 11 лѣтъ исполненія этой обязанности, утвержденіе это мнѣ было пріятно, доказывая положительно, что Государь доволенъ. Въ теченіе великаго поста были у меня два большихъ музыкальных вечера; Великіе Князья Цесаревичъ и Константинъ хотѣли быть, но смерть короля Нидерландскаго имъ помѣшала. Я игралъ свой концертъ «Дуэль» съ г. Кнехтомъ, адажію Шпора, играли симфоніи Бетховена, хоры и каватины изъ «Орфея» Глюка и мои двѣ увертюры, которыя, будучи исполнены съ большимъ совершенствомъ, производили много эффекта.

Вскорѣ потомъ я получилъ повелѣніе ѣхать въ Москву по случаю освященія новаго Николаевскаго дворца и отправился 19 Марта.

Государь, Императрица и весь дворъ пробыли тамъ Страстную и Святую недѣли; пѣвчихъ со мною было 32 человѣка. Освященіе дворца было назначено въ самый Свѣтлый праздникъ; заутреня и обѣдня совершались въ церкви царя Алексѣя Михайловича, Спаса Золотой Рѣшетки. Въ эту церковь сходилъ мудрый царь изъ теремовъ своихъ, которые были отдѣланы съ совершеннымъ сохраненіемъ всѣхъ

украшеній того времени. Терема эти состоятъ изъ спальной, кабинета, гостиной и столовой царя, потомъ спустясь нѣсколько ступеней—входъ въ церковь весьма небольшую по размѣрамъ нашего вѣка. Изъ церкви, по окончаніи божественной службы, митрополитъ Филаретъ, потомъ Государь, Императрица и весь Царскій домъ, наконецъ вся свита и знатные вельможи, спустились по лѣстницѣ ступеней 40 въ огромную ротонду или аванзалу, потомъ въ Георгіевскую, Андреевскую, и по всему дворцу проходило шествіе при пѣніи «Христосъ Воскресе» и окропленіи святой водой. Въ слѣдующіе дни послѣдовали увеселенія, обѣды, маскарадъ всѣмъ, кто могъ достать билетъ для входа; роздано было болѣе 18 тыс. билетовъ. Потомъ маскарадъ у генераль-губернатора графа Закревскаго, въ которомъ были изображены костюмы всѣхъ Россійскихъ губерній; эта прекрасная мысль была исполнена съ отличнымъ знаніемъ дѣла и совершенною точностію; костюмы стоили нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Потомъ балъ дворянскаго собранія, въ которомъ маскарадъ этотъ былъ повторенъ; а какъ предъ изображеніемъ каждой губерніи шли по два мальчика съ значками, то Государь, увидѣвъ, что они послѣ шествія всѣ собрались вокругъ Императрицы и стали предъ нею на колѣни, такъ былъ тронутъ этимъ невиннымъ изъясненіемъ преданности къ Царскому дому, что всѣхъ дѣтей пожаловалъ пажамъ.

Любовь народа къ Государю изъяснялась ежеминутно примѣрами самыми разительными. Не говоря о томъ, что во все время пребыванія Императорскаго дома въ Москвѣ, вся площадь противъ дворца была наполнена народомъ отъ утра до вечера, приведу два простыхъ, но много значущихъ примѣра. Императрица подошла къ окошку; народъ, увидѣвъ ее, сталъ кричать ура, а нѣкоторые показывали руками какъ бы круги. Императрица сначала не догадывалась, что это значить; но потомъ, замѣтя, что стекло отъ холода потускнѣло, велѣла его обтереть и опять подошла къ окну; народъ, достигшій своего желанія, сталъ кричать еще больше, бросать шапки и махать платками. Наканунѣ отъѣзда изъ Москвы, Государь поѣхалъ приложиться къ Иверской Божіей Матери. Въ одну минуту народъ сбѣжался со всѣхъ сторонъ и когда Государь изъ часовни вышелъ, нѣкоторые стали говорить: «Отчего, Батюшка, ты насъ такъ скоро покидаешь?» Государь сталъ имъ представлять причины, принуждающія его спѣшить въ Петербургъ, и говорилъ довольно долго съ свойственнымъ ему простымъ краснорѣчіемъ, потомъ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ,—народъ кричалъ, многіе плакали, хотѣли бѣжать за Государемъ и, наконецъ, цѣлой толпой кинулись цѣловать то мѣсто, гдѣ стоялъ на

лѣстниці Государь, благодаря Создателя, что видѣли и говорили съ Государемъ, Отцемъ Отечества....

.... 21 Апрѣля я возвратился въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько дней состоялся манифестъ о войнѣ для помощи Австрійцамъ, противъ бунтовщиковъ. Приказано отправить въ Варшаву всѣхъ свободныхъ генералъ и флигель-адъютантовъ, обозъ главной квартиры и конвой. Я просилъ графа Орлова отправить меня, но онъ нашелъ нужнымъ меня оставить въ Петербургѣ. Такъ доложилъ онъ Государю, который подтвердилъ его слова, находя, что здоровье мое слишкомъ слабо, чтобъ слѣдовать за нимъ въ походъ, и что я нуженъ здѣсь для исполненія дѣлъ по внутреннему управленію главной императорской квартиры и собственнаго конвоя. Государь поѣхалъ въ Варшаву 2-го Мая.

.... 16 Октября. Лѣто провели мы въ Петергофѣ, гдѣ было тише обыкновеннаго по случаю отъѣзда Государя въ Варшаву къ военнымъ дѣйствіямъ. Вошедъ ближе въ сношенія съ княземъ Волконскимъ, я старался всячески, чтобы онъ узналъ меня болѣе, и наконецъ объяснилъ ему тяжкое мое положеніе, которое еще болѣе обнаружилось тѣмъ, что капитанъ Дубельтъ, состоявшій у меня старшимъ адъютантомъ, при производствѣ въ полковники, былъ оставленъ на этомъ мѣстѣ противъ принятыхъ правилъ, что доказало явно желаніе помѣстить его на мое мѣсто. Князь совѣтовалъ мнѣ проситься отойти отъ главной квартиры и ограничиться исполненіемъ обязанности директора пѣвчихъ. Потомъ я говорилъ о томъ-же съ княземъ Чернышовымъ, показавъ ему, какъ я отсталъ отъ всѣхъ моихъ товарищей; этотъ слушалъ, пожималъ плечами, никакого совѣта дать не могъ, а предложилъ переговорить обо мнѣ съ графомъ Орловымъ, чего, вѣроятно, и не сдѣлалъ. Изъ этого судите, что значитъ въ жизни нашей надежды на людей? Эти два вельможи, свѣтлѣйшіе князья, посѣщаютъ домъ нашъ болѣе 20 лѣтъ; сколько удовольствій доставляли имъ, а тутъ, когда пришла минута, въ которую ихъ могущество такъ могло бы мнѣ быть полезно, когда я въ первый разъ обратился къ нимъ съ просьбой, они поступили со мной, какъ съ постороннимъ и ограничили свое участіе нѣсколькими словами сожалѣнія....

.... Въ это время написалъ я молитву: «Достойно есть» № 2-й и положилъ въ четырехъ-голосную гармонію молитву древняго напѣва: «Благослови, душе моя, Господа».

Въ Августѣ война кончилась, и Государь возвратился; всѣ товарищи мои были награждены чинами и лентами и чрезъ то сдѣлали еще шагъ впередъ меня. При свиданіи съ графомъ Орловымъ, я замѣтилъ, что онъ ко мнѣ особенно ласковъ. Онъ поспѣшилъ сказать, что при разговорѣ съ Государемъ о слабомъ моемъ здоровьѣ и предложе-

ни дать мнѣ мѣсто, Государь отвѣчалъ: «Я очень люблю Львова, онъ человѣкъ добрый, честный и умный». Я перекрестился!

..... Въ это же время порадовало меня очень другое обстоятельство, которое считаю я однимъ изъ важнѣйшихъ моей жизни. Приѣхавъ въ городъ, докладываютъ мнѣ, что нѣсколько почетныхъ гражданъ желаютъ меня видѣть. Я приказалъ ихъ просить; вошли пять купцовъ 1-й гильдіи, украшенные медалями, и подали мнѣ письмо. Вотъ его содержаніе:

„Милостивый государь Алексѣй Ѳеодоровичъ!

Давно скорбѣли мы, что древніе напѣвы Православной Греко-Россійской Церкви нашей приходятъ въ совершенный упадокъ; давно скорбѣли, что, будучи издаваемы Св. Синодомъ въ одну строку, они исполняются различными хорами при богослуженіи столь неудовлетворительно и столь произвольно. Но къ кому было обратиться съ просьбою о положеніи этихъ напѣвовъ на ноты хорнаго состава и кто бы взялъ на себя исполненіе этого огромнаго труда? Великому Государю Императору Николаю Павловичу нынѣ благоугодно было и на этотъ предметъ обратить всемилостивѣйшее вниманіе, и мы грѣшные, при молитвахъ въ Святой Церкви, проливаемъ слезы умиленія и благодарности Его Императорскому Величеству, слыша несравненные древніе напѣвы, внимая коимъ молились праотцы наши, съ коими сроднились и наши души, пѣтые съ такимъ приличіемъ, въ составѣ столь усладительномъ. Вы, почтенный генералъ, исполняете священную волю великаго нашего Государя; но мы знаемъ, какъ пристрастенъ предпринятый вами трудъ, а потому молимъ Господа, да сохранить Онъ жизнь вашу и да благословить сей трудъ на пользу общую. Просимъ ваше превосходительство принять отъ насъ, усердныхъ богомольцевъ, при семъ подносимую вамъ бездѣлицу. Маловажною оной не оскорбляйтесь; ибо вы видите въ ней сердечное чувство людей, которые желали оставить вамъ память ихъ благодарности за тѣ усладительныя минуты, которыя, при посредствѣ трудовъ вашихъ, ощущаютъ они, молясь Создателю“.

Подписали: Почетный гражданинъ, 1-й гильдіи купецъ Тимофѣевъ, почетный гражданинъ Кудрешовъ, купецъ Казаковъ, почетный гражданинъ Пивоваровъ, почетный гражданинъ Павелъ Тимофѣевъ.

Прочитавъ письмо это въ слухъ, я заплакалъ и мысленно благодарилъ Бога.

Въ этотъ же день получилъ я письмо извѣстнаго нашего проповѣдника, умнѣйшаго архіепископа Херсонскаго Иннокентія.

„Давно надлежало отозваться мнѣ съ благодарностью къ вашему превосходительству за прекрасный подарокъ вашъ; но странствія мои по обширной и разнообразной епархіи здѣшней доселѣ лишали меня сего удовольствія. Примите же, добрый дѣятель на нивѣ Господней, хотя поздно, но искреннюю

и полную признательность нашу за ваше дружелюбное памятованіе о насъ, и въ отдаленіи сущихъ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что мастерской трудъ вашъ составитъ собою новую эпоху въ церковномъ пѣніи и послужитъ всегдашнимъ памятникомъ о васъ, не предъ любителями только гармоніи, а предъ лицомъ всей Православной Церкви, коей вы оказали незабвенную услугу. Крайне жаль, что въ большей части церковей нашихъ еще недостаетъ способныхъ исполнителей для такого пѣнія; но вслѣдствіе особенныхъ мѣръ, принимаемыхъ къ образованію причетниковъ, съ увѣренностію можно надѣяться, что число ихъ годъ отъ году будетъ увеличиваться, и такимъ образомъ богоугодный трудъ вашъ находить большее и большее употребленіе по всѣмъ краямъ Россіи. Продолжайте же его, любезный генералъ, ничто же сумняся; потому что опъ не можетъ быть забвенъ даже предъ людьми, тѣмъ паче предъ Богомъ. Все переходитъ на нашей бѣдной землѣ; но сдѣланное во славу Божию и пазиданіе ближнихъ вѣчно и нетлѣнно. За симъ, призывая отъ всей души на васъ и семейство ваше благословеніе Божіе, съ чувствомъ истиннаго душевнаго уваженія къ вамъ останется и навсегда будетъ“ и пр.

По исполненіи Ирмосовъ въ придворныхъ церквахъ, они были пѣты въ церкви Придворно-Конюшенной, и я съ особенною радостью видѣлъ, что стеченіе молящихся въ ней съ каждымъ днемъ увеличивалось; видѣлъ, что многіе, въ числѣ коихъ и нѣкоторые старообрядцы, посѣщающіе эту церковь, припѣвали вмѣстѣ съ хоромъ пѣвчихъ извѣстные имъ древніе сіи напѣвы, и наконецъ люди, мнѣ совсѣмъ незнакомые поднесли мнѣ серебряную вазу въ знакъ благодарности за возстановленіе древняго церковнаго пѣнія, по коему молились ихъ праотцы и которое, по превратному исполненію, приходило въ совершенный упадокъ.

Столь лестный для меня поступокъ доказалъ мнѣ самымъ дѣломъ успѣхъ труда моего и что прилагаемая мною къ древнимъ напѣвамъ гармонія не затмѣваетъ ихъ и простотою своею удобопонятна людямъ необразованнымъ.

За симъ еще съ большимъ рвеніемъ приступилъ я къ исполненію втораго предмета высочайшей Государя Императора воли. Всю массу нотъ, доставленныхъ ко мнѣ чрезъ оберъ-прокурора Св. Синода изъ разныхъ епархій, я распредѣлилъ на два отдѣла: на ноты, переложенные изъ древнихъ напѣвовъ, и на ноты, вновь сочиненныя. Тѣ и другія представили мнѣ огорчительнѣйшее положеніе, въ которомъ находится церковная музыка наша внутри государства; я увидѣлъ, что если не принять дѣятельныхъ мѣръ установленію должнаго порядка и прекращенію произвола, то и у насъ въ скоромъ времени,

по примѣру чужестранныхъ государствъ, богослуженіе будетъ сопр-
вождаемо пѣніемъ неприличнымъ, унижающимъ церковь, — пѣніемъ,
которое людей съ чувствомъ, хотя нѣсколько правильно образован-
нымъ, не привлекаетъ къ посѣщенію храмовъ Божіихъ, но отклоня-
етъ отъ этого высокаго наслажденія. Соразмѣряя огромность пред-
принятаго мною труда съ краткостію жизни человѣческой, я не зналъ
съ чего начать, чтобы если не кончить, то, по крайней мѣрѣ, поло-
жить прочное основаніе этому дѣлу, необходимому въ столькихъ от-
ношеніяхъ. Разсматривать и исправлять присланныя ко мнѣ изъ епар-
хій ноты значило бы употребить всю жизнь свою безъ всякой пользы:
ибо ноты эти должно не исправлять, а передѣлывать отъ начала до
конца, и для чего? Чтобы получить дурныя сочиненія, правильно на-
писанныя. Переложенныя же изъ древнихъ напѣвовъ, по мнѣнію мо-
ему, еще менѣе заслуживаютъ вниманія, потому что, кромѣ искаже-
нія сихъ несравненныхъ древнихъ напѣвовъ нашихъ, изданныхъ Свя-
тѣйшимъ Синодомъ, ничего собою не представляютъ.

Здѣсь скажу я хотя нѣсколько словъ для объясненія, что именно
отличаетъ древнюю церковную музыку нашу отъ всякой другой, ка-
кая только въ мірѣ существуетъ, и что заставляетъ видѣть въ ней
драгоценность, которую сохранить, какъ наслѣдіе предковъ нашихъ,
было бы столь необходимо. Музыка вообще, сочиненная на прави-
лахъ въ новѣйшія времена установленныхъ, имѣетъ свой собственный
смыслъ и сама собою понятна, что доказывается тѣмъ, что мы слу-
шаемъ музыку и восхищаемся ею, не обращая вниманія на рѣчь, при
которой она поется часто неизвѣстнымъ намъ языкомъ; а какъ для
смысла музыкальнаго необходимы размѣръ и ритмъ, то каждый сочи-
нитель вокальной музыки требуетъ отъ поэта стиховъ, имѣющихъ
также размѣръ и ритмъ, и тутъ музыка, получая собственную жизнь,
не рѣдко первенствуетъ и содѣлываетъ рѣчь едва замѣтною.

Праотцы наши дѣлали не такъ. Они при богослуженіи, ставя всю
силу въ словахъ, и желая употребить пѣніе лишь для лучшаго выра-
женія оныхъ и какъ бы проводникомъ къ сердцу молящагося, подпи-
сывали не слова подъ ноты, а ноты подъ слова. А какъ молитвы
наши писаны прозою, т. е. безъ размѣра и ритма, то и пѣніе ихъ,
слѣдуя неразрывно съ словами, лишено тѣхъ условій, по которымъ
бы единственно оно могло быть понятно само собою (т. е. размѣра и
ритма), и такимъ образомъ пѣніе древнихъ получаетъ жизнь только
въ совокупности съ словами, безъ нихъ же мертво и смысла не имѣ-
етъ. Тогда, кто шелъ въ церковь, тотъ шелъ слушать слова, а не
пѣніе; оно лишь незамѣтно услаждало душу молящагося пріятными
переходами и утишало страсти.

Не должно ли сожалѣть, что эти древнія сочиненія, имѣющія столько приверженцевъ и сохранившіяся у однихъ насъ, изданныя Св. Синодомъ для одного голоса, поются въ каждомъ хорѣ произвольно? Кто какъ умѣетъ, такъ и приставляетъ свой голосъ, отъ чего происходитъ гармонія нестерпимая, помрачающая самые напѣвы, скажу болѣе: это самое дурное исполненіе есть одна изъ причинъ, по которымъ у насъ, въ государствѣ, столь еще необразованномъ въ музыкальномъ искусствѣ, является столько людей сочиняющихъ музыку для церкви. Натуральная потребность заставляетъ ихъ прибѣгать къ какому-либо мѣрамъ, чтобы слышать при богослуженіи гармонію хотя въ нѣкоторомъ порядкѣ.

Принявъ все сіе въ соображеніе и желая въ точности исполнить возложенное на меня порученіе, я рѣшился начать съ того, чтобы положить въ гармонію хорнаго состава все, что Св. Синодомъ издано въ одну строку. Здѣсь моего сочиненія нѣтъ и быть не должно ничего другаго, кромѣ строгаго сохраненія напѣвовъ и правильнаго приложенія къ онымъ четырехголосной гармоніи.

Обучая регентовъ для епархій, я отправилъ къ мѣстамъ ихъ служенія 28 человекъ весьма хорошо образовавшихся, а если они при обученіи вѣрныхъ имъ хоровъ, будутъ исполнять въ точности, что имъ было преподаваемо въ Капеллѣ, то конечно изъ того произойдетъ существенная польза.

Съ регентами, обучающимися для полковъ, есть возможность поступить проще и потому ближе достигнуть цѣли: всякій изъ нихъ, окончивъ ученіе, предъ отправленіемъ въ полкъ, доставляетъ въ Придворную Капеллу всѣ безъ исключенія церковныя ноты, которыя разобравъ, я отмѣчаю собственноручно, что изъ нихъ можно пѣть при богослуженіи, что пѣть при спѣвкахъ, въ обществахъ и вообще для обученія и что пѣть воспрещается. Сии послѣднія ноты, не возвращая въ полкъ, я оставляю въ Капеллѣ для храненія.

Съ увѣренностію, можно сказать, что, по уравниеніи церковнаго пѣнія въ С.-Петербургѣ, оно уравниется и въ Москвѣ и потомъ во всей Россіи, за исключеніемъ мѣстъ и церквей, имѣющихъ съ весьма давняго времени собственные свои напѣвы, которые также должно будетъ положить на ноты, тщательно разсмотрѣвъ, какое пѣніе есть именно древнее и какое сочинено въ новѣйшія времена; ибо, въ бытность мою въ Москвѣ, посѣтивъ монастыри Донской и Симоновской, я слышалъ пѣніе древнее, имѣющее свой самостоятельный характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ слышалъ пѣніе вновь сочиненное самими настоятелями или кѣмъ-либо изъ братіи, которое, отклонясь совершенно отъ

характера древняго ихъ пѣнія, есть ничто иное, какъ слабое и весьма неправильное уподобленіе новѣйшимъ сочиненіямъ вообще.

Изъ Кіева получилъ я огромную книгу всѣхъ напѣвовъ, какіе употребляются во весь кругъ года. Эти напѣвы заслуживаютъ всякаго вниманія. Они различествуютъ отъ всѣхъ прочихъ и преисполнены красотами; но если и эти напѣвы, написанные въ одну строку, не будутъ положены въ гармонію хорнаго состава, то непременно мало-по-малу исчезнутъ отъ разныхъ выдумокъ невѣжества.

Все это изложено въ запискѣ, которую я подалъ министру двора. Государь, прочитавъ эту записку, былъ весьма доволенъ и, утвердивъ ее, приказалъ послать копію въ Синодъ. Чѣмъ все это кончится, не знаю. Здѣшній митрополитъ держитъ мою сторону и приказываетъ пѣть мои Ирмосы какъ своимъ пѣвчимъ, такъ и монахамъ. Московскій, Филаретъ, трудъ мой не одобряетъ, а почему, не знаетъ самъ, будучи наущенъ настоятелемъ Донскаго монастыря, который самъ мараетъ нотную бумагу, воображая, что онъ единственный въ мірѣ сочинитель церковнаго пѣнія. Кіевскій молчитъ и ждетъ своихъ напѣвовъ. Чѣмъ кончится, увидимъ; но, кажется, интриги верхъ взять не могутъ: Государь слишкомъ прозрѣлъ истину.....

..... Возвратясь изъ Царскаго въ Петербургъ, я еще говорилъ съ графомъ Орловымъ о перемѣнѣ мѣста или увольненіи меня вовсе отъ службы, и онъ мнѣ сказалъ: «Тебѣ служить надо, ибо Государь къ тебѣ весьма хорошо расположенъ; а когда я говорилъ ему еще разъ о перемѣнѣ тебѣ мѣста, то онъ мнѣ отвѣчалъ: «Оставь о Львовѣ, я самъ знаю». Чтò оставалось дѣлать? Служить и благодарить Бога!

Въ это же время подалъ я рапортъ князю Волконскому, коимъ испрашивалъ командировки въ Москву для положенія на ноты древнихъ напѣвовъ монастырей Симоновскаго, Донскаго и Успенскаго Собора и для личнаго объясненія съ Московскимъ митрополитомъ относительно нотныхъ книгъ, мною издаваемыхъ. Государь мнѣ ѣхать приказалъ; а между тѣмъ 6-го Декабря пожаловалъ мнѣ орденъ Св. Анны 1-й степени, чтò и на самый мой пріѣздъ въ Москву сдѣлало хорошее впечатлѣніе. Долго я собирался и все откладывалъ по разнымъ причинамъ; чѣмъ болѣе проходило время, тѣмъ болѣе нелѣпые толки о моемъ пріѣздѣ въ Москву увеличивались. Наконецъ 20 Декабря я поѣхалъ.

..... Въ Москвѣ дали мнѣ во дворцѣ квартиру и все чтò нужно для приличной жизни. Тотчасъ я увидѣлъ, что для успѣшнаго производства дѣла, для котораго я посланъ былъ въ Москву, мнѣ необходимо прежде всего сблизиться съ тремя сословіями: дворянствомъ, купечествомъ и духовенствомъ, потому что главная необходимость при

объясненіи всякаго новаго дѣла есть та, чтобы тѣхъ, которымъ объяснять должно, поставить предварительно въ спокойное положеніе духа и доброе расположеніе къ объясняющему. Это необходимо: можетъ-ли понять убѣжденія ваши человѣкъ дурно расположенный? Онъ во всемъ будетъ видѣть дурныя намѣренія; отъ споровъ произойдутъ ссоры, одинъ другому уступить не захочетъ, и часто, весьма часто, дѣла хорошія, общепользныя, дѣлаются жертвою неблагоразумнаго самолюбія. Для этого я устроилъ у себя по Вторникамъ музыкальные вечера. Все лучшее общество Москвы ко мнѣ съѣзжалось, и я имѣлъ случай разсказать, что я прислалъ совѣтъ не для введенія какихъ-либо перемѣнъ, а напротивъ для сохраненія древнихъ напѣвовъ и прекращенія произвола при пѣніи ихъ въ хорномъ составѣ. Послѣ нѣсколькихъ вечеровъ, зала моя не могла уже вмѣщать числа слушателей, и я, для обращенія къ себѣ бѣльшаго числа дворянъ, устроилъ вечеръ въ одной изъ малыхъ залъ Дворянскаго Собранія. Концертъ этотъ составленъ былъ изъ слѣдующихъ пѣсень:

- 1) Увертюра изъ оперы „Ундины“.
- 2) Г. Гоноре играла концертъ на фортс-піано.
- 3) Г-жа Олсуфьева и Баратынская (дочери барона Боде) пѣли дуэты Россіи.
- 4) Г. Шмидтъ и я играли „Дуэль“.
- 5) Увертюра изъ оперы „Староста“.
- 6) Г-жа Еремѣева пѣла арію Россіи.
- 7) Г-жа Олсуфьева пѣла Русскую пѣсню изъ оперы „Варвара“.
- 8) Я игралъ свою фантазію съ хоромъ.
- 9) Народный гимнъ пѣли всѣ дамы нашего сословія, которыми пѣть умѣли, съ хористами театровъ.

Номера 1, 5, 7 и 9 я дирижировалъ самъ. Слушателей было до 250 человѣкъ. Зала была такъ устроена, чтобы отнюдь не было похоже на публичный концертъ. Въ оркестръ играли до 12 человѣкъ любителей, во главѣ которыхъ графъ Гудовичъ, Александровскій кавалеръ, игралъ на віолончели. Нельзя выразить, до какой степени всѣ желали быть на этомъ вечерѣ; нельзя выразить восторгъ, съ какимъ слушали меня и мои сочиненія. Весьма многіе, по окончаніи концерта, пріѣхали ко мнѣ ужинать и отъ имени дворянства поднесли мнѣ лестное письмо и литографированный портретъ мой, работы художника Лаша. Письмо это подписали 65 человѣкъ, 29 Января 1850.

Къ главнымъ лицамъ купечества ѣздилъ я самъ, приглашалъ ихъ къ себѣ, собиралъ хоры пѣвчихъ и показывалъ моимъ гостямъ на самомъ дѣлѣ, что напѣвы древніе сохранены во всей точности и что къ нимъ лишь приложена гармонія, такъ что каждый дьячекъ, каждый прихожанинъ, знающій напѣвы, можетъ пѣть вмѣстѣ съ хоромъ.

Весьма многіе, по окончаніи концерта, пріѣхали ко мнѣ ужинать и отъ имени дворянства поднесли мнѣ лестное письмо и литографированный портретъ мой, работы художника Лаша. Письмо это подписали 65 человекъ, 29 Января 1850.

Къ главнымъ лицамъ купечества ѣздилъ я самъ, приглашалъ ихъ къ себѣ, собиралъ хоры пѣвчихъ и показывалъ моимъ гостямъ на самомъ дѣлѣ, что напѣвы древніе сохранены во всей точности и что къ нимъ приложена гармонія, такъ что каждый дѣйчикъ, каждый прихожанинъ, знающій напѣвы, можетъ пѣть вмѣстѣ съ хоромъ.

Купечество и духовенство въ Москвѣ держатся въ весьма тѣсной связи между собою, а потому каждое убѣжденіе мое имѣло противудѣйствіе со стороны духовенства; не менѣе того, предъ отъѣздомъ моимъ изъ Москвы я получилъ отъ нѣкоторыхъ купцовъ письма, изъ коихъ видно, что они боятся изъяснить ихъ чувства и поступить по примѣру купечества Петербургскаго.

Къ лицамъ духовенства ѣздилъ я объѣдать и толковать съ ними по нѣскольку часовъ. Съ ними мнѣ было труднѣе. Эти упрямые невѣжи не могли помириться съ мыслью, что порядокъ церковнаго пѣнія совершается не ими, а лицомъ духовенству не принадлежащимъ. Особенно архимандритъ Донскаго монастыря Теофанъ, человекъ хитрый, злой, самолюбивый и безнравственный, невѣжа во всей силѣ слова и къ несчастью самъ воображавшій, что можетъ писать ноты и что онѣ составляютъ честь и славу Россіи (это его собственное выраженіе), дѣлалъ и дѣлаетъ мнѣ разныя непріятности, предвидя, что ноты, имъ писанныя, при разсмотрѣніи ихъ директоромъ Придворной Пѣвческой Капеллы, будутъ найдены негодными. Теофанъ подстрекалъ подобныхъ себѣ монаховъ и поповъ, а тѣ митрополита Филарета, который, будучи чуждъ всякаго познанія въ музыкальномъ искусствѣ, не зналъ, кому вѣрить. Совсѣмъ тѣмъ Филаретъ окончательно написалъ мнѣ бумагу, въ которой формально изъяснилъ свое мнѣніе, что введеніе написанныхъ мною книгъ, служа къ прекращенію произвола въ пѣніи при богослуженіи, заслуживаетъ всякаго споспѣшествованія. Архимандритъ Симонова монастыря Мельхиседекъ восхитился моими переложеніями. Содержатели вольныхъ въ Москвѣ хоровъ также написали мнѣ благодарное письмо за данныя имъ наставленія и поднесли мнѣ на дорогу хлѣбъ-соль.....

Наканунъ выѣзда изъ Москвы, мы поѣхали въ Сергіевскую Лавру для принесенія благодарности Господу Богу за счастливое окончаніе даннаго мнѣ порученія.....

Государь, прочитавъ рапортъ мой, остался очень доволенъ; мои два помощника награждены богатыми перстнями.....

Я получилъ отказъ князя П. М. Волконскаго въ казенной квартирѣ, которую я имѣлъ съ семействомъ въ Петергофѣ; мнѣ это больно было послѣ столькихъ лѣтъ службы, и я, не настаивая на томъ, рѣшился жить въ Павловскомъ.....

Интриги по дѣлу о церковномъ пѣніи продолжали безпрестанно огорчать меня, и неосновательныя дѣйствія нѣкоторыхъ лицъ нашего сословія, въ главѣ которыхъ статсъ-секретарь Танѣевъ, вывели, наконецъ, меня изъ терпѣнія, и я рѣшился спросить: прикажетъ-ли Государь мнѣ продолжать мои занятія? Подтвержденіе воли Его Величества меня поддержало, хотя я не могъ не замѣтить, что какъ Государь, такъ наиболѣе Наслѣдникъ, охладѣли къ этому полезному и хорошему дѣлу.

Въ теченіе лѣта я написалъ духовный концертъ «Приклони ухо твое» и три номера небольшой кантаты по переводу на Русскій языкъ извѣстной молитвы Stabat-Mater. Осенью я рѣшился проситься въ отпускъ, чтобы, наконецъ, послѣ 12 лѣтъ, принять въ свое распоряженіе имѣніе маменьки вашей въ Саратовской губерніи. Государь, уволивъ меня на 6 недѣль, простился со мною весьма милостиво и цѣловалъ по прежнему, что въ тягостномъ положеніи моемъ было истиннымъ утѣшеніемъ.....

Въ теченіе зимы, кажется въ Мартѣ, было одно обстоятельство, заслуживающее вниманія. Видя, что хоры всѣхъ гвардейскихъ полковъ весьма усовершенствовались посредствомъ изданныхъ книгъ и образовавшихся регентовъ, я предложилъ дать духовный концертъ въ пользу инвалидовъ въ залѣ Дворянскаго Собранія. Великій князь Александръ Николаевичъ предположеніе это одобрилъ и Государь утвердилъ. Концертъ этотъ долженъ былъ состоять изъ нѣсколькихъ сочиненій Бортиянскаго и моихъ, исполненныхъ всѣми хорами Петербурга. Въ сборѣ было до 700 человекъ, кромѣ хоровъ, зависящихъ отъ духовенства, которое отговорилося тѣмъ, якобы ихъ пѣвчіе слишкомъ заняты службами въ церквахъ. Репетиціи превзошли мои ожиданія; всѣ стали говорить о семъ небываломъ концертѣ, и по лицамъ посѣтителей моихъ репетицій видѣлъ я, что зависть и тутъ найдетъ возможность помѣшать дѣлу, имѣющему основаніемъ помощь заслуженнымъ воинамъ. Предложеніе на сужденіе публики нѣкоторыхъ молитвъ древнихъ напѣвовъ, положенныхъ мною въ гармонію—новость въ музыкальномъ мірѣ. Пошли толки, осужденія, что за деньги и сидя публика будетъ слушать церковное пѣніе (какъ будто тоже не дѣлаютъ, посѣщая Пѣвческую Капеллу нѣсколько десятковъ лѣтъ); что зала Дворянскаго Собранія, гдѣ даются балы, для этого неудобна и пр. и пр. Толковали до того, что я, для предупрежденія дальнѣйшихъ

послѣдствій, самъ предложилъ концертъ отмѣнить. Такъ и случилось. Его Высочество Цесаревичъ пожелалъ это пѣніе слышать въ своей залѣ. Императрица и все царское семейство были тутъ кромѣ Государя. Репетиція эта поразила всѣхъ. И точно, эффектъ этой массы хористовъ въ огромной залѣ, при вѣрности пѣнія и крайнемъ соблюденіи отгѣнковъ, былъ совершенно новый и столь разителенъ, что съ трудомъ могъ я дирижировать отъ чувства и сотрясенія моихъ нервовъ, особенно во время *pianissimo*. Императрица, увидя послѣ Государя, сказала ему: *Je suis fâché que vous n'avez pas entendu cette belle musique; pour vous tout dire, elle est digne de vous* *)

Тотчасъ повелѣно было повторить спѣвку у Государя въ аванзалѣ. Тутъ резонансъ еще лучше, а потому и эффектъ былъ еще удовлетворительнѣе. Государь былъ въ восхищеніи. Съ самаго начала я замѣтилъ, что онъ покраснѣлъ и глаза его наполнились слезами; предъ Греческими ирмосами онъ сказалъ мнѣ: «Это то пѣніе, которое напечатано въ одну строку и къ которому ты прилагаешь гармонію?» — «Точно такъ», сказалъ я. Но видя, что Государь не желалъ бы изъяснить своего положительнаго мнѣнія, я послѣ ирмосовъ не остановился нисколько и, не давъ время сказать ни хорошо, ни дурно, продолжалъ далѣе. Государь это замѣтилъ. Пѣли слѣдующія пьесы:

1. Отче Нашъ, Бортнянскаго.
2. Херувимскую, его-же № 7.
3. Вечери Твоея тайныя, мое.
4. Греческіе ирмосы двухъ гласовъ.
5. Тебе Бога хвалимъ, Бортнянскаго. С-миз, двухорное.
6. Спаси Господи, люди Твоя, простаго напѣва.

Государь и Императрица, подошедъ, пожелали еще слышать «Ангель вопіяше» Макарова; потомъ благодарили меня чрезвычайно. Государь нѣсколько разъ бралъ меня за руку и съ восторгомъ сказалъ: «Вотъ единство, котораго я желалъ; спасибо тебѣ, спасибо!» Потомъ, обратясь къ пѣвчимъ, сказалъ: «славно, правильно, вѣрно». «Я Вашъ ученикъ», сказалъ я Государю; «Ваше одобреніе для меня все». Всѣмъ пѣвчимъ дано по 2 р. серебр. Однимъ словомъ, это было полное торжество, котораго я никогда не забуду. Все это время я такъ былъ безпокоенъ, что похудѣлъ какъ послѣ болѣзни. Спѣвка эта сдѣлала хорошее вліяніе и на самое дѣло: духовенство перестало противиться пѣнію по моимъ книгамъ, и теперь, благодаря Бога, во

*) Мнѣ жалъ, что ты не слышалъ этой прекрасной музыки. Рѣшительно скажу, что она достойна тебя.

всѣхъ церквахъ Петербурга поють, и по свѣдѣніямъ, получаемымъ изъ Москвы отъ пѣвчаго Рибасова (посланнаго для усовершенствованія сѣнодальнаго хора) пѣніе по моимъ книгамъ и тамъ весьма нравится. Сѣнодъ, не разрѣшая моихъ книгъ, не воспрещаетъ пѣть по онимъ при церковнослуженіи, и такъ дѣло стоитъ въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи; а я, видя, что всякое дѣйствіе съ моей стороны, не будучи поддержанно никѣмъ, служить болѣе ко вреду, чѣмъ пользѣ, рѣшился молчать, продолжать мой трудъ и возложить все на волю всемогущаго Господа Бога.

Лѣтомъ окончилъ я мой *Stabat*, названный «Молитва у Креста» переложилъ на женскіе голоса 24 номера молитвъ разныхъ авторовъ и представилъ рукописный экземпляръ Цесаревнѣ.

Въ концѣ Августа я былъ обрадованъ полученіемъ изъ Москвы серебряной вазы, на крышѣ которой изображены три поющихъ ангела, на бокахъ нѣкоторые Московскіе соборы, а на постаментѣ надпись: «Его п-ву, свиты Его Велич. генералъ-маіору, директору Придворной Пѣвчesk. Капеллы, А. Θ. Львову въ знакъ признательности отъ Московскихъ и Шуйскихъ гражданъ за незабвенные труды его по уравниенію церковнаго пѣнія. 1851» Получивъ разрѣшеніе Государя принять этотъ драгоцѣнный для меня подарокъ, я опредѣлилъ, чтобы ваза сія служила постоянно въ семействѣ нашемъ для освященія воды при домашнихъ богослуженіяхъ; и какъ я получилъ повелѣніе ѣхать въ Москву съ дворомъ по случаю 25-лѣтія царствованія Государя Николая Павловича и оттуда въ Малороссію для набора пѣвчихъ, то, призвавъ священника, мы отслужили на путь молебень съ водоосвященіемъ и тѣмъ положили начало этому опредѣленію.....

Дорогой я все мечталъ, какъ бы хорошо, по пріѣздѣ въ Петербургъ, пригласить Итальянскихъ артистовъ спѣть арію и тріо «Молитвы у Креста» и все произведеніе исполнить въ залѣ Пѣвчeskой Капеллы, гдѣ устроить ложу, на случай пріѣзда царскаго семейства, и собрать деньги въ пользу частныхъ школъ Женскаго Патріотическаго Общества, назвавшаго меня уже нѣсколько лѣтъ своимъ благотворителемъ. По пріѣздѣ я сталъ это слаживать и мало по малу все устроилъ: ложу сдѣлалъ, Итальянцы Маріо, Формезъ и Таліафико на репетиціи, бывшей у меня въ домѣ въ присутствіи ихъ высочествъ Елены Павловны и Екатерины Михайловны, герцога Мекленбургскаго и принца Ольденбургскаго, пѣть согласились. По малому пространству залы предположено было концертъ этотъ дать два раза: 14 и 16 Января. На первый пріѣхали Цесаревна, Цесаревичъ и Великіе Князья, на второй тѣже и сама Матушка-Царица, когорая такъ была тро-

нута музыкой, что пожелала слышать ее еще разъ, что и было исполнено 22 числа. Все прошло какъ нельзя лучше съ тѣми небольшими неудачами, безъ которыхъ мало что происходитъ. Собрано было 2700 р. с. за всѣми расходами, и Патріотическое Общество, принявъ сумму сію, изъявило мнѣ свою благодарность письмомъ отъ 25 Февраля, въ которомъ сказано, что Совѣтъ общества, желая сохранить память о моемъ благотвореніи, положилъ: «Изъ собранной суммы внести 1715 р. с. въ кредитное учрежденіе для обращенія изъ процентовъ, на которые постоянно воспитывать въ Московской частной школѣ, бывшей въ завѣдываніи маменьки вашей, одну дѣвицу подъ именемъ: «Пансіонерки А. Ѳ. Львова». Въ это-же время кончилъ я вторую книгу молитвъ, переложенныхъ на женскіе голоса, которую, какъ и первую, представилъ Государынѣ-Цесаревнѣ. Книги эти для заведеній весьма полезны, если будутъ въ точности имъ слѣдовать.

Къ Свѣтлому Празднику, 30 Марта, Государь пожаловалъ мнѣ корону на орденъ Св. Анны 1 ст. 7 Апрѣля Государыня Цесаревна прислала мнѣ двѣ фарфоровыя вазы съ бронзовыми карселевыми лампами за переложеніе церковнаго пѣнія на женскіе голоса....

Разскажу вамъ исторію драгоцѣнной скрипки, на которой я играю. Скрипка эта перешла къ намъ въ домъ послѣ извѣстнаго скрипача Жарновики, умершаго скоропостижно въ С.-Петербургѣ между 1805 и 1810 годами (когда именно, не помню). Нѣкто г-нъ Байковъ, которому поручена была продажа съ публичнаго торга имущества Жарновики, будучи пріятелемъ отцу моему, продалъ ему эту скрипку преимущественно предъ другими за 3 т. р. ассигн. Скрипку принесли къ намъ въ ящикѣ съ вензелемъ великаго артиста; въ ящикѣ были струны, афишки, очки и портретъ танцовщицы, въ которую Жарновикъ былъ влюбленъ. Всѣхъ этихъ вещей, которыя были бы теперь драгоцѣнны, уже нѣтъ; какъ затерялись, не знаю, и довольствуюсь тѣмъ, что этотъ неоцѣненный инструментъ сохранился во всей силѣ слова. Вотъ уже 40 лѣтъ, что инструментъ этотъ въ домѣ нашемъ, у Жарновики также находился (сколько извѣстно) лѣтъ 30, слѣдовательно, въ двухъ рукахъ до 70 лѣтъ и въ безпрестанной игрѣ двухъ скрипачей-солистовъ. Я началъ играть на этой скрипкѣ въ 1816 г. Когда батюшка купилъ ее, она была сохранена, какъ и нынѣ, но головка приклеена весьма дурная, ничтожнаго мастера. Батюшка, какъ охотникъ и знатокъ, всегда сожалѣлъ объ этомъ. Лѣтъ черезъ 10 послѣ, одинъ изъ артистовъ, посѣщавшихъ домъ напѣ, Иванъ Семеновичъ Мильговеръ, пришелъ къ батюшкѣ и съ великой радостью сообщилъ ему, что отыскалъ головку Маджини у бывшаго гардеробщика Батова, посаженную на какую-то дурную скрипку. Батюшка

точасъ поѣхалъ къ Батову вмѣстѣ съ Мильговеромъ и, удостовѣривъ самъ въ истинѣ, отправился прямо къ тому иностранцу, которому принадлежала дурная Митенвальдская скрипка съ головкой Маджини, отданная Батову для исправленія. Старикъ-Нѣмецъ не зналъ что думать, видя съ какимъ любопытствомъ батюшка распрашивалъ, откуда могла попасть къ нему головка Маджини и какъ она очутилась на шейкѣ его дурной скрипки. Вотъ объясненіе Нѣмца. «Лѣтъ 10 тому назадъ, извѣстный скрипачъ Жарновики проѣзжалъ чрезъ нашъ городъ Митенвальдъ и, намѣреваясь дать концертъ, дѣлалъ утромъ репетицію. Мы охотники всѣ тутъ были, какъ Жарновики, разсердяся, что оркестръ дурно за нимъ слѣдуетъ, сталъ бить тактъ головкой скрипки по пулпету, и наконецъ, ударивъ весьма сильно, отломилъ ее. Вечеромъ надо было играть. Что дѣлать? Жарновики пошелъ къ лучшему мастеру, который не взялся туже головку, расколотую на два, приладить къ вечеру, а обѣщалъ посадить другую. Жарновики, буйная голова, безпечный во всемъ, съ удовольствіемъ согласился, вечеромъ игралъ отлично и уѣхалъ, оставя головку своей скрипки у мастера. Въ послѣдствіи я купилъ ее за 100 гульденовъ и сохраняю въ память великаго артиста». Не было болѣе сомнѣнія, что головка принадлежала нашей скрипкѣ, и, послѣ убѣдительнѣйшихъ просьбъ батюшки, Нѣмецъ согласился продать головку за свою цѣну съ тѣмъ однако, чтобы ему предварительно дозволено было убѣдиться своими глазами, что скрипка Жарновики у насъ. Любопытство его было удовлетворено, деньги заплачены, и скрипка Маджини послѣ 10 лѣтъ собралась у насъ въ первобытномъ ея составѣ. И теперь видна трещина на головкѣ, проходящая чрезъ колокъ секунды.....

8 Мая (1852) выѣхали мы за границу. Въ Эмсѣ нашли мы нашу несравненную Ольгу Николаевну съ супругомъ и графиню Росси, знаменитую пѣвицу, къ которой я всегда имѣлъ особенное влеченіе, какъ по ея огромному таланту, такъ по ея характеру. Послѣ бывшихъ въ Европѣ революцій, мужъ ея оставилъ службу, а она вздумала воспользоваться остаткомъ своего таланта, чтобы поправить состояніе дѣтей, которыхъ у нея много, рѣшилась возвратиться на сцену и тѣмъ, по моему, сдѣлала большую ошибку: нельзя женщинѣ играть двѣ роли, графини и актрисы, графини Росси и Шарлоты Зонтагъ. Чувство ея прекрасное, это правда; но приличій свѣта по себѣ не передѣлаешь, и кончится тѣмъ, что отъ одного отстанешь, а къ другому не пристанешь.

Приближался день именинъ Ольги Николаевны. Я устроилъ серенаду изъ Русской пѣсни на слова Пушкина «Дѣвицы - красавицы». Графиня Росси пѣла соло съ Русскими словами, а всѣ Русскія дамы и мужчины составляли хоръ; въ 8 часовъ утра мы собрались подъ

окна Великой Княгини и въ ея саду спѣли, заключивъ серенаду гимномъ „Боже, Царя храни“. Добрая Ольга Николаевна не знала, какъ благодарить, подозвала прежде меня, потомъ всѣхъ участвовавшихъ и всѣмъ изъявляла свою признательность со слезами на глазахъ.....

Въ Стутгардѣ прибыли мы 14 числа вечеромъ. На другой-же день Ея Высочество приказала мнѣ къ себѣ пріѣхать, обласкала чрезвычайно и возобновила желаніе, чтобы я устроилъ концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ, чтобы я игралъ и самъ дирижировалъ Молитву у Креста.

20-го, въ Субботу, былъ концертъ. Король королева, е. в. Ольга Николаевна съ супругомъ, королева Нидерландская и всѣ члены королевской фамилии присутствовали; блестяще концерта сдѣлать было невозможно, и я возвратился домой, гдѣ приготовленъ былъ ужинъ для многихъ артистовъ, участвовавшихъ въ исполненіи.....

23 Марта (1853) исполнилъ я въ Пѣвческой Капеллѣ въ пользу вдовъ и сиротъ пѣвчихъ «Молитву у Креста» съ особеннымъ успѣхомъ. Въ то же время это сочиненіе было исполнено въ Вербное Воскресенье въ Стутгардѣ, и 9 и 10 Марта, два дня кряду, въ ВѢнѣ рядомъ съ ораторіей Бетховена «Христосъ на Масличной горѣ». 5 Апрѣля долженъ былъ быть концертъ въ Москвѣ съ исполненіемъ того же произведенія въ пользу бѣдныхъ; всѣ охотники пожелали участвовать, все было уже готово, какъ одинъ изъ моихъ завистниковъ подослалъ письмо безъ подписи митрополиту, въ которомъ пишетъ, какое будто производитъ дурное впечатлѣніе на Московскихъ жителей, что такіа слова поются актерами, скоморохами и что гнѣвъ Божій уже оказался сгорѣніемъ театра и что еще хуже будетъ. Митрополитъ послалъ письмо Протасову; этотъ, спѣша сдѣлать мнѣ всякій вредъ, представилъ Государю съ прикрасами, и повелѣно: какъ концерта въ Москвѣ не давать, такъ не производить этого сочиненія ни въ театрахъ, ни въ залахъ. Вы можете судить, мои друзья, какъ это меня поразило! Нѣсколько дней послѣ состоялся указъ, по которому дозволяется Stabat-Mater полатыни вездѣ, и въ пѣвческомъ корпусѣ и по-русски. У меня такъ и отлегло отъ сердца. Однако все это имѣло вліяніе на мое здоревье, и я просидѣлъ дома около 10 дней, давъ себѣ честное слово не производить въ публикѣ ничего моего сочиненія, однимъ словомъ, какъ артистъ, умереть для публики въ Россіи и ограничиться произведеніемъ моихъ сочиненій у себя въ домѣ. На этомъ основаніи оперу мою «Старосту» я взялъ назадъ, а Петрову, который хотѣлъ ее дать въ свой бенефисъ, подарилъ 150 р. с. Огорчила меня новая перемѣна о Stabat-Mater. Бумагу, которую я получилъ съ высочайшимъ повелѣніемъ, взяли назадъ; какую приплюнуть на мѣсто ея, не знаю. Явная личность противъ меня. Государь этого

не видить, указать ему никто расчета не находитъ, видя холодность ко всему, что до меня относится. Взамѣнъ отобранной у меня бумаги о Stabat-Mater прислали другую, въ которой сказано, что исполненіе «Молитвы у Креста» на Русскомъ языкѣ вовсе запрещается, а что сочиненіе мое Stabat-Mater можетъ исполняться на языкахъ иностранныхъ, такъ какъ другія подобныя сему произведенія. Я занемогъ, послали за докторомъ; а я, чувствуя себя очень дурно, послалъ разбудить бабушку. Она тотчасъ пришла и, скрывая собственное безпокойство, умными разсужденіями ободрила мой духъ. Вообразите же, до какой степени она была огорчена: возвратясь внизъ въ свою спальню, она помолилась Богу и написала Государю слѣдующее письмо:

„Ваше Императорское Величество. Призвавъ не разъ благословеніе Божіе на письмо мое, падаю и предъ вами на колѣна, Ваше Величество, испрашиваю милостивое Ваше прощеніе, что осмѣливаюсь утруждать Васъ моимъ письмомъ. Теперь 4 часа утра. Сынъ мой Алексѣй жестоко занемогъ желчнымъ разстройствомъ и въ бреду только и повторяетъ: „авось завтра Богъ поможетъ быть у обѣдни!“ потомъ не разъ повторялъ: „не хочу рапортоваться больнымъ“. Вотъ, Ваше Величество, его теперешнее положеніе, и ничего его такъ не убиваетъ, какъ потеря ничѣмъ незамѣнимой милости Вашей къ нему. По любви безпредѣльной всѣхъ моихъ дѣтей къ Вамъ, какъ къ отцу, они умрутъ у ногъ Вашихъ; только когда Вы ихъ откините отъ себя, они съ горемъ отойдутъ отъ счастья вѣрой и правдой служить Вашему Величеству. Всѣ 6 сыновей моихъ, 3 зятя и 43 внука готовы всю жизнь свою жертвовать всѣмъ что имѣютъ въ доказательство всей преданности ихъ. Не оставьте и Вы ихъ милостію Вашей, оживите сына Алексѣя. Ему ничего не надо; прикажите ему сказать хотя слово дорогаго Вашего участія: онъ оживетъ и духомъ, и тѣломъ, и Вы сохраните вѣрнаго, усерднаго слугу и между тѣмъ отца семейства и всѣхъ сиротъ, его братьевъ и сестеръ. Никто не знаетъ, что и рѣшилась передъ Вами излить тяжкое чувство души моей.—Ваше Величество, Господь смилвался надо мною: сыну получше, и бѣдная больная его жена съ горемъ готовится ѣхать за границу. Я непременно должна ѣхать въ Брестъ къ дочери и знаю, что оставляю его среди недоброжелателей, которые гонятъ его за то, что слѣпо исполняетъ повелѣнія Ваши и скорѣй умереть, чѣмъ измѣниться и въ дѣйствіяхъ и въ чувствахъ своихъ. За всѣхъ дѣтей ручаюсь Вашему Величеству. У ногъ Вашихъ со слезами умоляю оставить въ тайнѣ письмо мое и видѣть въ немъ только чувство горькой матери, которая, вспоминая всѣ прошедшія Ваши милости, дерзнула занять минутно Ваше Величество и облегчить душу свою, повергнувъ всѣхъ дѣтей и себя къ стопамъ Вашимъ“.

На другой день послѣ отправленія этого письма, чрезъ графа Адлерберга Государь прислалъ узнать о моемъ здоровьѣ. Я не имѣлъ понятія объ этомъ письмѣ, и такое особенное вниманіе меня удивило. Чрезъ нѣсколько дней потомъ я поѣхалъ благодарить Государя, который очень ласково со мною обошелся и спрашивалъ на счетъ отъѣзда вашей маменьки.

5 Декабря (1853 г.) получилъ я предписаніе министра двора графа Адлерберга, что Государь произвелъ меня въ тайные совѣтники съ званіемъ гофмейстера и директора Придворной Пѣвческой Капеллы, и что повелѣно оставить при мнѣ все содержаніе, т. е. 4 т. асс. по капеллѣ и около 8 тыс. асс. по прежнимъ окладамъ. Въ первую минуту я не могъ образумиться отъ этой перемѣны, которой и ожидать не могъ: мнѣ казалось, что я совершенно похожъ на человѣка, которому послѣ долговременной болѣзни сдѣлали операцію, которая, сколько ни служить къ облегченію больного, не менѣе того для больного мучительна отъ раны самой операціи....

26 Янв. (1854) былъ у насъ музыкальный вечеръ весьма пріятный, Е. в. Ольга Николаевна, пріѣхавшая сюда на зиму, пожелала слышать мой *Stabat-Mater*. Я этимъ воспользовался и чтобы видѣли, что я съ перемѣною службы пользуюсь тѣмъ-же вниманіемъ лицъ царскаго дома, я устроилъ этотъ вечеръ у себя. Ихъ высочества Константинъ Николаевичъ, Марія Николаевна, Ольга Николаевна съ супругомъ, Екатерина Михайловна съ супругомъ, принцесса, сестра Елены Павловны, ихъ братъ, принцъ Ольденбургскій и всѣ ихъ приближенные собрались въ 9½ ч. Послѣ первой партіи пошли чай пить, потомъ возвратились въ залу. Я игралъ адажіо Спора, и вторая партія *Stabat* окончила музыку. Все прошло отлично хорошо....

29 Марта 1854 г. князь Горчаковъ, при донесеніи о благополучномъ переходѣ чрезъ Дунай, прислалъ Государю стихи своего сочиненія, которые Его Величество приказалъ мнѣ положить на музыку. Въ два дня я это сдѣлалъ, и вчера Государь слушалъ. Военная пѣсня моя ему понравилась.....

Сегодня 19 Апрѣля даютъ «Старосту» подъ названіемъ: «Русскій мужичекъ, эпизодъ войны 1812 года». Съ одной стороны воспоминаніе о незабвенной войнѣ теперь весьма кстати; съ другой—общее расположеніе не къ веселью, а къ мрачности, когда Англійскій флотъ въ Балтикѣ и начинаетъ свои опустошенія въ приморскихъ городахъ, съ намѣреніемъ попытаться и въ Кронштадтѣ, а потомъ въ Петербургѣ....

20 число. Представленіе «Старосты» прошло очень хорошо, аплодировали каждый нумеръ; послѣ втораго акта меня вызывали; но

я, соображая настоящія обстоятельства, счелъ за лучшее не показываться и не возбуждать собственно собою криковъ и шуму. Надежда Самойлова пѣла Матвѣеву, Булаховъ—Матвѣева; Петровъ—Старосту; Мооръ—Кнопфа очень хорошо; Артемовскій—Зарубаева, очень дурно. Нумера 1-й и 8-й произвели большой эффектъ, увертюра тоже; 3-й актъ показался холоденъ послѣ втораго и еще болѣе потерпѣлъ отъ Русской пляски, которая была очень плоха. Пріятно то, что Русскій сочинилъ либретто, Русскій написалъ музыку, Русскій дирижировалъ, Русскіе спѣли и весьма удовлетворительно..... 25 Іюня, день рожденія Государя, давали «Старосту» въ 7-й разъ....

Вчера, т. е. 26 Іюня умеръ графъ Воронцовъ-Дашковъ. Пріѣхавъ въ Петергофъ поздравить Государя съ именинами 25 числа, на канунѣ занемогъ, а 26 числа въ Петергофѣ скончался....

30 Іюня командиръ Горскаго полу-эскадрона, полковникъ Хату-Анзоровъ пригласилъ меня обѣдать въ Павловское; я поѣхалъ и былъ встрѣченъ всѣми офицерами конвоя, кромѣ должностныхъ. Обѣдъ былъ отличный, при концѣ стали пить за мое здоровье и всего нашего семейства; слово «благодаримъ» повторялось безпрестанно. Вставъ изъ за стола, всѣ кинулись цѣловать меня, кто лице, кто руки, такъ что слезы покатились изъ глазъ моихъ. «Нѣтъ васъ болѣе съ нами, и мы это чувствуемъ на каждомъ часу!» повторяли они. Потомъ Хату-Анзоровъ вынесъ изъ другой комнаты древнюю саблю (шашку) и, подавая мнѣ, сказалъ: «Примите, добрый нашъ начальникъ, эту саблю на память нашей къ вамъ благодарности; это желѣзо не тверже чувствъ нашихъ». Взявъ саблю, я не находилъ словъ для изъясненія того, что ощущаю, тѣмъ болѣе, что уже полгода протекло, какъ миновались всѣ служебныя между нами сношенія, и слѣдовательно горцы въ поступкѣ своемъ не могли видѣть никакихъ выгодныхъ для себя послѣдствій. На клинкѣ сабли увидѣлъ я слѣдующую надпись:

Незабвенному, доброму начальнику Алексѣю Федоровичу Львову въ знакъ памяти за долговременное отеческое попеченіе. Отъ общества гг. офицеровъ л. г. Кавказско-горскаго полу-эскадрона и собственнаго конвоя Его Величества. С.-Петербургъ, Декабря 4 дня 1853 года Х. Анзоровъ І. А. Каплановъ. К. Гусаровъ. К. Мальсаговъ О. Абисаловъ. Ака-Умашъ. Х. Магометъ. М. Наврузовъ. Г. Атарщиковъ. Е. Фроловъ.

Сегодня, 18 Февраля 1855 г. въ 12 ч. и 20 м. дня, скончался нашъ Государь-Отецъ Николай Павловичъ. Скорбь души не позволяетъ мнѣ писать болѣе....

Вчера ея в. Ольгѣ Николаевнѣ угодно было послушать въ ея залѣ 10 молитвъ изъ Постной Тріоди. Нѣсколько уже разъ мы пѣли ихъ у меня дома, сидя вокругъ стола. Хоръ нашъ состоялъ изъ 4 дискантовъ, 4 альтовъ, 2 теноровъ, 2 басовъ и 2 контръ-басовъ. Въ

этомъ составѣ явился я къ ея высочеству въ 8 часовъ вечера, какъ Ольга Николаевна пришла сказать, что Государыня Императрица Александра Федоровна желаетъ слышать пѣніе и что надо перебраться наверхъ. Расположась въ золотой гостиной, пропѣли мы восемь номеровъ, потомъ по желанію Императрицы повторили два послѣдніе, потомъ еще пѣли «Вечери Твоя Тайныя» и «Милость міра». Служили обѣ Императрицы, Ольга Николаевна, Николай и Михаилъ Николаевичи, принцъ Виртембергскій, супругъ Ольги Николаевны, принцъ Карлъ Прусскій и нѣсколько фрейлинъ. Совершенство, съ которымъ пѣлъ этотъ маленькій хоръ подъ моимъ руководствомъ, выше всякой похвалы; подобный наборъ голосовъ можетъ быть только у Императора Россійскаго, и нигдѣ въ мірѣ ничего подобнаго услышать невозможно. Я находился послѣ столькихъ лѣтъ въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ участвовалъ въ столькихъ увеселеніяхъ, домашнихъ собраніяхъ и сердечныхъ отношеніяхъ. Вліяніе самаго пѣнія, привычное во мнѣ сомнѣніе, что молитвы мои понравятся, желаніе и страхъ увидѣть столь близко Императрицу Александру Федоровну въ первый разъ послѣ постигшаго ее горя, присутствіе прочихъ лицъ царскаго дома — все это произвело во мнѣ ужасное волненіе; мнѣ казалось, что нѣтъ жилки, которая бы не трепетала, и сердце безпрестанно билось. Отъ всего этого мнѣ было тяжелѣе обыкновеннаго вслушиваться, что говорятъ, и при всякомъ словѣ, которое до меня не доходило, потъ пробѣгалъ по всему тѣлу. Ольга Николаевна это замѣтила, и подошедъ къ маменькѣ, которая также тутъ была, говоритъ ей, какъ странно, что я иногда затрудняюсь слышать разговоръ и такъ утонченно слышу музыку. Маменька подтвердила, что и мы не понимаемъ тому причины, но что я положительно слышу хуже, когда я въ волненіи душевномъ. По окончаніи пѣнія Императрица Александра Федоровна пожелала меня видѣть, сказавъ фрейлинѣ Бартеневой. «Ah Lvow, c'est un monde de souvenirs! ¹⁾ Но прежде подошла къ маменькѣ и обласкавъ ее сказала: «Votre mari est si bon, sa musique est si belle! J'aurais bien voulu le lui dire, mais il ne me comprendra pas ²⁾», желая этимъ сказать, что она громко говорить не можетъ; потомъ подошла ко мнѣ и сказала, Vous ne me comprenez pas ³⁾ и протянула мнѣ руку. Я, не зная, что слова ея значать, молчалъ, пораженный ужасной перемѣной, ко-

¹⁾ Ахъ Львовъ, это міръ воспоминаній!

²⁾ Мужъ вашъ такъ добръ, музыка его такъ прекрасна. Я бы желала ему это сказать, но онъ меня не пойметъ.

³⁾ Вы не понимаете меня.

тору ю въ ней напелъ. Крѣпко цѣловалъ я ея руку, наконецъ она посмотрѣла на меня, заплакала, закрыла глаза руками и поспѣшно вошла въ свой кабинетъ, а я остался, окруженный всѣми другими; слезы текли изъ глазъ моихъ.

Вижу, что Государь при капеллѣ находитъ меня необходимымъ. Иностранныя газеты продолжаютъ выхвалять мой *Stabat-Mater*. Изъ Голландіи получилъ дипломъ высшаго достоинства. Сочинилъ я женскій хоръ для Духовнаго Царскосельскаго училища, потомъ: «Да молчитъ всякая плоть» (безъ мѣрнаго ритма). Ноты мои продаются очень хорошо; стало, ихъ пѣть желаютъ.

Лѣтомъ мы жили въ Царскомъ Селѣ, на дачѣ Новосильцова; судя по встрѣчаемой со всѣхъ сторонъ холодности, я сомнѣвался, чтобы и меня отправили на коронацію, какъ получилъ я приказаніе отправиться въ Москву весь хоръ придворныхъ пѣвчихъ и ѣхать самому и что Государь приказываетъ мнѣ взять на себя устройство музыки во время фейерверка. Въ Москвѣ получилъ я предписаніе о назначеніи меня къ поддержанію порфиры у лѣваго плеча во время коронованія Государыни Императрицы Маріи Александровны.

При церемоніальномъ вѣздѣ въ Москву и въ день коронованія пѣвчіе пѣли отлично, такъ что принцъ Прусскій и чужестранные послы пожелали ихъ слышать особо. Я сдѣлалъ два духовныхъ концерта, въ которыхъ добрые мои сослуживцы превзошли себя и мои ожиданія. Принцъ и послы были въ восторгѣ, а нунцій, пріѣхавшій отъ папы, сознался, что нашъ хоръ лучше ихъ Сикстинской капеллы.

26 поѣхалъ я во дворецъ въ 7 часовъ утра, все время коронованія и во время стола былъ безотлучно при Императрицѣ, весьма ловко продержалъ ея порфиру и возвратился домой въ 6 часовъ, не позволивъ себѣ во весь день ни пить, ни ѣсть. За то вы видѣли, мои друзья, съ какимъ удовольствіемъ я дома обѣдалъ и съ какимъ спокойствіемъ духа легъ спать. Въ день коронованія Государь пожаловалъ мнѣ богатую табатерку съ его портретомъ. Очень заботилъ меня фейерверкъ, на которомъ должно было исполнить гимнъ съ аккомпаниментомъ пушекъ. Я самъ игралъ на инструментѣ, производившемъ выстрѣлы. Соображаясь, какъ ихъ производить, я назначилъ всѣ выстрѣлы на первую и третью четверть темпа и дѣлалъ уже репетицію, какъ пріѣхали послушать извѣстный нашъ артистъ Гензельтъ и братъ Леонидъ Ѳедоровичъ. По излишнему старанію и по выраженію нотъ 21 и 29 такта, я ошибкою ударилъ по пушкамъ въ тактъ, отъ чего выстрѣлы произошли противъ такта, т.-е. на 2-й и 4-й четверти. Гензельтъ и братъ Леонидъ Ѳедоровичъ, какъ хорошіе музыканты, нашедъ, что эта ошибка открыла новый и

разительный синкопическій эффектъ, когда ударъ барабана былъ на 1-й четверти, выстрѣлъ на 2-й, барабанъ на 3-й, выстрѣлъ на 4-й и наконецъ оба удара сливались на 1-й четверти слѣдующаго такта, просили меня непремѣнно такъ дѣлать и впередъ. Я ихъ послушалъ и, отставъ отъ моего обдуманнаго предположенія, сдѣлалъ какъ они желали. Что же вышло? Знающіе музыканты и тѣ кому я прежде объяснилъ этотъ синкопическій контрапунктъ, его поняли; масса же слушателей, до 300 тыс. человѣкъ, ожидая выстрѣловъ въ тактъ, заключила, что я ошибся, и выстрѣлы опоздали; заключили и, не взявъ на себя труда вникнуть въ дѣло, написали такъ въ иностранныхъ газетахъ. Когда Гензельтъ по окончаніи фейерверка поздравлялъ меня съ успѣхомъ, то я, благодаря его, сказалъ: «*Félicitez-moi avec le succès et un millier d'ennemis de plus.**)».

Здоровье мое ухудшилось, и мы рѣшились ѣхать за границу. Выѣхали 15 Іюня 1857 года, но къ несчастію эта поѣздка сдѣлала мнѣ мало пользы. По возвращеніи въ Петербургъ я получилъ письмо изъ Флоренціи отъ профессора Жіоржети, которымъ онъ меня извѣщаетъ, что по исполненіи моего *Stabat*, всѣ члены Академіи Изящныхъ Художествъ единогласно положили мнѣ званіе профессора и капельмейстера Академіи и что дипломъ на это званіе отправленъ Россійскому посольству въ Римъ для доставленія ко мнѣ.

Желая показать мою благодарность домъ-хору за точное исполненіе моихъ сочиненій, я сочинилъ Херувимскую пѣснь № 2 и послалъ директору этого хора г. Нойдгардту съ Нѣмецкимъ заглавнымъ листомъ.

Мнѣ дано порученіе составить хоръ изъ 1000 человѣкъ къ освященію Исаіевскаго собора, потомъ устроить хоръ постоянный для сего собора изъ 50 человѣкъ пѣвчихъ. Въ это время разныя непріятности заставили меня просить увольненія отъ директорства капеллою, Графы Віельгорскій и Апраксинъ были дѣятельнѣйшими моими защитниками и сказали министру графу Адлербергу, что я незамѣнимъ. Вслѣдъ за тѣмъ получилъ я разрѣшеніе на все, что требовалъ, ежели угодно, чтобы я остался; потомъ четыре раза приглашала меня Императрица играть у нея квартеты. Она и Государь посѣтили второй вечеръ Концертнаго Общества. Наконецъ, послѣ трехъ почти лѣтъ, Государь приказалъ у обѣдни пѣть мой «Отче Нашъ» № 1. Пѣвчіе, не ожидая такого приказанія, потерялись совершенно и, не имѣя нотъ, пѣли ощупью, ошибочно и фальшиво, что весьма естественно.

Наконецъ, въ Іюль вышла изъ печати моя книжка о свободномъ ритмѣ; я разослалъ ее ко многимъ знакомымъ мнѣ лицамъ духовен

*) Поздравьте меня съ успѣхомъ и съ новою тысячею недоброжелателей.

ства и частнымъ, остальные экземпляры постараюсь продать, но это все равно: дѣло въ томъ, что ежели по времени иностранцы примутся за эту мысль, въ чемъ я нимало не сомнѣваюсь, то книжка моя послужитъ положительнымъ доказательствомъ, что мысль эта по возможности уже развита у насъ Русскихъ первыхъ.

Новый 1859 годъ началъ я съ сердечнымъ утѣшеніемъ: освобожденіе крестьянъ отъ рабства есть дѣло великое, богоугодное дѣло, которое возбудитъ въ людяхъ понятіе самобытности, разовьетъ способности каждаго и стремленіе ко всему полезному, однимъ словомъ, совершеніе этого дѣла было бы для Россіи величайшимъ благомъ. Но съ чего начать? Съ того, что отдать т.-е. подарить крестьянамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе ихъ усадебныя земли со всѣми на нихъ строеніями. Для чего? Для того, чтобы крестьяне видѣли, что помѣщики это дѣлаютъ сами по себѣ, а не по приказанію, и для того, чтобы крестьяне поняли первое чувство собственности.

Обдумавъ это вполнѣ, я написалъ письмо министру императорскаго двора слѣдующаго содержанія:

Милостивый государь, графъ Владимиръ Ѳедоровичъ! Извините меня. ваше сіятельство, что беспокою васъ дѣломъ совершенно частнымъ, къ исполненію котораго я приступить не смѣю безъ всемилостивѣйшаго на то соизволенія Его Императорскаго Величества. Дѣло это заключается въ слѣдующемъ. За женою моею и за мною состоятъ два имѣнія: въ Саратовской губ. 850 душъ и 9673 десятины земли, въ числѣ которыхъ подъ усадьбами крестьянъ 145; и въ Московской губ. 65 душъ и 801 десятина земли, въ числѣ которыхъ подъ усадьбами крестьянъ 12 десятинъ. Крестьяне того и другаго имѣнія служили родителямъ нашимъ и служатъ намъ болѣе 20 лѣтъ съ особенною похвалою, и мы, въ вознагражденіе за ихъ усердіе, желали бы какъ тѣмъ, такъ и другимъ подарить въ ихъ вѣчную и потомственную собственность землю, находящуюся подъ ихъ усадьбами, съ двумя только условіями: 1) Чтобы они не имѣли права продавать или отдавать въ наймы этой земли людямъ постороннимъ, и 2) отнюдь и ни въ какомъ видѣ не заводили бы кабаковъ или харчевень и всякаго другаго способа продавать крѣпкіе напитки. Цѣль наша въ семъ намѣреніи есть во первыхъ, улучшеніе быта крестьянъ и потомъ надежда, что каждый крестьянинъ, получивъ землю въ свою собственность, безъ сомнѣнія приметъ разныя средства къ извлеченію себѣ нѣкоторыхъ доходовъ, въ чемъ мы будемъ подавать имъ возможную помощь и чрезъ то онъ къ подаренной ему землѣ болѣе и болѣе привяжется. По истеченіи же двухъ или болѣе лѣтъ, если мы увидимъ, что ожиданія наши совершились, тогда съ дозволенія правительства мы освободимъ ихъ отъ крѣпостнаго состоянія; если же, напротивъ, ожиданія наши не сбудутся, и мы

понесемъ нѣкоторыя потери, то въ этомъ случаѣ будемъ счастливы участіемъ въ мудрой и всеблагой волѣ Государя Императора, клонящейся къ счастію общественному, при чемъ убытки или прибыли частныя вниманія не заслуживаютъ. Смѣю надѣяться, что ваше сіятельство удостоите меня вашимъ по сему предмету увѣдомленіемъ, и тогда въ случаѣ высочайшаго соизволенія, мы войдемъ по сему дѣлу въ формальное сношеніе съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Благоволите и проч. 8 Ноября 1858 года.

Письмо это Государь приказалъ отправить въ Главный Комитетъ, состоящій въ Петербургѣ и о его заключеніи донести Его Величеству, вслѣдствіе чего Комитетъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ сообщилъ мнѣ, что мы можемъ это сдѣлать безъ особаго утвержденія правительства. На этомъ основаніи мы составили дарственный листъ за нашей подписью съ приложеніемъ нашей печати и засвидѣтельствованіемъ священника, выписали изъ Костина трехъ выбранныхъ міромъ крестьянъ и, объявивъ имъ о нашемъ въ пользу ихъ пожертвованіи, отдали имъ дарственный листъ, вмѣстѣ отслужили молебень и отправили ихъ обратно въ Костино. Надо было видѣть, съ какою благодарностью былъ принять даръ нашъ.

Небольшое это имѣніе послужить намъ примѣромъ для Оедоровскаго; ежели въ Костинѣ пойдетъ хорошо, то сдѣлаемъ и въ Оедоровскомъ, а ежели въ Костинѣ мѣра эта поведетъ къ нашему ущербу, то подождемъ, не обращая большаго вниманія на Костино, которое и теперь дохода намъ не приноситъ, а едва уплачиваетъ за себя въ Опекунскій Совѣтъ. При освобожденіи же крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія, дѣло будетъ другое; ибо земли въ Костинѣ болѣе количества необходимаго по настоящему числу крестьянъ.

Я сказалъ выше, что мы будемъ по возможности помогать крестьянамъ къ извлеченію изъ подаренной имъ земли выгодъ. Такъ, это дѣлать необходимо; но помощь эту ограничить $\frac{1}{10}$ частью цѣнности предмета, на примѣръ: крестьянинъ захочетъ построить мельницу, на которую надо употребить примѣрно 300 р., то въ случаѣ неимѣнія у крестьянина довольно денегъ, можно дать ему 30 р., но не болѣе, такъ чтобы 270 р. онъ положилъ свои, и это для того, что помощію достигается предполагаемая цѣль, не умаляя въ крестьянинѣ желанія остаться при его мельницѣ, на которую онъ положилъ 270 р. и трудъ; и этой соразмѣрности должно держаться при всякомъ предпріятіи крестьянъ. Все это я записалъ вамъ, мои друзья, чтобы вы знали въ подробности мои на этотъ счетъ мысли и намѣренія и въ случаѣ нужды онымъ слѣдовали, развѣ какія-либо неизвѣстныя нынѣ мѣры правительства васъ принудятъ поступить иначе; вообще прошу васъ го-

ворить о семъ какъ можно меньше и не слушать разныхъ толковъ и совѣтовъ. Рѣдко, весьма рѣдко, основаны они на вашей пользѣ, а напротивъ даются лишь для того, чтобы вы послужили какъ бы опытомъ для совѣтчика.

9 Января (1859), у насъ былъ музыкальный вечеръ для Е. В. Наслѣдника Цесаревича. Мы все сдѣлали, что отъ насъ зависѣло, чтобы угостить дорогаго гостя, сообразно его лѣтамъ. Все удалось какъ нельзя лучше! И такъ мы имѣли утѣшеніе видѣть въ своемъ домѣ Е. В. Николая Александровича, его отца Александра Николаевича и его дѣда Николая Павловича.

Книжку о свободномъ ритмѣ я отдалъ перевести на Нѣмецкій языкъ, заплатилъ за это Минцлову 200 р. сер. Книжку напечаталъ я и послалъ ко всѣмъ ученымъ Нѣмецкимъ. Что-то скажутъ?

Лѣтомъ я чувствовалъ себя довольно хорошо, жилъ въ Петергофѣ и вакантное отъ Сената время употребилъ на сочиненіе учебнаго уврача играющимъ на скрипкѣ; въ предисловіи къ 24 примѣрамъ на всѣ тоны гаммы довольно объяснены и цѣль моя и намѣренія. Трудъ этотъ я издалъ на свой счетъ, чтобы имѣть право назначить экземплярамъ самую незначительную цѣну, которая не можетъ затруднить ученика и самаго неимущаго, наставленія же мои оградятъ его отъ многихъ обмановъ. Это и меня утѣшаетъ тѣмъ, что постоянное занятіе мое симъ искусствомъ и огромные труды, не ограничились однимъ удовольствіями, а повели меня къ возможности быть полезнымъ своимъ соотечественникамъ.

Въ день совершеннолѣтія Наслѣдника Цесаревича я получилъ орденъ Св. Владимира 2 степени, 8 Сентября 1859 г.

По доставленіи въ С.-Петербургъ вновь утвержденного камертона, оказалось, что онъ *совершенно сходенъ* съ тѣмъ, который я послалъ въ Коммиссію, только я послалъ до, а они утвердили la.

11-го Іюля состоялось высочайшее повелѣніе согласно моей просьбѣ о причисленіи меня къ сенаторамъ неприсутствующимъ. Черезъ это я теряю 2700 рубл. жалованья, но слабое мое здоровье меня принудило уменьшить мои занятія и поберечь, если Богу будетъ угодно, мое здоровье для семьи. Присутствіе же мое въ департаментѣ съ моимъ слухомъ было истинное мученье.

27 Іюня 1861 г. я получилъ отъ министра императорскаго двора письмо объ увольненіи меня отъ обязанности директора капеллы вслѣдствіе моей просьбы.

Я продолжаю писать и вспоминаю теперь слова добраго моего друга и несравненнаго отца: «учись, Алеша», генераль-басу, говорилъ онъ мнѣ, придетъ время, что играть на скрипкѣ перестанешь, то какъ

велико тебѣ будетъ наслажденіе заниматься сочиненіемъ». Теперь испытываю истину сихъ словъ на дѣлѣ. На скрипкѣ почти не играю, это требуетъ движеній слишкомъ усиленныхъ, да и слухъ мѣшаетъ мнѣ слышать, чего я всегда искалъ играя на скрипкѣ, т.-е. звука, подходящаго къ голосу человѣческому. И въ этомъ отношеніи я доходилъ до того, что одинъ разъ Государь Николай Павловичъ, слушая, какъ я вторю фрейлинѣ Бартеневой въ одной музыкальной пьесѣ, сказалъ мнѣ: «Игра твоя меня прельщаетъ, хотя я много разъ тебя слышу; но подводить твой тонъ къ голосу Бартеневой такъ близко—меня удивляетъ. Сидя въ той же комнатѣ, я различить не могъ, которая нота Бартеневой и которая нота твоя». Не зналъ Государь, какъ высоко онъ похвалилъ меня!

Я написалъ въ Апрѣлѣ «Да исправится молитва моя» и «Архангельскій гласъ», а въ Іюлѣ «Ис-полла»; сверхъ того передѣлалъ всю оперету «Варвару» и послалъ ее въ Московскій театръ по просьбѣ брата Леонида, состоящаго тамъ на службѣ.

На сихъ дняхъ я былъ обрадованъ присылкою мнѣ изъ Парижа инструмента, коимъ сравниваются камертоны отъ 1686 по 1859 годъ, съ показаніемъ, какія произведенія были исполняемы на Парижской сценѣ и по какому камертону. Инструментъ этотъ, въ высшей степени интересный для музыкальнаго сценическаго искусства, служить вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ въ правильности утвержденія камертона въ 870 колебаній. Его поднесли мнѣ знаменитые фабриканты Плейель и Вольфъ. Какъ пріятно было видѣть такое вниманіе иностранцевъ къ моему таланту, и какъ горько, что въ отечествѣ моемъ я не могъ при всѣхъ трудахъ заслужить хоть десятую долю.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ написалъ я Кавказскую пѣсню съ оркестромъ а въ теченіе зимы написалъ до тысячи страницъ простыхъ напѣвовъ на Монгольскомъ языкѣ и отправилъ ихъ архіепископу Нилу. 4 Апрѣля получилъ я дипломъ (21-й) на званіе академика-корреспондента Академическаго Института Музыки во Флоренціи. Приближалось 30 Августа; но я, удалясь отъ всякой обязанности, ни о чемъ не заботился, какъ получаю отъ министра двора отношеніе, которымъ онъ сообщаетъ, что Государю Императору благоугодно было пожаловать меня въ оберъ-гофмейстеры съ оставленіемъ въ должности сенатора. Это вниманіе къ старому слугѣ тронуло меня до чрезвычайности.

Послѣдніе годы я долженъ былъ ограничиться только тою музыкою, которая мнѣ доступна, какъ напримѣръ: собственною игрою на скрипкѣ или военною музыкою, которая звучностью своей удовлетворяла меня въ отношеніи слуха, и я принялся было ею заниматься, желая ввести въ употребленіе вновь изобрѣтенные г. Саксомъ въ Па-

рижъ инструменты, называемые саксофонами. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія Государя Императора, Его Величество пожелалъ ихъ слышать, и я обязанъ былъ представить музыку кавалергардскаго полка, съ которой преимущественно по предмету сему занимался. Это было осенью 1862 года. Сдѣлавъ до 20 репетицій и сочинивъ нарочно для сего пьесу, я представилъ музыку Государю, который остался ею совершенно доволенъ и очень благодарилъ меня.

На зиму, по совѣту докторовъ, я поѣхалъ въ Италію. Въ Ниццѣ я прожилъ 6 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ къ мучительной моей болѣзни присоединились скорбныя обстоятельства. Какую могъ я ожидать пользу отъ тамошняго климата, когда я не жилъ, а мучился и день и ночь? Къ тому же доктора запретили мнѣ всякое занятіе музыкою, не позволяли играть на скрипкѣ, слушать музыку и даже писать ноты. Съ потерю этого искусства я чувствовалъ себя осиротѣлымъ; мнѣ казалось, что я лишился друга, съ которымъ такъ дружно прожилъ болѣе полувѣка. 14 числа Марта сего 1866 года, минуло 50 лѣтъ служенія моего въ офицерскомъ званіи. Дошло до свѣдѣнія Государя Александра Николаевича о моемъ юбилеѣ, и Его Величество изволилъ приказать не говорить объ этомъ, а 14 Марта всемилостивѣйше удостоилъ меня богатымъ подаркомъ табатерки съ портретомъ Его Величества и украшенной брилліантами.

Все въ мірѣ проходитъ! Вотъ и партнеръ мой въ квартетахъ, графъ Матвій Віельгорскій скончался въ Ниццѣ 21 Февраля 1866 г. Сначала онъ былъ боленъ какимъ-то горбомъ на спинѣ, потомъ страдалъ подагрой въ ногахъ и рукахъ и съ этими болѣзнями отправился на тотъ свѣтъ! Небудучи въ состояніи болѣе играть на своемъ віолончелѣ, онъ подарилъ этотъ неоцѣненный инструментъ артисту Давыдову, который на віолончелѣ играетъ очень хорошо, да сверхъ того Русскій. Что будетъ съ моей несравненной скрипкой? Я игралъ на ней болѣе 50 лѣтъ *)!

Въ теченіе 1866 и 1867 г. я переложилъ съ древняго напѣва молитвы: «Нынѣ силы» и Херувимскую пѣснь». Обѣ на ритмъ несимметричнымъ.

*

Знаменитый нашъ композиторъ скончался 16 Декабря 1870 года, въ имѣніи своемъ Романи, близъ города Ковны. Прахъ его похороненъ въ сосѣднемъ Пожайскомъ монастырѣ. П. Б.

*) Эта драгоценность сохраняется у сына А. О. Львова, Федора Алексѣевича. П. Б.